

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Научно-образовательный центр
когнитивных программ и технологий

Интегративные и кросс-культурные подходы
к изучению мышления и языка

Материалы
международной научной конференции

Москва, 5–6 апреля 2022 г.

УДК 81'272(063)
ББК 81.006я431
И73

Ответственные редакторы
В.И. Заботкина, С.И. Переверзева

Рецензент
*Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор,
Институт лингвистики РГГУ*

И73 **Интегративные** и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка:
Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 5–6 апреля 2022 г. / Отв. ред. В.И. Заботкина,
С.И. Переверзева. М.: РГГУ, 2022. 162 с.

ISBN 978-5-7281- 3211-0

Сборник содержит статьи, опубликованные по итогам Международной научной конференции «Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка», проводившейся 5–6 апреля в Москве. Представленные в нем работы охватывают широкий круг тем, начиная формированием интегрированного знания о кросс-культурных контактах с позиции гуманитарных наук, нейронаук и искусственного интеллекта и заканчивая прагматикой метафоры в разных культурах.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей гуманитарных дисциплин и искусственного интеллекта, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами когнитивистики.

УДК 81'272(063)
ББК 81.006я431

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-7281- 3211-0

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Содержание

Раздел I. Формирование интегрированного знания о кросс-культурных контактах с позиции гуманитарных наук, нейронаук и искусственного интеллекта

<i>Белимова П.А., Защиринская О.В., Щеглова Н.А.</i> Исследование интеграции подростков с легкой умственной отсталостью в культурно-лингвистическое поле пиктографической коммуникации ..	6
<i>Бударина А.О., Короленко И.А.</i> Социопрагматика в профессиональном лингвистическом образовании: антропологический поворот	11
<i>Глазунова О.И.</i> ДНК мысли: генетический код языка и мышления	15
<i>Пономарева О.Б.</i> Кросс-культурные лингвистические модели субстандартной антропонимической и топонимической деривации в когнитивном аспекте	19
<i>Троценкова Е.В.</i> Интернет-мемы как концентраторы аксиологического аспекта событийных репрезентаций	23
<i>Шапошникова И.В.</i> Модели языковой личности в поиске интегрированного знания о человеке	26
<i>Черных Г.А., Письмак Ю.М., Куперин Ю.А.</i> Музыка самоорганизующихся структур в исследовании когнитивных процессов	31

Раздел II. Кросс-культурные особенности взаимодействия наук и искусств

<i>Виноградов С.Н.</i> Парадигматика языка как универсальная модель проблемной ситуации	35
<i>Гурочкина А.Г., Щирова И.А.</i> Толерантность, понимание и интерпретация в кросс-культурных взаимодействиях	39
<i>Дроздова Т.В.</i> Вербализация содержания знания современной междисциплинарной области в аспекте кросс-культурных соответствий	42
<i>Лаенко Л.В.</i> Насколько лингвокреативен текст искусствоведческого комментария произведений изобразительного искусства?	46
<i>Петухова Т.И.</i> Когнитивный механизм сравнения в англоязычном искусствоведческом тексте об изобразительном искусстве соцреализма	50
<i>Тимофеев В.Г.</i> Нарратология как вызов когнитивным исследованиям: интерпретация картины П. Блюма «Скала»	54

Раздел III. Когнитивные характеристики вербальных репрезентаций норм и традиций в различных социумах

<i>Абакумова О.Б.</i> Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи	57
<i>Вишнякова О.Д.</i> Антропонимическое прозвище: традиции именования и соответствие норме	61
<i>Голубкова Е.Е., Канашина С.В.</i> Когнитивный фрейминг и рефрейминг в англоязычных интернет-мемах	65
<i>Дубровская О.Г.</i> Моделирование социокультурных характеристик: социокультурная организация дискурса	69
<i>Манерко Л.А., Шаранкова А.А.</i> Стержневые смыслы философии морали Джона Локка	73

Раздел IV. Исследование механизма взаимодействия категоризации событий с аксиологическим пластом их репрезентации. Изучение кросс-лингвистических соответствий

<i>Гришаева Л.И.</i> Корреляция аксиологических когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий в людической коммуникации	75
<i>Левицкий А.Э.</i> Соотношение вербальной репрезентации информации в русской и английской картинах мира: проблема частичных совпадений	81
<i>Лось А.Л.</i> Экспериментальное исследование различий в когнитивной интерпретации звуковых ощущений в английском и русском языках	85
<i>Соколова Н.Ю.</i> Кросс-культурная интерпретация аксиогенного события в искусстве	90
<i>Тульнова М.А.</i> Аксиологическая трансформация концептов в период глобального кризиса	94
<i>Языков К.Г., Реверчук И.В.</i> Времясвязывание в феноменологии психотелесности (эмпирический подход)	98

*Раздел V. Особенности, характеризующие эмоциональные концепты:
кросс-культурный аспект рассмотрения*

<i>Горностаева А.А.</i> Этностилистические особенности английского и русского иронического дискурса	102
<i>Мухина Ю.Н.</i> Сенсорная поддержка эмоций в русском и английском языках	107
<i>Федяева Е.В., Тарабакина А.А.</i> Этнокультурная специфика концептуализации эмоций и ее репрезентация в языке	111

*Раздел VI. Исследования в области аргументирования,
зрительного восприятия и социальной когниции*

<i>Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.</i> Моделирование коллаборативного перевода	115
<i>Радбиль Т.Б.</i> Метаязыковые операторы как средство манипулятивной апелляции говорящего к когнитивной базе языкового сообщества	122
<i>Сизова О.Б.</i> Культура и когнитивные стили: в поисках агента влияния	126

Раздел VII. Прагматика метафоры и процессы понимания в разных культурах

<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Концептуальная метафора как инструмент реконструирования исторического прошлого в разных культурах	130
<i>Ныгметова Б.Д., Оспанова Ж.Т.</i> Прагматический аспект метеорологической метафоры	134
<i>Таймур М.П.</i> Прагматическая роль смешанной метафоры в креативном англоязычном дискурсе	138
<i>Щербинина Ю.И.</i> Metaphors and demetaphorization in English-language literary fairy tales (based on "Mary Poppins" by P.L. Travers) [Метафоризация и деметафоризация в английской литературной сказке на примере повести «Мэри Поппинс» П.Л. Трэверс]	141

Раздел VIII. Обзоры

<i>Козлова Л.А.</i> Способы репрезентации культурно-специфического в лексиконе языка и их учет при переводе	144
<i>Кузнецова И.П.</i> Кросс-культурные аспекты рассмотрения эмоциональных концептов в процессе изучения иностранных языков	147
<i>Тырыгина В.А.</i> Концептуализация эмоций в разных языках	150
<i>Федяева Е.В.</i> Нормы как когнитивные доминанты: кросс-культурная вариативность	154
<i>Хвесько Т.В., Шатилович О.В.</i> Кросс-культурные и когнитивные аспекты фразеологических единиц	157
Наши авторы	159

*Раздел I. Формирование интегрированного знания
о кросс-культурных контактах с позиции гуманитарных наук,
нейронаук и искусственного интеллекта*

П.А. Белимова
О.В. Защирина
*Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург*

Н.А. Щеглова
*Йоркский университет
г. Йорк, Великобритания*

**Исследование интеграции подростков с легкой умственной отсталостью
в культурно-лингвистическое поле пиктографической коммуникации**

Аннотация. Пиктограммы способны выполнять интегрирующую и инклюзивную функцию для людей с нарушениями интеллекта в культурной, цифровой и общественной среде. Исследование посвящено изучению специфики паттернов зрительного восприятия и интерпретации пиктограмм разной степени иконичности подростками с легкой умственной отсталостью (УО). Сделан вывод о различии пиктограмм по степени понятности для учащихся с легкой УО: использование пиктограмм системы LoCoS© как промежуточной по степени иконичности системы повышает вероятность верного ответа в ~3 раза, а элементы системы Blissymbolics снижают в 0,5 раза. На восприятие учащимися с легкой УО знаков публичных мест повлиял опыт изучения стимульных пиктограмм в школьной программе.

Ключевые слова: инклюзия, легкая умственная отсталость, альтернативная коммуникация, пиктограммы, иконичность

P.A. Belimova
O.V. Zashchirinskaia
*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg*

N.A. Scheglova
*University of York
York, Great Britain*

**How adolescents with mild mental retardation integrate
into the cultural and linguistic field by means of alternative communication**

Abstract. Pictograms may perform an integrative and inclusive function for people with intellectual disabilities in the cultural, digital and social environment. The study reveals the specificity of visual perception and interpretation of pictograms by adolescents with mild intellectual disability (MID), according to the assumption that pictograms of different systems vary in the degree of iconicity. We made a conclusion about distinction of pictograms according to their degree of comprehensibility for students with mild intellectual disability: the usage of the LoCoS© pictograms as an intermediate iconicity system increases the probability of the correct answer in ~3 times, while the Blissymbolics system decreases it in 0,5 times. The perception of public signs by students with MID was influenced by their experience in the school curriculum.

Keywords: inclusion, mild intellectual disability, alternative communication, pictograms, iconicity

*Роль информационных технологий
для людей с ограниченными возможностями здоровья*

Проблема цифрового разрыва (*digital divide*) является актуальной и обсуждается, в том числе, в связи с лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Ограничения в доступе к информационному цифровому пространству в современном мире влечет за собой трудности

интеграции в культурное пространство для людей с нарушениями опорно-двигательной системы, зрения, слуха, а также с интеллектуальными нарушениями. Дж. Ван Дийк (van Dijk) выделяет четыре последовательных типа доступа к цифровым технологиям: физический (physical), мотивационный (motivational), навыки (skills) и применение (usage) [1]. Можно говорить о том, что все перечисленные компоненты играют роль в интеграции людей с нарушениями интеллекта в культурно-лингвистическое цифровое поле.

Многие доступные вспомогательные технологии для людей с ограниченными возможностями основаны на использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обеспечивающих улучшение коммуникации, возможностей обучения или профессиональной деятельности. Это могут быть, например, устройства альтернативной и дополнительной коммуникации (ААС) [2], или компьютерное распознавание и синтез речи [3].

ИКТ являются одним из ключевых направлений развития ассистивных технологий. Использование ИКТ может рассматриваться и как возможность, и как источник потенциальных барьеров для людей с ограниченными возможностями. Инвалидность может препятствовать использованию информационных технологий, например доступу в Интернет [4]. Осознание того, что люди с ограниченными возможностями испытывают усиление цифрового разрыва, привело к появлению инициатив, направленных на повышение доступности ресурсов, например Web Content Accessibility Guidelines (WCAG). Технический прогресс привел к появлению решений, обеспечивающих поддержку или даже заменяющих недостающие функции для людей с ограниченными возможностями.

Некоторые авторы утверждают, что Интернет позволяет избежать изоляции и стигмы, связанной с инвалидностью [5]. Интернет также может служить инструментом, позволяющим или поддерживающим профессиональную деятельность. Доступ к Интернету может повысить чувство независимости и самоопределения у людей с ограниченными возможностями [2]. С практической точки зрения, повседневная жизнь людей с ограниченными возможностями может быть существенно улучшена благодаря доступу к таким онлайн-услугам, как электронный банкинг, интернет-покупки, общение по электронной почте или видеоконференции с семьей и друзьями [6].

Для тех, кто ограничен в передвижении, использование Интернета иногда является единственной возможностью заниматься деятельностью, которая в противном случае была бы для них недоступна. Люди, испытывающие проблемы с общением из-за нарушений слуха и зрения, могут воспользоваться доступными инструментами, которые облегчают их сенсорные недостатки. По некоторым данным, люди с определенными видами инвалидности, например слепотой, могут продемонстрировать высокий уровень владения компьютером и Интернетом. В целом ИКТ обещают расширить возможности таких людей, чтобы они могли достичь той же степени функциональности, что и люди без инвалидности [7]. Однако существует недостаток в ассистивных средствах, разработанных специально для людей с нарушением интеллекта.

Использование цифровых устройств людьми с нарушением интеллекта

Трудности при умственной отсталости (УО) связаны с вниманием, обучением, памятью, перцептивными и визуально-пространственными навыками, исполнительными функциями, скоростью обработки информации и коммуникацией [8].

Цифровые технологии часто имеют простые, понятные цели и инструкции, а их виртуальная среда, яркие цвета, развлекательная музыка и звуки могут сделать их привлекательными и полезными инструментами для людей с нарушениями интеллекта. Несмотря на то, что в последние годы использование этих технологий возросло и сообщается о положительных результатах в таких аспектах, как адаптивное поведение и обучение, общение и социализация у маленьких детей с нарушением интеллекта, необходимы исследования, направленные на обобщение навыков и использование технологий [9].

В течение многих лет люди с УО использовали технологии для преодоления трудностей, связанных с двигательными, коммуникативными и зрительными нарушениями [10], и цифровые устройства способствовали облегчению их повседневной деятельности [11]. Программы и устройства использовались для поддержки изучения языка и общения [12], навыков повседневной жизни, восприятия времени и воображения [11], исполнительных функций [13], эмоциональных навыков [14] и для снижения поведенческих проблем [15]. Однако для того, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами цифрового вмешательства, людям с УО может потребоваться более длительный период обучения [16].

М. Торра Морено и ее соавторы свидетельствуют о том, что вмешательства, проводимые с использованием цифровых устройств, потенциально полезны для исполнительных функций (например, рабочей памяти, рассуждений и планирования), инструментов базового познания (таких, как язык и внимание) и академического обучения (в частности, математике), а также в социальной и поведенческой сферах [17].

Несмотря на то, что подростки с легкой умственной отсталостью (ЛУО) используют Интернет так же, как и подростки с нормативным интеллектом, у них преобладает цифровое отставание [18]. Среди технологических средств, поддерживающих людей с ЛУО, выделяются как низкотехнологичные решения (которых большинство), так и мобильные приложения для развития коммуникации, которые, согласно результатам, обеспечивают лучшую адаптацию [19]. Использование картинок (пиктограмм) является одной из ключевых стратегий взаимодействия с интернетом подростков и молодых взрослых с ЛУО [20].

Пиктограммы широко применяются в качестве средства альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) [21]. Особое внимание уделяется иконичности (iconicity) и очевидности (transparency) используемых символов. Степень, в которой символ физически похож или не похож на референт или значение, считается важным фактором при выборе набора символов для детей с нарушениями интеллекта [22]. В данном исследовании изучались особенности понимания пиктографических знаков, которые могут встречаться в культурной, цифровой и общественной среде, и была предпринята попытка ответить на вопрос о наиболее подходящих для лиц с ЛУО графических средств выражения вербальных понятий.

Методы исследования

Дизайн исследования был разработан с учетом основной задачи: выявить закономерности восприятия и понимания символов из трех изучаемых пиктографических систем (Blissymbolics, LoCoS ©, Pictogram). Одно из четырех заданий пилотного исследования было направлено на изучение того, насколько пиктограммы из трех пиктографических систем, отображающие одно и то же понятие, соответствуют в представлении обследуемых вербальному референту.

Особое внимание уделялось иконичности (iconicity) и очевидности (transparency) используемых символов. Степень, в которой символ физически похож или не похож на референт или значение, считается важным фактором при выборе набора символов для детей с нарушениями интеллекта [22]. Таким образом, система Blissymbolics рассматривалась как наименее иконичная и более схематичная, система Pictogram как наиболее иконичная и система LoCoS © как средняя по иконичности.

Количество обследуемых составило 120 учащихся старших школ г. Санкт-Петербурга. В экспериментальную группу вошли 60 учеников с диагнозом F70 по МКБ-10 «легкая умственная отсталость» (ЛУО; средний возраст $15,35 \pm 0,98$). Метод айтрекинга применялся для регистрации движений глаз обследуемых, что позволило проанализировать общее количество и среднюю продолжительность фиксаций на каждой из пиктограмм.

Задача для обследуемых заключалась в выборе «лишнего» символа в ряду «синонимов», соответствующих вербальному референту (рис. 1). Набор стимулов задания состоял из 6 смен экрана и одного примера. Каждый стимул включал целевое слово и 4 пиктограммы из трех символьных систем. Целевое слово было представлено существительными (3 стимула) и прилагательными (3 стимула).

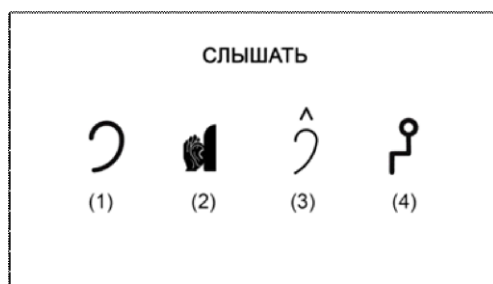

Рис. 1. Пример стимульного слайда задания на выбор «лишнего» символа, не соответствующего вербальному референту, в ряду символов-«синонимов»

Результаты пилотажного исследования и обсуждение

В среднем учащиеся с ЛУО справились с заданием на выбор лишней пиктограммы хуже ($3,58 \pm 1,543$), чем их сверстники с нормальным интеллектом ($4,85 \pm 1,644$). Вклад переменных «Пол», «Возраст», «Класс» был оценен как незначительный согласно t-критерию и One-Way ANOVA.

Было обнаружено достоверно большее количество фиксаций на целевой («лишней») пиктограмме у подростков с ЛУО ($6,805 \pm 0,385$; $p=0,002$) по сравнению со сверстниками с условно нормативным интеллектом ($5,201 \pm 0,328$). Средняя продолжительность фиксаций на целевой пиктограмме для участников с ЛУО ($0,402 \pm 0,031$; $p=0,001$) оказалась значительно меньше, чем для участников контрольной группы ($0,613 \pm 0,027$). В целом данные результаты могут свидетельствовать о некоторой заторможенности психической деятельности учащихся с ЛУО при восприятии пиктограмм, которая переключается с особенностями их психической сферы: замедленностью восприятия, отвлекаемостью, недоразвитию психомоторики [8].

В то же время количество фиксаций на пиктограммах системы Blissymbolics ($6,811 \pm 0,415$) значительно превышает ($p=0,005$) количество фиксаций на пиктограммах системы Pictogram ($4,847 \pm 0,453$), что может указывать на когнитивную сложность первой. Общая продолжительность фиксаций на пиктограммах Blissymbolics ($0,428 \pm 0,034$) и LoCoS © ($0,398 \pm 0,037$) достоверно меньше ($p=0,001$), чем на пиктограммах системы Pictogram ($0,696 \pm 0,037$). Данные говорят о том, что наиболее иконичные пиктограммы могут восприниматься обследуемыми как гештальт, тогда как более схематичные символы требуют от них большей фокусировки на деталях.

Значительно чаще учащиеся с легкой умственной отсталостью верно определяли пиктограмму системы LoCoS © как лишнюю в ряду ($p>0,05$). Согласно прогностической модели для экспериментальной группы, пиктограммы системы LoCoS © будут определены как не имеющие отношения к вербальному референту в 80% случаев, пиктограммы системы Pictogram – в 58,3% случаев, а пиктограммы системы Blissymbolics – только в 43,3% случаев.

Заключение

Существуют доказательства, подтверждающие эффективность цифровых вмешательств в некоторых областях повседневной жизни людей с ОВЗ, а также людей с нарушениями интеллекта. Цифровые технологии могут быть инструментом для развития когнитивных, академических и социальных навыков. Использование доступных технологий, учитывающих особенности и потребности людей с ограниченными возможностями здоровья, в частности людей с интеллектуальными нарушениями, может помочь преодолеть цифровой барьер для данных групп и способствовать их интеграции в культурную, общественную, социальную, образовательную деятельность. Однако цифровой барьер между обществом и группой лиц с различными нарушениями будет минимизирован лишь при условии, что технологии будут разрабатываться в соответствии с критериями доступности. Одним из условий является создание среды, включающей ассистивные инструменты коммуникации, в том числе графические символы и пиктограммы, доступные для понимания людьми с нарушениями интеллекта разных возрастов.

Результаты пилотажного исследования показывают, что для подростков с легкой степенью умственной отсталости наиболее подходящим средством графического выражения являются пиктограммы, занимающие промежуточное по степени иконичности положение. Однако сохраняется неоднозначность в выборе наиболее подходящих средств перевода вербальных понятий в графическое выражение, который может зависеть от лингвистических характеристик понятий, таких как принадлежность к частям речи и частота употребления. Дальнейшие исследования будут направлены на анализ интерпретаций подростков с ЛУО графических символов с углубленным понятийным изучением.

Литература

1. Van Dijk J.A. Digital divide research, achievements and shortcomings // *Poetics*. 2006. № 34 (4–5). P. 221–235.
2. Cook J.A., Fitzgibbon G., Batteiger D., Grey D.D., Caras S., Dansky H., Priester F. Information Technology attitudes and behaviors among individuals with psychiatric disabilities who use the internet: Results of a Web-based survey // *Disability Studies Quarterly*. 2005. № 25 (2).
3. Lancioni G.E., Sigafos J., O'Reilly M.F., Singh N.N. Speech-generating devices for communication and social development // *Assistive Technology*. New York, 2013. P. 41–71.

4. *Fox S.* Americans living with disability and their technology profile. Report. Pew Research Center. 2011.
5. *Dobransky K., Hargittai E.* The disability divide in internet access and use // *Information, Communication & Society*. 2006. № 9 (3). P. 313–334.
6. *D'Aubin A.* Working for barrier removal in the ICT area: creating a more accessible and inclusive Canada: a position statement by the Council of Canadians with disabilities // *The Information Society*. 2007. № 23 (3). P. 193–201.
7. *Hollier S. E.* The disability divide: a study into the impact of computing and Internet-related technologies on people who are blind or vision impaired. 2007.
8. *Исаев Д.Н.* Умственная отсталость у детей и подростков. Руководство. СПб., 2007.
9. *Burns C.O., Lemon J., Granpeesheh D., Dixon D.R.* Interventions for daily living skills in individuals with intellectual disability: a 50-year systematic review // *Advances in Neurodevelopmental Disorders*. 2019. № 3 (3). P. 235–245.
10. *Raspa M., Fitzgerald T., Furberg R.D., Wylie A., Moultrie R., DeRamus M., A.C. Wheeler, McCormack L.* Mobile technology use and skills among individuals with fragile X syndrome: implications for healthcare decision making // *Journal of intellectual disability research*. 2018. № 62 (10). P. 821–832.
11. *Den Brok W.L.J.E., Sterkenburg P.S.* Self-controlled technologies to support skill attainment in persons with an autism spectrum disorder and/or an intellectual disability: a systematic literature review // *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*. 2015. № 10 (1). P. 1–10.
12. *Barbosa R.T.D.A., de Oliveira A.S.B., de Lima Antão J.Y.F., Crocetta T.B., Guarnieri R., Antunes T.P.C. et al.* Augmentative and alternative communication in children with Down's syndrome: a systematic review // *BMC pediatrics*. 2018. № 18 (1). P. 1–16.
13. *Kirk H., Gray K., Ellis K., Taffe J., Cornish K.* Impact of attention training on academic achievement, executive functioning and behaviour in children with developmental disabilities: A randomised controlled trial // *American Journal on Intellectual and Developmental Disabilities*. 2017. № 122 (2). P. 97–117.
14. *Fage C., Consel C., Etchegoyhen K., Amestoy A., Bouvard M., Mazon C., Sauzéon H.* An emotion regulation app for school inclusion of children with ASD: Design principles and evaluation // *Computers & Education*. 2019. № 131. P. 1–21.
15. *Kim M.S., Blair K.S.C., Lim K.W.* Using tablet assisted Social Stories™ to improve classroom behavior for adolescents with intellectual disabilities // *Research in developmental disabilities*. 2014. № 35 (9). P. 2241–2251.
16. *Ottersen J., Grill K.M.* Benefits of extending and adjusting the level of difficulty on computerized cognitive training for children with intellectual disabilities // *Frontiers in psychology*. 2015. № 6. P. 1233.
17. *Torra Moreno M., Canals Sans J., Colomina Fosch M.T.* Behavioral and cognitive interventions with digital devices in subjects with intellectual disability: A systematic review // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. № 12. P. 477.
18. *Alfredsson Ågren K., Kjellberg A., Hemmingsson H.* Digital participation? Internet use among adolescents with and without intellectual disabilities: A comparative study // *New Media & Society*. 2020. № 22 (12). P. 2128–2145.
19. *Alfredsson Ågren K., Kjellberg A., Hemmingsson H.* Access to and use of the Internet among adolescents and young adults with intellectual disabilities in everyday settings // *Journal of Intellectual & Developmental Disability*. 2020. № 45 (1). P. 89–98.
20. *Gibson R.C., Bouamrane M.M., Dunlop M.D.* Alternative and augmentative communication technologies for supporting adults with mild intellectual disabilities during clinical consultations: scoping review // *JMIR rehabilitation and assistive technologies*. 2021. № 8 (2), e19925.
21. *Simacek J., Pennington B., Reichle J., Parker-McGowan Q.* Aided AAC for people with severe to profound and multiple disabilities: A systematic review of interventions and treatment intensity // *Advances in Neurodevelopmental Disorders*. 2018. № 2 (1). P. 100–115.
22. *Musselwhite C.R., Ruscello D.M.* Transparency of three communication symbol systems // *Journal of speech, language, and hearing research*. 1984. № 27 (3). P. 436–443.

А.О. Бударина
И.А. Короленко
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград

Социопрагматика в профессиональном лингвистическом образовании: антропологический поворот

Аннотация. Статья посвящена новому пониманию социопрагматики в профессиональном лингвистическом образовании, что позволяет лингвисту развивать целостное мировосприятие и демонстрировать необходимые профессиональные компетенции с ориентацией на будущие ключевые компетенции. Целью данной статьи является рассмотрение важности социопрагматического подхода в системе профессиональной подготовки лингвистов и необходимости его учета в реализации программ обучения в системе высшего образования.

Ключевые слова: социопрагматика, социопрагматический подход, антропологический поворот, бакалавры лингвистики, профессиональное лингвистическое образование

A.O. Budarina
I.A. Korolenko
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Sociopragmatics in professional language education: the anthropological turn

Abstract. The article focuses on a new understanding of sociopragmatics in professional linguistic education, which allows the linguist to develop a holistic perception of the world and demonstrate the essential professional competencies with the focus on future key competencies. The purpose of this article is to consider the importance of the sociopragmatic approach and its implementation in the higher education system.

Keywords: sociopragmatics, sociopragmatic approach, anthropological turn, bachelors of linguistics, professional linguistic education

Ключевые компетенции лингвиста будущего

На профессиональное лингвистическое образование оказывают давление, во-первых, мегатенденции современного мира, такие как цифровизация, автоматизация, и в большей степени сжатие времени и пространства – скорость изменений, диктующие условия достижения успешности в профессии, за которыми не успевают стандарты и квалификационные справочники.

Во-вторых, инфосфера и ее особенности: желание делиться информацией, иногда непроверенной и часто низкокачественной; недоверие к информации; возможность найти информацию «под рукой», приводящая к нивелированию статуса профессии из-за кажущегося ощущения владения знаниями всего мира в собственном телефоне. Изменения механизмов передачи знаний диктуют новые правила работы с контентом [1; 2].

В-третьих, изменения в мире: хаотичная, быстро меняющаяся среда, которая стала новой реальностью, привела к миру летучему, нестабильному, неопределенному, сложному и неоднозначному. Изменяющиеся условия функционирования международных отношений создают все большую необходимость для достижения взаимопонимания и возможности осуществления диалога культур. Это означает взаимодействие с субъективностью, социальной идентичностью и индивидуальными позициями говорящих по мере того, как они возникают во взаимодействии с другими, уместное продуктивное использование языка, приводящее к пониманию в разнообразных социолингвистических контекстах. Это также означает изучение пересечения языка и социокультурных явлений, то есть выявление процессов, посредством которых использование языка влияет на социальный мир и взаимодействует с ним.

Все эти тенденции приводят к возрастанию роли квалифицированного специалиста, способного выполнять задачи в области межнациональной коммуникации, а также к пониманию

важности для общества профессии лингвиста не как вспомогательной, а как одной из ключевых фигур в сфере международного взаимодействия.

Базовые навыки и когнитивные способности: критическое мышление, мультидисциплинарная гибкость, открытость, креативность, работа со сложностью – все то, что будет востребовано по всем прогнозам, и то, что особенно важно для лингвиста; социально-экономическое и межкультурное взаимодействие: социальные и эмоциональные навыки, сотрудничество и работа в команде, эмпатия, межкультурное взаимодействие, доброта, сострадание, медиация, преодоление конфликтов, визуальная коммуникация, междисциплинарность [3]. Указанные навыки можно увидеть в языке, так как языковая личность несет в себе все элементы культурного кода народа.

Произошедший всплеск интереса исследователей к речевой деятельности привел к смене статической парадигмы изучения иностранного языка на антропоцентрическую, при которой основное внимание уделяется не объекту, а субъекту познания – человеку в языке. С точки зрения профессионального лингвистического образования социопрагматическое направление в языковом образовании лингвистов должно играть значительную роль, так как именно лингвистам, как посредникам и проводникам в межкультурном общении, необходимо видеть интегральные связи в языке, чувствовать уместность употребления принятых лексических средств в коммуникации, и именно точность смысла высказывания становится важнейшим условием успешной коммуникации. Для того чтобы быть прагматически успешным, необходимо иметь возможность рассматривать, выбирать и комбинировать элементы прагматики и социопрагматики в соответствии с иллокутивными, пропозициональными и модальными целями [3; 4].

Культурная вариативность определенных элементов, например идиом, пословиц, метафор, практических фраз в речевых актах, представляет собой социопрагматический аспект любого языка, отражая культурный опыт. Некоторые исследователи ввели понятие “*languaculture*” для выражения единства культуры и языка, актуализируя концепт «уместность лингвокультурного аспекта» [5].

Ключевые измерения социопрагматики охватывают социальные, интерактивные и нормативные аспекты использования языка с основным акцентом на оценке уместности и приемлемости. Феноменальное распространение социопрагматики в последние годы сместило фокус внимания на важность изучения не только языка, но и человеческого разума и культур. Социопрагматика, возникшая как ветвь прагматики, в настоящее время распространилась на области лингвистики, психологии, социологии и антропологии [6].

Новое синергическое понимание социопрагматики позволяет лингвисту развивать целостное мировосприятие и демонстрировать необходимые профессиональные компетенции с ориентацией на будущие ключевые компетенции.

Внедрение социопрагматического подхода в профессиональное лингвистическое образование

Исследования в области социопрагматики иностранного языка в ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» проводятся с 2015 года. Обоснована необходимость внедрения социопрагматического подхода при подготовке не только бакалавров лингвистики, но и будущих преподавателей английского языка. Разработаны, апробированы и успешно внедрены в учебный процесс модели применения социопрагматического подхода при обучении как в условиях стандартных аудиторных занятий, так и в условиях электронно-образовательной среды [3; 7]. Внедрение результатов производилось в практической работе авторов в рамках практических дисциплин «Практический курс иностранного языка», «Иностранный язык», «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», «Культура речи иностранного языка», в рамках теоретического курса «Теория обучения иностранным языкам», где осуществлялось обучение социопрагматическим нормам английского языка, что способствовало формированию иноязычной языковой картины мира.

Практическое применение социопрагматического подхода в системе подготовки лингвистов можно условно разделить на пять блоков для наглядности представления результатов, так как, по сути, они являются взаимосвязанными и взаимодополняющими элементами.

На начальном этапе уделяется приоритетное внимание социопрагматическим элементам выбранного корпуса через различные методы эксплицитного обучения: фокусирование на форме, фрагментация текста, сравнительные переводы и др. На данном этапе особенно необходимо понимание как функций целевых элементов, так и их фиксированного или полуфиксированного характера; предоставление эксплицитных объяснений для определения коммуникативных намерений говорящих, использующих целевые элементы.

Активно применяется глубокая когнитивная обработка социопрагматических элементов (в том числе семантическая элаборация и структурная элаборация) для эффективного хранения и извлечения социопрагматических элементов из долгосрочной памяти.

В ходе работы над следующим блоком уделяется приоритетное внимание как коммуникативному значению целевого выражения и анализу речевых стратегий в определенной речевой ситуации, так и их эффективному применению в учебном, профессиональном и межкультурном общении. На данном этапе всесторонне рассматриваются аспекты уместности прагматических выражений с целью выявления интегральных связей в иностранном языке.

Данный блок особенно важен именно для бакалавров лингвистики, так как позволяет понимать необходимость правильного выбора лексических средств для уместного речевого поведения, позволяющего предотвращать прагматические неудачи в профессиональном и межличностном общении на иностранном языке.

Третий блок сфокусирован на рефлексии, самооценке выражения собственного высказывания и предоставлении обратной связи в расширенных речевых актах. На данном этапе происходит обучение жанру, регистру устной и письменной речи; рассматриваются уместные формулировки советов и критики с учетом возможных уровней социальной дистанции говорящих.

Следующий блок фокусируется на процессе автоматизации продуцирования социопрагматических элементов в практике расширенных речевых актов, что позволяет также обратить внимание на грамматическую и лексическую аккуратность при продуцировании спонтанной иноязычной речи. На данном этапе активно применяются эвристические методы (дискуссия, ситуации морального выбора, кейсы, сенситивные тренинги, мозговой штурм, имитационные и ролевые игры и др.).

Последний блок непосредственно направлен на улучшение объективных показателей беглости спонтанной иноязычной речи бакалавров лингвистики. Благодаря применению специализированных техник повышения беглости спонтанной иноязычной речи (например, дополнение рассказа, противопоставление и др.) увеличивается темп высказывания и сокращается количество пауз-хезитаций. На данном этапе необходимым элементом выступает метод опор в качестве активатора спонтанной иноязычной речи.

Применение социопрагматического подхода в профессиональном лингвистическом образовании решает следующие основные задачи:

1) эффективное и уместное использование иностранного языка в реальном социокультурном контексте для решения личностных и профессиональных задач, диалогичность в межкультурном общении и межкультурной коммуникации с учетом различных уровней взаимодействия;

2) овладение принятыми социопрагматическими элементами иностранного языка (в том числе речевыми формулами) в определенной речевой ситуации;

3) увеличение частоты употребления социопрагматических элементов в спонтанной иноязычной речи обучающихся;

4) автоматизация умений продуцирования спонтанной иноязычной речи бакалавров лингвистики;

5) повышение объективных показателей беглости спонтанной иноязычной речи.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что именно применение социопрагматического подхода при обучении бакалавров лингвистики способствует улучшению объективных показателей беглости спонтанной иноязычной речи, автоматизации умений продуцирования спонтанной иноязычной речи и повышению социопрагматических знаний бакалавров лингвистики в процессе профессионального лингвистического образования в вузе. Данный подход не только повышает уровень иноязычной коммуникативной компетенции, но и формирует способности, необходимые для успешного межкультурного взаимодействия специалиста [3; 7].

Антропологический поворот и его влияние требует изменений в системе высшего образования. Социопрагматика второго языка с ее синергической сущностью становится условием и инструментом профессионального развития лингвиста. Проведенные исследования доказывают, что слияние социопрагматических знаний, коммуникативных способностей и навыков могут эффективно преподаваться, оцениваться и измеряться в профессиональном языковом образовании. Таким образом, это должно найти место в реализации программ обучения в системе высшего образования.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Персонализация образования и антропология будущего // Народное образование. 2021. № 3 (1486). С. 75–82.
2. *Asmolov A.G.* Anthropology of Everyday: Transformation of Human Behavior under Technological and Social Change // Lurian Journal. 2021. Vol. 2. Iss. 1. P. 6–18.
3. *Бударина А.О.* Функции универсальной профессиональной деятельности специалиста в области иностранных языков и культур // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 51–57.
4. *Бударина А.О., Короленко И.А., Ворновская А.А.* Социопрагматический подход при обучении бакалавров лингвистики в условиях цифровой образовательной среды // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/16PDMN122.pdf> (дата обращения 31.05.2022).
5. *Roever C., Fraser C., Elder C.* Testing ESL sociopragmatics development and validation of a web-based test battery. Frankfurt, 2014.
6. The Cambridge Handbook of Sociopragmatics / Ed. by M. Haugh, D. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. P. I. Cambridge, 2021.
7. *Короленко И.А.* Результаты эмпирической проверки эффективности модели активизации спонтанной иноязычной речи бакалавров лингвистики // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 3. С. 162–166.

ДНК мысли: генетический код языка и мышления

Аннотация. Представления о категориальной принадлежности объектов восприятия, как нить ДНК, обладают линейной структурой и состоят из доступных человеческому сознанию шаблонов (предмет, признак, действие, признак действия), в которых воплощаются представления об окружающей действительности. Как скелет в организме объединяет все органы в единое целое, обладающее определенными функциями и свойствами, так и синтаксическая структура придает речи функционально-смысловую направленность. Изучение процессов мышления и употребления языковых единиц в речи параллельно с принципами работы генетического аппарата даст возможность понять общие закономерности осуществления фундаментального во всех отношениях перехода от формы к содержанию, а также выявить особенности функционирования тех или иных явлений как на клеточном, так и на языковом уровне.

Ключевые слова: процесс мышления, единицы языка и мышления, структура ДНК, структура мысли, структура языка

O.I. Glazunova
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg

DNA of thought: the genetic code of language and thinking

Abstract. For a long time, the idea of the organic nature of language and its similarity to the processes that determine the transmission of genetic information existed at the level of metaphorical comparison. However, more and more researchers are turning to this topic, seeking to find a correspondence between the principles of the structure of language and the laws that exist in organic chemistry, to conduct research that would reveal similarities between the ways of encoding genetic and linguistic information. In our paper, we will look at what unites DNA with the principles of thinking and organization of linguistic units.

Keywords: thinking process, units of thinking and language, DNA structure, thought structure, language structure

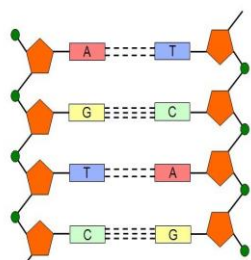

Рис. 1

ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) представляет собой молекулу, которая сохраняет и передает наследственную информацию, позволяющую живым организмам существовать как определенному виду. На одной из вертикальных нитей ДНК (ее называют кодирующей) комплементарные азотистые основания: аденин (А), гуанин (G), цитозин (С) и тимин (Т) – выстраиваются в последовательность нуклеотидов¹, которые, объединяясь в триплеты, кодируют аминокислоты, принимающие участие в синтезе белка. РНК (рибонуклеиновая кислота), которая служит посредником при передаче закодированной в ДНК информации к рибосомам, отличается от ДНК лишь тем, что тимин (Т) в ней заменяется на урацил (U).

Таким образом, «генетическая информация закодирована в последовательности оснований, располагающихся вдоль цепи ДНК. При каждом делении клетки эта информация копируется и переносится в дочернюю клетку. Далее на основе этой информации в клетках осуществляется синтез соответствующих белков. Каждый ген в молекуле ДНК содержит «инструкции», необходимые для синтеза одного белка» [2, с. 539]. Процесс синтеза осуществляется с помощью копировальных, синтезирующих и транспортных средств, в качестве которых используются различные цепочки РНК: матричная (м-РНК), рибосомная (р-РНК) и транспортная (т-РНК).

Четыре буквы «языка» азотистых оснований кодируют аминокислоты, т. е. передают о них информацию с помощью условного, буквенного, сообщения. Выстраиваясь в последовательности, трехкомпонентные наборы букв (GGU, GGC, GGA, GGG, CCU, CCC, CCA, CCG) информируют рибосомы о том, какие аминокислоты образуют структуру белка, который в данном случае

© Глазунова О.И., 2022

¹ «Нуклеотиды – сложные органические вещества, состоящие из фосфорной кислоты, сахара (рибозы или дезоксирибозы) и азотистого основания» [1, с. 91].

необходим организму. Природа распорядилась так, что каждый кодон (тройка букв) соответствует только одной аминокислоте (это свойство называют *однозначностью*), но при этом каждая аминокислота может быть закодирована несколькими триплетами (в химии это называют *избыточностью*).

Избыточность и однозначность являются условиями любой системы кодирования, и язык в этом плане не будет исключением. С одной стороны, практически каждому лексическому значению в языке соответствует несколько синонимичных языковых единиц, из которых говорящий может выбирать ту, которая необходима ему в данном случае. С другой стороны, каждая лексема в контексте предложения соотносится только с одним значением. Те же самые принципы прослеживаются на других уровнях организации языка: фонетическом (реализация фонем в разных звуковых вариантах), морфологическом (варианты морфем, которые различаются своим фонемным составом), синтаксическом (варианты моделей предложения, обладающих общим смыслом).

Особенность строения ДНК состоит не только в том, что аденин (А) может соединяться исключительно с тиминном (Т), а гуанин (G) – с цитозином (С), но и в соотношении их величин. Комплементарные основания (А и Т, G и С) соответствуют друг другу не только по химическим характеристикам, но и по размерам. Все это дает им возможность взаимодействовать друг с другом в структуре ДНК. По словам английского биохимика Ника Лейна, «азотистые основания не только дополняют друг друга, но и испытывают настоящую потребность найти себе пару» [3, с. 63].

Аналогично в языке: основу мысли составляет *дискретность*, позволяющая делить окружающую действительность на отдельные составляющие и обуславливающая матричную схему строения как процесса мышления, так и языковых структур. Эту роль в мышлении выполняет *категориальность* – следующая стадия обработки наглядных образов, с помощью которой осуществляется переход от линейной (структурно-дискретной последовательности) формы мышления к понятийной (структурно-категориальной) форме. Речь идет о вычленении сознанием категориальных структур на основе функциональной природы явлений действительности, выявленных в ходе ее восприятия и осмысления.

Отражение объектов и явлений окружающего мира в соответствии с их категориальной принадлежностью при осознании сущностной природы вещей является одной из основополагающих характеристик мышления. В отличие от ощущений, отражающих отдельные свойства предметов и явлений окружающего мира, восприятие человека сводится к фиксации целостных образов во всей совокупности их частей, характеристик, свойств, т. е. основу восприятия составляет комплекс различных ощущений. Как писал С.Л. Рубинштейн, «осознание чувственно данного предмета составляет основную, наиболее существенную отличительную черту восприятия» [4, с. 276]. Исходя из этого, с одной стороны, восприятие предметно, с другой – предикативно, т. к. включает в себя присущие предмету характеристики.

«Когда мы говорим, что слово “*стол*” означает вещь, а “*стоит*” – действие, – писал А.А. Потебня, – этим мы указываем на то, что, по свойству нашего языка, каждая наша мысль распределяется по этим категориям вещи, действия, признака и проч., и как бы кто ни старался направить мысль не по этой колее, она принуждена идти по ней» [5, с. 122] (курсив мой. – О. Г.).

На этапе первичного осмысления присутствующие в сознании шаблоны-представления лишены конкретного лексического наполнения, их задача состоит в том, чтобы фиксировать систематически повторяющиеся модели организации окружающей среды. Материальные объекты и относящиеся к ним характеристики обладают субстантивной природой, действия этих объектов и признаки этих действий – предикативной. Таким образом, четыре «буквы», с помощью которых в ДНК кодируются азотистые основания, можно соотнести с результатами начального категориального деления действительности на: 1) субстанции (S), 2) их признаки (Os), 3) действия (P), 4) признаки действий (Op).

Субстанция (S) и признак субстанции (Os) комплементарны друг другу подобно азотистым основаниям в структуре ДНК; аналогично, действие (P) и признак действия (Op) образуют еще одну комплементарную пару в структуре мышления (рис. 2).

Аналогия между строением ДНК и строением мысли подтверждается и размерами вступающих во взаимодействие мыслительных категорий. Субстанция, которая потенциально включает не один, а множество признаков, безусловно, обладает большим содержательным размером, чем один вычленяемый нами признак. Соответственно, между субстанцией (S) и ее

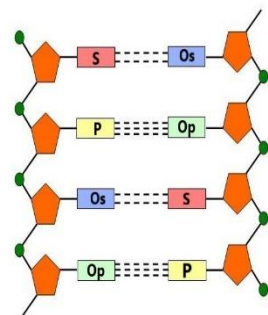

Рис. 2

признаком (Os), а также между действием (P), потенциально включающим множество предикативных характеристик, и его конкретным признаком (Op) существуют те же количественные соотношения, что и между различными типами азотистых оснований в ДНК: субстанция (S) и действие (P) превышают значение своих признаков, как аденин и гуанин превышают размер тимина и цитозина. Таким образом, каждая комплементарная пара и в молекуле ДНК, и на уровне категорий мышления состоит из одного большого и одного малого оснований.

Можно провести аналогию между системой кодирования аминокислот в ДНК и способом кодирования частей речи, представив каждую часть речи в соответствии со степенью присутствия в ней тех или иных категориальных значений. Действительно, *общее категориальное значение частей речи формируется на основе синтеза субстантивных и предикативных характеристик, присутствующих в разных соотношениях*. В прилагательных сочетаются субстантивные признаки (Os) объекта (субстанции) (S), а в наречиях – характеризующие действие (P) предикативные признаки (Op). Имя существительное воплощает в себе представление об объекте (S); глагол как часть речи обозначает действие (P) и т. д.

В органической химии то, какой аминокислоте будет соответствовать данный кодон, определяют главным образом два первых нуклеотида. Каков третий нуклеотид – не так уж важно, т. е., хотя код и триплетный, главную смысловую нагрузку несет дуплет, стоящий в начале кодона. Иными словами, код квазидуплетный. Действительно, триплеты UCU, UCC, UCA, UCG, у которых первые две буквы одинаковы, обозначают серин; CAU, CAC – гистидин; ACU, ACC, ACA, ACG – треонин; GGU, GGC, GGA, GGG – глицин и т. д.

В нашем представлении частей речи с помощью кодовых обозначений существительное будет иметь код SS с возможным употреблением в качестве третьей буквы P, Os или Op при образовании лексем от глаголов, прилагательных или наречий в процессе субстантивации. В этом случае код SSP будут иметь отглагольные существительные и глаголы, которые перешли в разряд имен существительных (последнее *прости*); код SSOs – существительные, перешедшие в этот разряд из разряда имен прилагательных (*больной, столовая*); код SSOp – существительные, образованные от наречий (*наше завтра*), а также существительные со значением неопределенно-количественных числительных (*бездна дел, лавина опасностей, масса неприятностей*). Глагол будет иметь код PP при третьей букве P (собственно глаголы) или S (например, при морфологической вербализации: *крестить* ← крест, *застолбить* ← столб).

Прилагательные, соответственно, будут иметь код OsOs при возможной третьей букве в виде Os (собственно прилагательные), или P (при адъективации – переходе причастий в разряд имен прилагательных: *блестящая идея, утомленный вид*), или S – например, при образовании относительных прилагательных (*каменный* ← камень, *городской* ← город, *парковый* ← парк).

Наречия будут иметь код OpOp с возможным использованием в качестве третьей буквы Op при образовании наречий от наречий (например, наречий *недалеко, навсегда* от наречий *далеко, всегда*). При адвербиализации – переходе прилагательных, существительных, деепричастных форм глаголов в класс наречий – в позиции третьей буквы может стоять Os, S или P. Например, наречия *по-домашнему* (домашний), *досуха* (сухой), *высоко* (высокий) будут иметь код OpOpOs; наречия *даром* (дар), *шагом* (шаг), *наверх* (верх) – код OpOpS; наречия *походя* (ходить), *нехотя* (хотеть), *играючи* (играть) – код OpOpP.

Причастие как часть речи, обозначающая признак предмета по действию и, соответственно, обладающая признаками глагола (время, возвратность и вид) и прилагательного (род, число и падеж), получает обозначение OsPOs. Деепричастия, характеризующие действие как признак другого действия, соответствуют коду OpPP.

Количественные числительные отвечают на вопрос *сколько?*, т. е. обозначают меру субстанции. Следовательно, их код можно обозначить как OpS с возможной третьей буквой S (собственно количественные числительные) или Op (например, при обозначении количественных наречий *много, мало, немного*). Порядковые числительные, обозначающие место расположения объекта с помощью признака и имеющие все грамматические признаки относительных прилагательных, соответствуют коду OpOsOs.

Служебные части речи выражают разные типы семантико-синтаксических отношений между лексемами, предложениями и частями предложений. В базовом семантическом отношении они имеют признаковую природу, т. к. иницируют варианты взаимодействия соотносящихся с языковыми единицами объектов (предлоги) и ситуаций действительности (союзы). Их функции в предложении существенно отличаются от функций знаменательных частей речи. По своим характеристикам служебные части речи приближаются к старт-кодону, который, с одной стороны,

инициирует синтез белка, а с другой – кодирует метионин, в структуре которого присутствует реакционноспособная метильная группа, используемая для синтеза ряда соединений и правильного функционирования организма.

В заключение важно отметить следующее: любой язык, каким бы он ни был, представляет собой систему кодирования информации и, соответственно, опирается на обусловленную генетикой единую категориальную структуру мышления. Таким образом, при всем разнообразии форм и видов естественных языков они базируются на единых понятийных представлениях и универсальных способах их отображения. Изучение процессов мышления и употребления языковых единиц в речи параллельно с принципами работы генетического аппарата дадут возможность понять общие закономерности осуществления фундаментального во всех отношениях перехода от формы к содержанию, а также выявить особенности функционирования тех или иных явлений как на клеточном, так и на языковом уровне.

Литература

1. *Бусев А.И., Ефимов И.П.* Определения, понятия, термины в химии. М., 1981.
2. *Травень В.Ф.* Органическая химия. М., 2004.
3. *Лейн Н.* Лестница жизни / Пер. с англ. П. Петрова. М., 2014.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002.
5. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1999.

Кросс-культурные лингвистические модели
субстандартной антропонимической и топонимической деривации
в когнитивном аспекте

Аннотация. Семантическая деривация является важнейшим механизмом апеллятивации и онимизации, а наиболее продуктивными видами семантической деривации в рассматриваемой области являются метафора и метонимия, представляющие собой мощное средство концептуализации ментальных схем и используемые как способ структурирования человеческого мышления. Антропонимы обладают яркой национально-культурной семантикой, они отражают историю, быт и культуру народа – носителя языка. Топонимы обладают групповой информацией историко-социального плана, их косвенная оценочность и вторичная концептуализация реализуются в процессе семантической деривации во множественных когнитивных моделях, реализующих их богатый культурный лексический фон, или импликационал. Все когнитивные модели субстандартных топонимов и антропонимов в когнитивно-ассоциативных схемах представляют процессы и механизмы семантической деривации с ментальными процессами и ассоциациями, вызывающими различные семантические сдвиги и переносы.

Ключевые слова: субстандартная антропонимическая деривация, топонимическая деривация, кросс-культурные лингвистические модели, когнитивный аспект

O.B. Ponomareva
Tyumen State University
Tyumen

Cross-cultural linguistic models
of substandard anthropological and toponymical derivation
in the cognitive aspect

Abstract. Semantic derivation is the most important mechanism of appellativation and onymisation, whereas metaphor and metonymy are the powerful means of conceptualization of mental schemes of structuring mental consciousness. Anthroponyms possess bright national and cultural semantic peculiarities reflecting the history and culture of the language speakers. Toponyms possess more general historical and social information, their secondary evaluation and conceptualization are realized in the processes of semantic derivation in various cognitive models actualizing their cultural lexical connotations or implication. The cognitive metaphoric and metonymic models of substandard semantic derivation are the powerful means of mental conceptualization and structurization of mental processes of human consciousness.

Keywords: derivation, conceptualization, structurization, mental consciousness, foregrounding

Язык является средством познания мира и средством общения между людьми, поэтому его социальность понимается как единство языка и культуры, языка и общества [1].

Антропонимы обладают яркой национально-культурной семантикой, т. к. их групповые и индивидуальные значения имеют ассоциативные связи с историей, бытом и культурой народа – носителя языка. Специфической особенностью антропонимов является их повышенная детерминированность различными социальными, национальными, историческими факторами. Оценочность, свойственная антропонимам, носит скрытый характер. Основанием ее служат признаки лица, обозначенного именами собственными (ИС). Данные признаки (положительные или отрицательные) составляют дескриптивное значение антропонима и его фоновые коннотации [2]. Например, *to Rockefellerize education* – «финансировать образование из фонда Рокфеллера» [3] от имени известного владельца нефтяной монополии; *Pulitzerize* – «наградить призом Пулицера» за достижения в литературе и журналистике, *Stokes ... had received a Pulitzer or, as overtone prophetically put it, had been Pulitzerized* [4] от имени известного американского издателя, учредившего эту премию. Ср. в русском сленге: *Келдыш* – голова, *Жирик* – член ЛДПР, *андрополь* – здание на Лубянке, *андроповка* – водка по сниженной цене [5].

Яркими культурными компонентами обладают и топонимы, передающие так называемую групповую информацию, то есть коннотации историко-социального плана (отсылающие к определенным культурным и историческим событиям, культурным ценностям). В процессе функционирования топонимы обрастают многими смысловыми и коннотационными связями, ассоциациями. Именно второй, коннотативный план топонимической лексики представляет значительный интерес для изучения таких проблем, как косвенная оценочность (термин С.Ю. Ильиной, см. [2]). При этом чисто географический характер какого-либо наименования уходит на второй план, и на первое место выступает культурный компонент, т. е. социальные, исторические, культурные коннотации топонимов, приобретенные ими в течение определенного исторического периода. Например, в лозунге *Let's Texanize Texas* [6] – девиз Техаса (использовался во время празднования 100-летия этого южного штата США) отражается весь связанный с ним комплекс историко-культурных и бытовых ассоциаций. Ср. также глагол *bikinize* – «уничтожить ядерным ударом» – он происходит от названия тихоокеанского атолла Бикини, где проводились первые испытания термоядерной бомбы. Ср. в русском сленге: *афганка* – 1) военная куртка, 2) камуфляжный костюм, 3) наркотик; *Вавилон* – Московская молодежная группировка; *голливуд* – пьянка [5].

Лексический фон, присущий ономастике, чаще всего реализуется в определенных семантических процессах, включающих тот или иной топоним или антропоним в словообразовательную модель или фразеологический оборот, т. е. в процессе семантической деривации, сопровождающей определенные структурные изменения слова в ходе его реализации в речи. ИС содержат в своем лексическом фоне не только речевую и языковую, но также и культурную или энциклопедическую информацию. Актуализация энциклопедической информации превращает ИС в нарицательные или способствует реализации эмоционально-экспрессивного и субъектно-оценочного импликационала ИС.

Лексический фон, таким образом, устанавливает определенные границы осмысленного употребления ИС. Если же такое нарушение происходит, то достигается определенный стилистический эффект.

В процессе словообразования вообще, а субстандартного – в частности, ассоциативные связи лексического фона топонимов и антропонимов реализуются в производном с помощью когнитивных моделей, являющихся своего рода прототипами, дающими жизнь новым дериватам.

Субстандартные топонимические и антропонимические дериваты отражают всю сложность, богатство и разнообразие лексического фона национально-культурных и исторических ассоциативных связей и их конвергенцию в языковой картине США и России и различных народов, населяющих эти страны.

Анализ семного состава субстандартных апеллятивов выявил, что образовавшиеся слова теряют сему индивидуальной единичности и приобретают новые интегральные семы (так как переходят в другие тематические группы) и разнообразные характеристики, выражающиеся более многочисленными дифференциальными семами, а также приобретают новую эмоционально-экспрессивную окраску.

Были выделены основные механизмы изменения значения, основанные на передвижении и замене сем:

- убавление компонентов,
- прибавление компонентов,
- замена компонентов,
- актуализация компонента в ином статусе (переход из импликационала в интенционал).

Особую роль в данных процессах играет актуализация ассоциативных сем, содержащихся в импликационале антропонимов и топонимов, т. е. реализация лексического фона этих слов.

В основе семантической деривации при апеллятивации антропонимов и топонимов лежат такие процессы, как расширение объема значения, в результате чего образуются репрезентативные имена, метонимический и метафорический переносы наименования.

Метонимический перенос происходит по моделям:

- 1) «предмет» ← «его основатель, первый, кто его использовал»,
- 2) «предмет» ← «место его нахождения или происхождения».

Рассмотренные субстандартные метонимически перенесенные имена отличаются от соответствующих стандартных тем, являются экспрессивными, более яркими, так как приобретают эмоционально-оценочную окраску, в основном негативную.

Метафорический перенос является наиболее продуктивным способом семантической деривации в рассматриваемой области. В результате происходит абсолютизация определенной черты

представления о конкретном лице, месте, с которым и ассоциируется его имя. Основой переноса служит, главным образом, сходство с образом жизни / привычками, внешностью, моральными качествами известного лица или литературного персонажа, а также сходство с функцией конкретного места или сходство эмоциональных впечатлений.

Обобщим все когнитивные модели субстандартных топонимов и антропонимов в русском и английском языках в когнитивно-ассоциативные схемы (КАС), чтобы соотнести процессы и механизмы семантической деривации с ментальными процессами и ассоциациями, вызывающими различные семантические сдвиги и переносы.

Для антропонимов в русском языке:

КАС (А): С человек + (С внешность + С характер + С физические способности + С физиологические отправления + С профессия, род занятий + С национальность, расовая характеристика + С наклонности + С части тела + С дружеские отношения + С родственные отношения + С возраст + С моральные качества + С умственные способности + С криминальная деятельность + С иронически-пейоративная характеристика).

В английском языке:

КАС (А): С человек + (С внешность + С сексуальная характеристика + С моральные качества + С профессия + С национальность, расовая характеристика + С криминальная деятельность + С умственные способности + С религия + С возраст + С иронически-пейоративная характеристика).

Сопоставляя обе схемы, мы находим различия лишь в таких компонентах, как «религия» (отсутствует в русских апеллиативах и очень немногочисленная в английских), «наклонности», «родственные отношения», «дружественные отношения», «физические способности», «физиологические отправления» и «части тела» (отсутствуют в английских апеллиативах).

Когнитивно-ассоциативная схема русских субстандартных апеллиативов-топонимов более сложна и многопланова:

КАС (Т): С место + С статус + С функция + С впечатление + С предмет одежды (обуви) + С игра + С еда, питье + С наркотики + С группировки + С физиологические состояния + С продукция + С человек (часть тела) + С абстрактное понятие.

В английском языке:

КАС (Т): С место + С географическое положение + С статус + С размер + С функция + С событие + С впечатление + С абстрактное понятие + С материал, состав + С форма + С продукт питания.

Схема русских субстандартных апеллиативов совпадает с английской схемой по основным компонентам: «место», «абстрактное понятие», «статус», «функция», «впечатление», но более вариативна по компонентам: «еда, питье», «наркотики», «физиологические состояния», «игра», «предметы одежды, обуви».

Опираясь на положения когнитивной лингвистики, мы можем предположить, что в языке существуют определенные «ментальные модели», по которым происходит формирование вторичных значений. Эти модели характеризуются относительным постоянством, продуктивностью на данном этапе развития языка и универсальным характером. Изменения в семантике рассматриваемых слов сопровождаются изменением в их прагматическом потенциале, т. к. слово получает более широкий диапазон употребления.

Проведенное исследование подтвердило тот факт, что семантическая деривация, реализующаяся через метафору и метонимию, является основным способом развития новых значений и базовой ментальной операцией человеческого сознания. Причиной семантических изменений могут служить как внутрисистемные языковые изменения, так и изменения объективной действительности. Условиями, способствующими развитию новых значений, являются ограниченность ресурсов языка и склонность человека к обобщению и к экономной систематизации предметного мира в языке.

Литература

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Т.* Язык и культура. М., 1990.
2. *Ильина С.Ю.* Косвенная оценочность и средства ее выражения в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997.
3. *Robert L. Chapman.* American Slang. New York, 1994.
4. *Newman E.* A Civil Tongue. New York, 1975.
5. *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.
6. *Mencken H.L.* The American Language. New York, 1966.

Интернет-мемы как концентраторы аксиологического аспекта событийных репрезентаций

Аннотация. Интернет-мемы, посвященные переименованию компании Facebook, рассматриваются как кейс, на примере которого видно, что эти информационные продукты концентрируют в себе наиболее типичные аспекты общественной оценки события. Рассматриваемые повторяющиеся вербальные и иконические элементы таких текстов, изучаемых как совокупность, дают возможность выделить более общие координационные паттерны, в рамках которых формируется общественное мнение по определенному вопросу.

Ключевые слова: интернет-мемы, событие, ценности, общественно-политический дискурс, новые цифровые медиа, Facebook

E. V. Troshchenkova
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Internet memes as concentrators for axiological aspect of event representations

Abstract. The article examines Internet memes on Facebook renaming as a case study, which shows that these information products concentrate the most typical aspects of public evaluation of the event. The recurring verbal and iconic elements of such texts, studied as a totality, make it possible to identify more general coordination patterns framing the formation of public opinion on a particular issue.

Keywords: Internet memes, event, values, sociopolitical discourse, new digital media, Facebook

Интернет-мемы – особые информационные, зачастую поликодовые, продукты, возникающие как результат коллаборации пользователей в новых цифровых медиа. Для них существенно важно, что они функционируют как элементы единой конститутивной системы: имитативно воспроизводятся и вирусно распространяются, подвергаясь разнообразным трансформациям формы и содержания так, что в итоге их хождение в технологически опосредованной коммуникации создает разделяемый лингвокультурным сообществом опыт и представления об актуальных событиях [1–8]. Успешный широко разошедшийся по Сети интернет-мем – это сообщение, которое масса пользователей оценила как вызывающее лично в них живой эмоциональный и интеллектуальный отклик и одновременно верно метареферентировала как нечто, с чем и другие почувствуют подобную связь. В этом смысле справедливо рассуждение в [4] о том, что мемы подразумевают модифицированный нарратив и сродни непрекращающемуся диалогу среди членов партиципаторной цифровой культуры.

Статья затрагивает вопрос о причинах виральности такого рода коммуникативной продукции, рассматривая, как подобного рода комплексы текстов участвуют в координационных паттернах [9] онлайн-коммуникации. Целью работы является объяснение того, какие характеристики мемов делают их материалом, концентрирующим в себе результаты коллективного осмысления и оценки событий, и анализ с этой точки зрения кейса интернет-мемов, возникших по поводу переименования компании Facebook в Meta (деятельность Meta запрещена в России как экстремистская). Анализу подвергались 142 поликодовых текста-макроста, представляющих собой статичную картинку с наложенным вербальным компонентом, отобранных по запросу Google “meta facebook memes” через несколько недель после переименования компании. В изучении событийных ментальных репрезентаций существенно то, что это знание частично распределенное и со-разделяемое членами лингвокультурной группы. Таким образом, социокультурные аспекты этих структур знания – один из ключевых элементов их формирования, существования и функционирования. Очевидно, что сам факт выделения некоторого события из непрерывного потока изменений действительности группой говорящих, помещение его в повестку общественно-политического дискурса – это признание его социальной значимости. Набор компонентов события, например представления о его участниках и отношениях между ними, знания о ценностной основе, регулирующей происходящее и позволяющей

отнестись к событию тем или иным образом, и многое другое, оказываются обусловленными существующими общественными отношениями и представлениями о том, что приемлемо в данной ситуации [10]. В современных условиях, когда цифровая коммуникация начинает играть колоссальную роль в формировании общественного мнения, представлений общества о конкретном событии, кажется логичным изучать общественную оценку события сквозь призму комплекса мемов, порождаемых относительно этого события. Вне зависимости от того, имеем мы дело с целенаправленной пиар-кампанией по формированию этого мнения или со спонтанной активностью пользователей Сети (часто эти два направления сочетаются и переплетаются), в конечном итоге тот комплекс поликодовых текстов мемов, с которым мы имеем дело, по сути в концентрированной форме содержит в себе координационные паттерны, которые можно обнаружить и в более широком наборе текстов, содержащих выражение оценочного мнения по поводу данного события. Это обусловлено тем, что сообщение обретает статус мема лишь в том случае, если значительное число пользователей, с одной стороны, рассматривает его как личностно близкое и значимое, а с другой стороны, верно метарепрентирует как информацию интересную и значимую для других пользователей, что и сподвигает их на то, чтобы широко распространить данный текст по сети контактов.

В рассматриваемом кейсе пользователи главным образом координируют свои высказывания вокруг идеи высмеивания проведенного ребрендинга компании. Наиболее распространенный координационный паттерн строится на следующей схеме аргументации (распределенно представленной в отдельных мемах): «Ребрендинг – это просто способ борьбы с имиджевыми проблемами компании, данная компания и соцсети в целом – зло (образ зловещей корпорации, ведущей охоту за метаданными пользователей), они вызывают у пользователей нездоровую зависимость». Имиджевые проблемы обозначаются в вербальном компоненте мемов обобщенно как констатация их наличия: *Facebook issues [that need to be fixed]; bad PR; all of Facebook problems; brand starts to become a PR nightmare* или конкретизируются до отдельных претензий к деятельности компании языковыми выражениями с негативной оценкой: *privacy breaches, furthering misinformation and tearing apart democracies; misinformation, promoting hate speech, consumer exploitation; extremes of platform capitalism* и т. п. Иконический компонент часто содержит дополнительную негативную оценку уже самой стратегии сменить название, выбранной компанией вместо того, чтобы решать обозначенные проблемы. Используются образы бесполезного пластыря на кулер/трещину в земле, нелепого маскарадного образа Цукерберга (очки, усы и накладной нос), подходящие шаблоны мемов, традиционно используемые для выражения негативной оценки странного, иногда вредного выбора: *Drakeposting, Roll Safe, Mekhi Phifer holding his head in desperation while smoking a cigarette*, Машина на развилке с зеленым дорожным указателем (см. сайты-агрегаторы мемов типа knowyourmeme.com, memepedia.ru).

Один блок мемов дает отсылки к идее зловещей корпорации, которая сменой имени хочет замаскировать свою сущность. Это делается в основном через иконический компонент сообщения заменой логотипа Meta на логотип корпораций из фильмов или видеоигр с соответствующей репутацией – *Arasaka, Umbrella, Evil Corporation, Skynet* – и/или за счет сопоставления фото Цукерберга или кадра из его презентации и персонажа-злодея из популярных фильмов («Матрица», «Терминатор»), сериалов («Игра в кальмара», «Рик и Морти», «Симпсоны», «Остин Пауэрс», «Черное зеркало») или мультфильмов (Синдром из «Суперсемейки», Грю из «Гадкий Я»). Особый интерес представляет линия мемов, которую можно проследить от фото с презентации смены имени, с надписью “I’m a lizard” или фото Цукерберга на фоне интерьера дома, где на полке с книгами стоит бутылка с соусом барбекю, поскольку они имплицитно отсылают аудиторию к серии мемов, сложившейся задолго до переименования Facebook, где Цукерберг представлен кем-то, кто лишь притворяется (не всегда удачно) человеком, а на самом деле, например, рептилоид (отсюда вербальная отсылка *lizard*; есть мемы с фото Цукерберга во время дачи показаний в Конгрессе, где ему пририсовывают рептильные зрачки) или робот-андроид (вербальные и визуальные аллюзии на персонажа *Lieutenant Commander Data* из “Star Trek”).

Основной аспект в деятельности корпорации, который подвергается критике, – жадная охота за метаданными пользователей. Поэтому в серии мемов логотип с названием компании или лицо Цукерберга модифицируется таким образом, чтобы сочетать *Meta + data*. Еще один популярный вариант обыгрывания нового названия корпорации *Meta – Meth(amphetamine)*. С учетом других мемов про зловещую корпорацию и людей-зомби, пользующихся соцсетями, этот блок мемов оказывается содержательно сложным. Виден не просто акцент на неудачности переименования (ср. шуточные мемы, обыгрывающие *Meta* как *Meat, Feta, Metal, Metallica* и др.): пользователи делают

ассоциативный переход от Meth к аллюзиям на популярный сериал Breaking Bad, при этом юмористический, игровой элемент комбинируется с идеей аддиктивности соцсетей, нездоровой зависимости людей от корпораций типа Meta, использующих их в своих целях (в других мемах присутствуют образы железной хватки за лицо и горло). Таким образом, мы вновь видим социальную критику деятельности компании.

Анализ кейса в целом показывает, что мемы, коллективно создаваемые, распространяемые и трансформируемые в цифровой среде новых медиа, отражают наиболее типичные аспекты когнитивного структурирования и общественной оценки события. Сущностно они опираются на то, что пользователи соотносят посыл мема с системой личностных смыслов и одновременно метарепрентируют позицию других членов сообщества. Если рассматривать целый комплекс мемов, посвященных определенному событию, с точки зрения повторяющихся элементов формы и содержания, можно выявить характерные схемы суждения о событии и его оценки, которые имеют тенденцию повторяться и в других типах текстов на разных коммуникационных площадках в рамках общественно-политических дискуссий. Можно говорить о том, что мемы не просто участвуют в развитии определенных координационных паттернов, по которым происходит осмысление и коммуникативная репрезентация общественно значимых событий, но и концентрируют в себе наиболее типичные аспекты оценки данного события.

Литература

1. Davison P. The language of internet memes / Ed. by M. Mandiberg. The Social Media Reader. New York, 2012. P. 120–136.
2. Milner R. Pop Polivocality: Internet Memes, Public Participation, and the Occupy Wall Street Movement // International Journal of Communication. 2013. Vol. 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/download/1949/1015> (дата обращения 18.02.2021).
3. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA, 2013.
4. Shifman L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. 18 (3). P. 362–377.
5. Wiggins B.E., Bowers G.B. Memes as genre: a structurational analysis of the memescape // New Media and Society. 2015. Vol. 17 (11). P. 1886–1906.
6. Heiskanen B. Meme-ing Electoral Participation // European Journal of American Studies. 2017 (12-2), including Special Issue: Popularizing Politics: the 2016 US Presidential Election [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4000/ejas.12158> (дата обращения 18.02.2021).
7. Miltner K. Internet memes // Eds. J. Burgess, A. Marwick, T. Poell. The SAGE Handbook of Social Media. Thousand Oaks, CA, 2018. P. 412–428.
8. Glăveanu V.P., Saint Laurent C. de. Social Media Responses to the Pandemic: What Makes a Coronavirus Meme Creative // Frontiers in Psychology. 2021. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.569987> (дата обращения 5.12.2021).
9. Троценкова Е.В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 21–31.
10. Троценкова Е.В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 12–21.
11. Троценкова Е.В. Психолингвистический эксперимент «событие с заданной оценкой» (в американской культуре) // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Том 14. № 2. С. 235–243.

Модели языковой личности в поиске интегрированного знания о человеке

Аннотация. Русская языковая личность (РЯЛ) эксплицирована в отечественной науке на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС). Большие базы данных (свыше 50 лет наблюдений) позволяют изучать этот феномен в актуальной динамике в контексте интенциональности породившей РЯЛ культуры. Экспериментально полученная АВС фиксирует данные, снятые с живой РЯЛ, чья когнитивная и языковая модели мира сбалансированы в естественных условиях прошедшей социализации. Динамическая функциональная смысловая система РЯЛ поддается изучению с помощью векторных методик, отражающих ее смысловые акцентуации. Экспликация диссипированной в АВС грамматики с последующей оценкой ее вклада в формирование и концентрацию смыслов поможет исследованию множественных и многомерных связей лингвокогнитивного пространства РЯЛ, не поддающихся учету с помощью других подходов.

Ключевые слова: русская языковая личность, интенциональность, смысловые акцентуации, векторный анализ, социокоммуникативные установки

I.V. Shaposhnikova
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk

Models of language personality in the search for integrated knowledge about human

Abstract. The Russian language personality (RLP) was explicated by psycholinguists on the model of the associative-verbal network (AVN). It can be studied on the material of large databases (over 50 years of observation) in terms of the actual dynamics and intentionality of its mother culture. Experimentally obtained AVN provides access to the data taken from a live LP whereby cognitive and language models of the world have been balanced in the natural conditions of the past socialization. The dynamic functional semantic system of the RLP is studied through vector techniques reflecting its semantic accentuations. Explication of the dissipated in the AVN grammar and assessment of its contribution to the formation of meanings facilitates the study of multiple semantic links within the linguocognitive space of the RLP, which cannot be achieved using other approaches.

Keywords: Russian language personality, intentionality, semantic accentuations, vector analysis, socio-communicative attitudes

Языковая личность – видоспецифичная универсалия человека. Вживленность человека в окружающий мир, его жизнедеятельность обеспечиваются через речемыслительную функцию, которая формируется вместе с личностью индивида под контролем интенциональности социокоммуникативной культурной среды. Проблема интенциональности ставится исследователями в ходе поиска механизмов взаимодействия личности со смысловым полем культуры, в которую эта личность погружена¹. Модели ЯЛ активно используются при таком целеполагании, хотя они могут привлекаться для решения более широкого спектра когнитивных задач, в том числе и связанных с поиском источников доминантности и детерминации смыслов при попытках формализовать множественные смысловые связи, постоянно порождаемые человеческим сознанием. Феномен РЯЛ был эксплицирован в отечественной науке прошлого века на модели ассоциативно-вербальной сети [2].

Развиваемая психолингвистами на экспериментальной основе концепция ЯЛ интегрирует ряд аспектов, которые могут рассматриваться как природные системообразующие факторы языка у человека и поэтому очень важны для разработки общей теории языка, пригодной в сфере междисциплинарных исследований человека. В частности, концепция ЯЛ позволяет рассматривать язык в контексте и на пересечении двух планов: *внешнего и внутреннего*; а именно: язык, воплощенный в продуктах использования человеком своей языковой способности – *текстах*, и язык в человеке (его *речевая способность и деятельность* как таковая). Природный феномен ЯЛ вводит лингвистику в ряд когнитивных наук, изучающих субъективный фактор (сознание) человека, которое

© Шапошникова И.В., 2022

¹ Ср. shared intentionality «совместная интенциональность», которая оценивается М. Томаселло как видоспецифичная характеристика коммуникации человека в отличие от приматов [1].

по природе своей воплощается в индивидуально-личностном формате при условии погруженности в общественную среду. Концепция ЯЛ ставит вопрос о необходимости учета науками о жизни видовой специфики психических процессов у человека – их *активности, направленности и доминантности на смысловой основе*. ЯЛ представляет собой *динамическую смысловую систему*, в которой под влиянием личностного опыта и под контролем социокоммуникативной среды постоянно проходят флуктуации процессов смыслообразования и смыслоустратности.

Отечественная психолингвистика не только создала прецедент экспликации феномена РЯЛ на модели АВС, но и смогла расширить экспериментальную базу данных для ее репрезентативности по отношению к регионам России и разным временным срезам в пределах свыше 50 лет, что позволяет ставить вопрос о возможности изучения РЯЛ в аспекте актуальной диахронии (на пересечении жизней нескольких поколений)². Преимущество АВС модели заключается в том, что она позволяет оперировать данными, снятыми с живой ЯЛ, чьи когнитивная и языковая модели мира сбалансированы в естественных условиях прошедшей социализации. Имеющиеся базы данных, включая создаваемый нами и постоянно пополняемый ресурс СИБАС³, позволяют строить динамические, ориентированные на изучение смысловой эмерджентности модели на основе статистического упорядочения множественных связей вербальных единиц по параметрам интенсивности и разветвленности (экстенсивности), которые отражают доминантность социокоммуникативных установок РЯЛ на оперирование определенными вербальными единицами в той или иной конфигурации в зависимости от подлежащих вербальному овнешнению смысловых акцентуаций ЯЛ.

Возможность экспликации диссипированной по лексике грамматики открывает перспективу изучения ее мотивированности, ее вклада в точки концентрации смысла в образе мира РЯЛ. Диссипированность⁴ грамматики, то есть ее «разлитость» по лексике (лексонам), есть, как нам думается, главное условие ее вклада в смысловую эмерджентность, а также главное условие для овладения ею ребенком в процессе онтогенеза речевой способности. Опыт осуществления общеграмматической разметки АВС СИБАС и наблюдения за функционированием разных лексико-грамматических единиц в качестве модераторов смыслообразования позволяет нам заключить, что типологические особенности строя русского языка задают специфику кластеризации лексического и грамматического в формировании векторов смысловых акцентуаций у РЯЛ, что особенно ярко проявляется в разных группах абстрактных слов. Оттенки психологических значений как инвариантов личностных смыслов специфически активируются в сетевой грамматической парадигматике под давлением интенциональности культурного опыта народа. Ассоциативно-вербальные профили лексем и их парадигм дают значимый материал не только для оценки продуктивности лексических и грамматических единиц по отношению ко всему лексическому составу или отдельным классам слов (что достижимо на комплементарной основе разными методами), но и дают возможность оценить их психическую актуальность по отношению к мотивации ЯЛ⁵.

Важнейшим свойством полученной в результате многолетних наблюдений ассоциативно-вербальной модели ЯЛ является ее репрезентативность по отношению к образу мира человека, ибо она позволяет на статистической основе выявлять точки концентрации смысла, которые создают каркас лексонов – операторов смыслообразования; в ходе движения значений соответствующих им вербальных единиц их культурно-историческая основа обрывает насыщенными инвариантами личностных смыслов, которые эксплицируются в эксперименте; их направленность поддается измерению с помощью векторных моделей как на макроуровне, на всем массиве ассоциатов в базах экспериментальных данных, в целостном лингвокогнитивном пространстве ЯЛ (см. таблицу 1), так и на микроуровне, в ходе анализа конкретных ассоциативных полей (АП), представляющих

---

² Подробнее об имеющемся ресурсе ассоциативно-вербальных источников в России см.: [3, с. 344–421]. В настоящей статье, помимо создаваемой нами базы экспериментальных данных (см. сноску 3), мы пользуемся материалами САНРЯ – *Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка; URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения 20.02.2022); РАС – *Русский ассоциативный словарь* / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т. 1–2. М., 1994–1998; ЕВРАС – *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 20.02.2022).

³ СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных: Сибирь и Дальний Восток (2008–2022) / Авт.-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения 20.02.2022).

⁴ Диссипированность грамматики изучается Ю.Н. Карауловым с акцентами на специфике ее проявления у разных частей речи и в разных типах парадигматики – словоизменительной и словообразовательной [4].

⁵ Более подробно об этом см.: [5].

содержание отдельных лексонов (см. рис. 1). Подробную информацию о стимулах и характере эксперимента можно найти на сайте СИБАС (см. сноску 3).

Таблица 1⁶

Структура АВС РЯЛ СИБАС по количеству реакций перечисленными словами (интенсивность соответствующих вербальных узлов)				
Корпус	СИБАС 1 (2008–2013)		СИБАС 2 (2014–2021)	
Уровень	Диапазон	Единицы →	Диапазон	Единицы →
↓Первый	11000–2000	4 слова: <i>человек, деньги, дом, друг</i>	11000–2000	3 слова: <i>человек, деньги, дом</i>
↓Второй	1999–1500	3 слова: <i>день, мир, домой</i>	1999–1500	5 слов: <i>жизнь, вода, работа, друг, еда</i>
↓Третий	1499–1000	10 слов: <i>жизнь, плохо, время, хорошо, язык, большой, любовь, вода, дело, вопрос</i>	1499–1000	14 слов: <i>люди, любовь, машина, смерть, девушка, день, плохо, время, дорога, боль, сила, книга, парень, музыка</i>
↓Четвертый	999–750	19 слов: <i>ложь, ребенок, еда, я, отдых, город, работа, жизни, боль, зло, Россия, мужчина, свет, дверь, характер, машина, цвет, парень, лес</i>	999–750	13 слов: <i>страх, болезнь, нет, я, свет, дерево, игра, радость, мир, война, собака, море, семья</i>
↓Пятый	749–500	54 слова: <i>письмо, быстро, болезнь, радость, страх, смерть, власть</i> и др.	749–500	62 слова: <i>ребенок, счастье, большой, отдых, лес, ложь, страна, мужчина, солнце, много, хорошо, одежда, животное</i> и др.
↓Шестой	499–250	198 слов	499–250	211 слов
↓Седьмой	249–1	49 369 слов (97 слов выступали в качестве реакций не менее 200 раз; 609 слов – не менее 100 раз; 1519 слов – не менее 50 раз; 6316 слов – не менее 10 раз; 21519 слов – не менее 2 раз).	249–1	64486 слов (118 слов выступали в качестве реакций не менее 200 раз; 668 слов – не менее 100 раз; 1769 слов – не менее 50 раз; 7756 слов – не менее 10 раз; 27590 слов – не менее 2 раз).
Итого		7 уровней устойчивости, из них 1–5 – ассоциативные доминанты (90 единиц).	Итого	7 уровней устойчивости, из них 1–5 – ассоциативные доминанты (97 единиц).

Представляется необходимым в качестве единиц анализа (Р)ЯЛ рассматривать ее *смысловые акцентуации*⁷, которые поддаются измерению и могут быть представлены в виде векторов, имеющих

⁶ В рамках данной статьи мы ограничиваемся сокращенным вариантом описания параметров устойчивости узлов в структуре АВС по материалам СИБАС 1 и СИБАС 2. Стрелки показывают векторы снижения устойчивости между разными уровнями и направления ее снижения внутри каждого уровня, отраженного в последовательности перечисленных единиц. Более подробные данные, а также значения других параметров (разветвленность связей) можно найти с помощью инструментария СИБАС на сайте этого ресурса (см. сноску 3 выше).

⁷ Подробнее об этом, а также о векторных моделях и их графической репрезентации в виде психоглосс см. монографию [6].

направленность (в сторону снижения или усиления интенсивности или разветвленности связей между внешнеязычными лексонами вербальными единицами), что помогает оценить укорененность тех или иных смысловых акцентов в сознании РЯЛ. Эти векторы (их графические маркеры можно назвать психоглоссами), в свою очередь, представляют доминирующие социо-коммуникативные установки на оперирование языковыми единицами в том или ином составе, в той или иной конфигурации при вербализации тех или иных смыслов. Наши исследования в актуальной диахронии показывают, что эти установки напрямую зависят от таких параметров социо-коммуникативной среды, как плотность, насыщенность и разветвленность контактов в сообществе носителей языка, направленность этих контактов вовне или их сосредоточение внутри языкового сообщества [7]. Увидеть закономерности такого рода в изменении доминант РЯЛ можно только на материалах больших, репрезентативных для целой страны и ее регионов баз данных. Например, в ряде АП в актуальной диахронии наблюдаются флуктуации смыслов, отражающие смыслоутратность, смену установок в отношении содержания автостереотипа РЯЛ перестроечного периода на фоне смысловых предпочтений, зафиксированных в экспериментальном материале других периодов. Даже первые три смысловых зоны, которые поддаются определению в устойчивой части АП леммы НАРОД, показывают, что со сменой базовых параметров сети социо-коммуникативных контактов русских людей в эпоху перестройки произошли очень существенные сдвиги в смысловом содержании образа НАРОД в сторону накопления негативно-оценочных смыслов в восприятии себя.

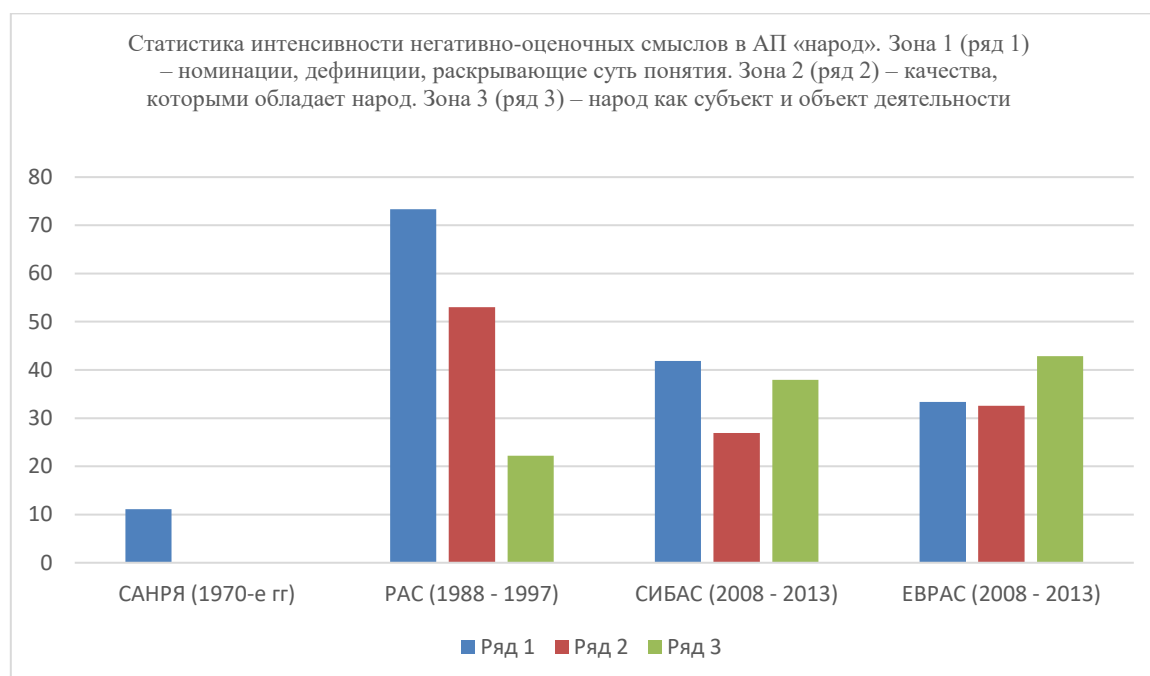

Рис. 1. Динамика смысловых акцентуаций устойчивой части ассоциативного поля слова НАРОД за последние 40–50 лет

Таким образом, феномен языковой личности, эксплицируемый на моделях АВС, заслуживает особого внимания в плане выработки интегративных подходов к изучению человека.

Литература

1. Tomasello M. Horizon. The ultra-social animal // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. P. 187–194.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Колл. монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М., 2021.
4. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М., 2010.
5. Шапошникова И.В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284.
6. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М., 2020.

7. *Шапошникова И.В.* Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т.18. № 3. С. 24–38.

Музыка самоорганизующихся структур в исследовании когнитивных процессов

Аннотация. Объектом исследования является модифицированная искусственная нейронная сеть Кропотова, относящаяся к классу сложных самоорганизующихся систем, демонстрирующих известное универсальное поведение. Модель способна генерировать временные ряды, которые, будучи отображенными на последовательности звуков, воспринимаются человеком как музыкальные. Принимая во внимание простоту и локальность принципов функционирования модели, предлагается рассматривать продуцируемые звуковые последовательности в качестве своего рода «музыки низкого или физиологического уровня». Так как просматривается явная корреляция между человеческим восприятием и поведением сложной структуры, то в данном случае можно говорить об отправной точке для широкого комплекса новых оригинальных исследований в областях когнитивных и смежных наук.

Ключевые слова: сложные системы, критическая динамика, самоорганизация, модель Кропотова, музыкальные паттерны, временные ряды

G.A. Chernykh
Yu.M. Pis'mak
Yu.A. Kuperin
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg

Music of self-organized structures in the study of cognitive processes

Abstract. The object of the study is a modified artificial neural network Kropotov, belonging to the class of complex self-organizing systems that demonstrate a well-known universal behavior. The model is able to generate time series, which, being displayed on a sequence of sounds, are perceived by a person as musical. Given the simplicity and locality of the principles of the model's functioning, it is proposed to consider the produced sound sequences as a kind of so-called music of a low or physiological level. Since there is a clear correlation between human perception and behavior of a complex structure, in this case we can talk about the starting point for a wide range of new original research in the fields of cognitive and related sciences.

Keywords: complex systems, critical dynamics, self-organization, Kropotov model, musical patterns, time series

Введение

Искусственная нейронная сеть, на базе которой проведены эксперименты по генерированию музыкальных паттернов, является развитием модели реалистической нейронной сети [1–3], разработанной с целью исследования поведения ансамблей нервных клеток, возбуждаемых внешними сигналами. Обладая достаточной простотой, оригинальная модель отражает важные характеристики динамики реальных нейронов, такие как возвращение мембранного потенциала к исходному состоянию после разряда нейрона, наличие порога генерации потенциала действия, кратковременный спад синаптической эффективности в ответ на кратковременную стимуляцию пресинаптического окончания и др. Модель может осуществлять пространственную фильтрацию входного сигнала, что, в частности, проявляется в способности нейронов объединяться в кластеры. Рассмотрены некоторые переходные процессы модели. Построено аналитическое решение для симметричной сети, стимулируемой постоянным по времени сигналом [4]. Обладая рядом диссипативных свойств, модель при параметрах, соответствующих динамике реальных нейронов, нетривиально эволюционирует только при наличии внешнего воздействия.

Для получения устойчивых динамических режимов при отсутствии стимуляции внешними импульсами модель была модифицирована [5] и в измененном варианте обладает разнообразными фазами устойчивых периодических и непериодических режимов. Имеются публикации, содержащие как полное и детальное описание динамических режимов модифицированной модели [6], так и

результаты изучения специфики состояния самоорганизованной критичности, где наблюдается так называемый кусочный скейлинг [7]. Также существует публикация с подробным описанием алгоритма получения музыкальных паттернов по числовым рядам, генерируемым в процессе эволюции модифицированной модели нейронной сети Кропотова [8]. Однако существенным результатом настоящей работы является тот факт, что субъективно более гармоничные музыкальные паттерны продуцируются не непосредственно в точке самоорганизующейся критической динамики, но на некотором относительном удалении от последней, причем не в произвольных областях, а вблизи границ фазовых переходов.

Благодаря принципиальной универсальности поведения сложных систем различной природы, а также специфике определения локальных принципов модифицированной модели Кропотова имеется естественная возможность интерпретировать ее динамику более широко вплоть до применения к процессам в социуме. Фактически, можно говорить о блоке совершенно новых направлений исследований, в особенности касающихся когнитивных наук. В частности, весьма интересной может быть следующая проблематика: восприятие паттернов людьми из различных культурных (социальных, этнических) групп; механизмы отображения субъективной гармонии на локальные принципы организации структур; возможные патологии восприятия и критерии их оценки, в том числе разработка методов диагностики заболеваний и т. п.

О динамике в окрестности точки самоорганизованной критичности

Критическая динамика возникает в сложных системах, обычно определяемых как множества, состоящие из большого количества нелинейным образом взаимодействующих объектов. Характер взаимодействия при этом должен обеспечивать протекание лавинообразных процессов, что приводило бы к быстрой передаче информации с локального уровня отдельных объектов на глобальный уровень всей системы в целом. Критерием наличия критического режима является степенной вид статистических распределений, которые могут быть построены по результатам наблюдений за различными динамическими характеристиками системы. В состоянии самоорганизованной критичности динамика сложных систем должна быть устойчивой, что обеспечивается постоянной подпиткой энергией извне и диссипацией внутри. Таким образом, подобные системы являются термодинамически неравновесными.

В исследуемой модели подпитка энергией осуществляется на уровне межнейронных связей посредством введения правила Богданова-Хэбба, а диссипация обеспечивается так называемым охлаждением. Управляющим параметром, определяющим характер взаимодействия нейронов и, как следствие, динамику сети в целом, является параметр, который ответственен за своего рода память нейронов собственных предыдущих состояний (модель задается рекуррентными соотношениями). Показано, что состояние самоорганизованной критичности возникает на очень узком интервале при положительных значениях управляющего параметра, незначительно отличающихся от единицы в меньшую сторону (равенство единице означает полное воспроизводство нейроном предыдущего состояния). При значениях управляющего параметра больше критического (лучшая память) наблюдаются устойчивые непериодические режимы с экспоненциальным распределением динамических характеристик, свидетельствующие о том, что сеть представляет собой конгломерат объектов, взаимодействием которых можно пренебречь. Если двигаться в сторону меньших значений управляющего параметра от состояния самоорганизованной критичности, то мы увидим постепенное уменьшение времени жизни сети до нуля, после чего наступает обширная область периодических состояний, причем чем хуже память, тем проще периодическое состояние. Состояние самоорганизованной критичности в модели является пограничным между хаосом и порядком (периодическими режимами). Хаосу с экспоненциальным распределением соответствуют большие значения диссипации. При этом собственная динамика нейронов подавляет межнейронное взаимодействие. Напротив, при малых значениях диссипации решающую роль играет взаимодействие, собственное поведение нейронов пренебрежимо мало, вследствие чего возникает стагнация системы, если под последней понимать периодический режим. Таким образом, состояние самоорганизованной критичности есть компромисс, учитывающий как индивидуальное поведение нейронов, так и их системное взаимодействие.

Есть веские основания полагать, что процессы, протекающие в коре головного мозга человека на уровне нейронов, демонстрируют проявление самоорганизованной критической динамики [9, р. 166]. Однако, говоря о естественных природных сложных системах и искусственных моделях, необходимо высказать следующее существенное замечание. В моделях в подавляющем большинстве случаев управляющий параметр, если таковой вообще существует, задается вручную и фиксируется на

конкретном значении. В реальности, очевидно, подобного не происходит и, по-видимому, если для реальных систем в принципе можно говорить об управляющем параметре, последний должен блуждать в окрестности критической точки. Иными словами, динамика искусственных моделей в критической точке без блужданий по окрестности является своего рода выхолощенным вариантом естественного поведения. Интересно, что как раз результаты настоящей работы, как отмечалось во введении, косвенно подтверждают вышеизложенную точку зрения. А именно, более субъективно гармоничные паттерны получены в окрестности точки критической динамики.

О построении музыкальных паттернов

Помимо собственно технического алгоритма (см. введение) преобразования зависимостей динамических переменных модели от времени в последовательности звуков необходимо исходить из совокупности некоторых положений, определяющих общую стратегию получения музыкальных паттернов.

Устойчивые режимы сети определяются исключительно внутренними свойствами модели и не зависят от каких-либо начальных условий, способов инициализации и пр. Следовательно, влияние человека на структуру продуцируемых сетью числовых последовательностей на локальном уровне исключено. Есть лишь возможность изменять глобальные параметры модели. Но при дальнейшей обработке числовых рядов не избежать привнесения в результат дополнительной «человеческой» информации. Необходимо либо свести к минимуму этот эффект, либо использовать методы, при которых ясно прослеживается граница, отделяющая собственно нейросетевую динамику от внешних по отношению к модели субъективных человеческих факторов. Очевидно, что с числовыми рядами нужно проводить только такие глобальные преобразования, которые, сохраняя внутреннюю локальную структуру оных, действуют на их элементы единообразным способом. К подобного рода вмешательствам относятся, например, выбор кванта времени, октав и музыкальных инструментов.

У рассматриваемой модели есть две особенности, существенно отличающие ее от других конструктов, используемых для генерации последовательностей звуков. Первое. Помимо собственно числовых рядов, интерпретируемых впоследствии как последовательность высот нот, нейронная сеть позволяет параллельно получить ряды, которые будут содержать моменты времени взятия нот. То есть, общий средний ритм задается человеком, а относительные длительности звуков определяются сетью. Второе. Разные нейроны сети продуцируют разные числовые ряды, что дает возможность построить многоголосые музыкальные паттерны и таким образом услышать посредством музыки не только индивидуальное поведение нейронов, но и их взаимодействия.

Примеры музыкальных паттернов размещены в сети Интернет¹.

Обсуждение

Представленная модифицированная модель Кропотова, в отличие от несомненно успешных глубоких сетей, обучаемых с учителем, должна быть добавлена к списку различных способов извлечения звуков из фракталов, ДНК и прочих природных и искусственных объектов. Какая научная мотивация может содержаться в подобной деятельности, кроме той, что уже изложена в настоящей работе? Если допустить дуалистичную природу человека, то легко заключить, что музыкальные произведения должны нести отпечаток дуализма. Следовательно, имеет смысл говорить о соотношении *духовного* и *физиологического* (по отношению к человеку уместнее применять термин *физиологический* вместо термина *физический*) в музыке. Следуя за Пенроузом [10, с. 688], примем тезис о том, что феномен сознания не есть продукт лишь взаимодействия нейронов мозга человека. Тогда имеется очевидный вывод. Если нейронная сеть отражает динамику реальных нейронов мозга человека, то и к музыкальным паттернам, построенным с ее помощью, нужно относиться преимущественно как к своего рода *физиологической музыке*. Появляется возможность разработки различных новых направлений исследований. Это могут быть новые экзотические методы диагностики или оценки состояния мозга человека, основанные на прослушивании специальными экспертами музыкальных паттернов, построенных по ЭЭГ человека. С другой стороны, если удастся каким-либо образом выделить физиологическую составляющую в музыке (вероятно, для этого потребуются анализ ЭЭГ головного мозга человека или другой подобного сорта информации), то интересным направлением для

---

¹ Music of Kropotov neural network model [Электронный ресурс]. URL: <http://rnn.chgerman.com> (дата обращения: 07.05.2022).

исследований было бы изучение влияния физиологической составляющей музыки на человека и его организм.

Литература

1. *Кропотов Ю.Д., Пахомов С.В.* Математическое моделирование механизмов обработки сигналов нейронными популяциями в головном мозге. Сообщение I. Постановка задачи и основные свойства модели // Физиология человека. 1983. № 7 (1). С. 152–162.
2. *Кропотов Ю.Д., Пахомов С.В.* Математическое моделирование механизмов обработки сигналов нейронными популяциями в головном мозге. Сообщение II: Влияние синаптической пластичности на свойства нейронной сети с локальными связями в стационарном режиме // Физиология человека. 1983. № 9 (5). С. 787–795.
3. *Кропотов Ю.Д., Пахомов С.В.* Математическое моделирование механизмов обработки сигналов нейронными популяциями в головном мозге. Сообщение III: Изучение вызванных реакций нейронных ансамблей // Физиология человека. 1984. № 10 (5). С. 813–821.
4. *Mardanov K.A., Pis'mak Y.M., Potyagailo Y.M.* General properties of realistic neural network dynamics // *Comp. Math. Appl.* 1997. № 34 (7/8). P. 675–685.
5. *Черных Г.А., Письмак Ю.М.* Модифицированный принцип Хэбба в модели нейронной сети Кропотова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. № 4 (3/20). С. 104–107.
6. *Черных Г.А., Письмак Ю.М.* Динамика модифицированной модели нейронной сети Кропотова-Пахомова // *Нейроинформатика*. 2007. № 2 (1). С. 1–43.
7. *Chernykh G.A., Pis'mak Y.M.* Piecewise scaling in a model of neural network dynamics // *Mathematical Modeling and Computational Science of Lecture Notes in Computer Science*. Springer Berlin Heidelberg. 2012. Vol. 7125. P. 302–307.
8. *Chernykh G.A., Pismak Y.M., Kuperin Y.A., Dmitrieva L.A.* Generation of Music Patterns Using Realistic Artificial Neural Networks // *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2019. № 23 (1). P. 97–111.
9. *Hesse J., Gross T.* Self-organized criticality as a fundamental property of neural systems // *Frontiers in Systems Neuroscience*. 2014. № 8 (166). P. 1–14.
10. *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. Москва; Ижевск, 2005.

Раздел II. Кросс-культурные особенности взаимодействия наук и искусств

С.Н. Виноградов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород

Парадигматика языка как универсальная модель проблемной ситуации

Аннотация. Парадигматика рассматривается как система варьирования и выбора языковых единиц, объединяемых инвариантом. Парадигматический выбор – разновидность деятельности, предполагающей проблему, результатом решения которой является выбранная языковая единица. При анализе парадигматики возникает задача восстановления множества, моделирующего альтернативы парадигматического выбора. Элементами модели является инвариант как знаковое образование, а также парадигматические варианты, которым приписан «вес» исходя из требований к выбору – его правильности, целесообразности, полезности и т. д. Характеризуются различные методики построения парадигматических моделей: создание информационно-поисковых тезаурусов, описание поэтических оппозиций, анализ писательских черновиков, использование вариантных языковых средств в переводческой деятельности и при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: парадигматика, инвариант, «взвешивание» альтернатив, проблемная ситуация, модели парадигматического выбора

S.N. Vinogradov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod

Paradigmatics of language as a universal model of the problem situation

Abstract. Paradigmatics is considered as a system of variation and selection of language units which are combined by an invariant. Paradigmatic choice is a type of activity involving a problem, whose solution result is the chosen language unit. When analyzing paradigmatics, the problem arises of reconstructing a set that models alternatives of paradigmatic choice. Elements of the model are the invariant as a sign and the paradigmatic variants to which “weight” is assigned according to the requirements for choice – its correctness, expediency, utility, etc. Various methods of constructing paradigmatic models are characterized: the creation of information retrieval thesauruses, the description of poetic oppositions, the analysis of writers' drafts, the use of variant language tools in translation activities and in teaching foreign languages.

Keywords: paradigmatics, invariant, “weighing” of alternatives, problem situation, paradigmatic choice models

Парадигматика – система варьирования и выбора языковых единиц в процессе функционирования языка. Множество парадигматически связанных единиц объединяются инвариантом, который имеет словесную форму существования как название общности парадигматических вариантов. Данное лингвистическое понимание парадигматики, будучи функционально-лингвистическим, восходит к концепции ассоциативных отношений в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, который понимал ассоциативные отношения в психологическом плане.

Парадигматический выбор – это разновидность деятельности, осуществляемой как при построении речи (текста), так и в дискурсе, использующем язык. На каждом шаге развертывания речи выбирается один из парадигматически связанных вариантов. Выбор предполагает проблемную ситуацию, проблему, результатом решения которой является выбранная языковая единица. Инвариант как название – знаковое образование, планом содержания которого является семантическая общность вариантов.

Примером данной проблемной ситуации служит словарная статья из словаря лингвистических терминов, содержащая термин *морфема* [1, с. 67–71]. Значения этого термина:

- кратчайшая значимая единица, выраженная отдельным звуком или определенным звукосочетанием;
- структурная часть слова, внешне напоминающая обычную морфему, но не обязательно выражающая какое-либо значение;
- минимальная смысловая единица языка, или единица плана содержания, у которой план

выражения может отсутствовать;

– минимальная значимая единица языка, или часть слова, обязательно повторяющаяся в составе разных слов или словоформ;

– любая значимая часть слова, как неделимая на более мелкие значимые части, так и способная делиться на такие части;

– любой элемент языка, любое языковое средство, способное выражать грамматическое значение.

Определения морфемы являются вариантами, из которых в лингвистическом дискурсе осуществляется выбор. Проблемы, которые решаются в лингвистическом научном дискурсе с помощью словарной статьи «Морфема» данного словаря, могут быть сформулированы в виде следующих высказываний: «Что называется морфемой?», «Какое определение морфемы следует выбрать в конкретной текстовой деятельности?». Инвариантом определений морфемы является термин *морфема*. Осуществляя выбор, участник деятельности руководствуется определенными критериями, позволяющими предпочесть одну альтернативу другим. Заметим, что в данном примере формулировки дефиниций терминов являются, вообще говоря, не словами или другими языковыми единицами, а текстами. Однако при широком понимании знаков (рассматривая тексты как знаки) правомерно рассматривать дефиниции как парадигматические варианты.

Поскольку парадигматическое множество в типичном случае представлено в тексте только одним из вариантов, в процессе исследования возникает задача восстановления всего множества, моделирующего альтернативы парадигматического выбора. Элементы модели – инвариант как знаковое образование, а также парадигматические варианты, которым приписан «вес» исходя из требований к выбору – его правильности, целесообразности, полезности и т. д. Все эти элементы модели являются знаковыми единицами и носят операционный характер, так как используются для обозначения проблем и названия вариантов их решения.

В зависимости от дискурса существуют различные методики построения парадигматического множества и «взвешивания» его единиц. Рассмотрим парадигматические модели проблемных ситуаций в разных дискурсах.

Информационно-поисковый тезаурус (ИПТ)

ИПТ представляет собой словарь отраслевых терминов, предназначенный для моделирования альтернативных способов выражения информационной потребности. Формулировка информационной потребности является инвариантом. Пометы в ИПТ – отражение большего или меньшего «веса» каждой альтернативы. Обычно в ИПТ используются следующие пометы: с (синонимия), в (выше), н (ниже), а (ассоциативная связь). Использование помет в ИПТ позволяет моделировать многоступенчатую проблемную ситуацию и в конечном счете эшелонировать информационную выдачу.

Моделирование поэтических оппозиций

Описание поэтического языка опирается на положение Р. Якобсона: поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации [2, с. 204]. Это означает, что в поэтическом тексте в речевой цепочке присутствует не один парадигматический вариант, а вся парадигма целиком. На этом свойстве поэтической речи основывается анализ поэтического языка с использованием инварианта поэтической парадигмы, и поэтический смысл прочитывается как система инвариантов. Ю.М. Лотман иллюстрирует эту методику описания следующим примером из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.

В данном отрывке обнаруживаются несколько парадигматических рядов: *негодный* – *презренный* (языковые синонимы), *маляр* – *фигляр* (языковая синонимия отсутствует, инвариант этих слов – *деятель искусства* с отрицательной коннотацией), *Рафаэль* – *Алигьери* (языковая синонимия отсутствует, инвариант – *высокий художник*). При анализе этих парадигматических вариантов выводится инвариант: «Мне не смешно, когда бездарность оскорбляет гения» [3, с. 51]. Это высказывание, будучи инвариантом, допускает вариативные выражения, которые отражены в данном эстетически значимом отрывке.

«Творческая мастерская» писателя (на материале писательских черновиков)

Писательские черновики содержат различные варианты (обычно лексические) инвариантного содержания, из которых в процессе работы писателя над словом выбирается альтернатива (обычно одна – наилучшая с точки зрения писателя). Например, М.Ю. Лермонтов так описывал Печорина в романе «Герой нашего времени»: *Его запачканные (грязные) перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке...* Автор зачеркнул слово *грязные*, посчитав его неуместным при описании одежды своего героя [4, с. 51]. Деятельность писателя, отражающая его парадигматические выборы, отражается в текстах его черновиков.

Методики выбора вариантов при обучении иностранному языку

В пособиях по иностранному языку (разговорниках) лексический материал и разговорные формулы упорядочены по тематике: «Приветствие», «Прощание», «Покупки» и т. п. Названия тематических областей являются инвариантами, а слова и выражения из этих областей – вариантами, которые могут выбираться в зависимости от коммуникативной ситуации и других лингвистических и экстралингвистических условий. Разговорник (его структура) является моделью коммуникативной деятельности в дискурсе общения на иностранном языке.

Переводческая эквивалентность

Эквивалентность различных альтернатив перевода является теоретической и практической проблемой, которая в переводоведении имеет разные решения. При переводе «существуют несколько типов эквивалентности, в каждом из которых сохраняются разные части содержания исходного текста» [5, с. 134]. К этим типам эквивалентности относятся та же цель коммуникации, та же ситуация, тот же способ ее описания, сохранение части значений синтаксических структур, те же значения слов [5, с. 128–130]. Таким образом, переводческая эквивалентность отражается в целой системе инвариантов: формулировки общей цели коммуникации, общей ситуации, общего способа ее описания, значений синтаксических структур и слов. Варианты могут быть текстами на разных языках. Например, в одной английской пьесе оскорбленная жена укоризненно говорит мужу: *That's a pretty thing to say*, а переводчик переводит *Постыдился бы* [5, с. 119]. Высказывания на английском и русском языке – варианты, а инвариантом, по-видимому, является эмоция возмущения, выраженная стилистическими средствами обоих языков.

Вариантами могут быть разные переводы одного и того же текста на одном языке. При этом инвариант может быть выражен в подстрочнике. Например, первая строчка «Реквиема» Р.Л. Стивенсона передается подстрочником: *Под широким и звездным небом выройте могилу и позвольте (дайте) мне лечь (в нее)*. Эта строка имеет несколько вариантов перевода, сделанных разными авторами:

Под небом широким, в сиянье светил пусть бы кров мой последний я получил!
Под звездным простором, в высоких горах могильной землею укройте мой прах;
Под небом просторным, в подлунном краю меня положите в могилу мою;
К широкому небу лицом ввечеру положите меня, и я умру;
Под звездами ищу погоста – могилу выройте мне по росту;
Под этой широкой звездной рекой пусть обрету я вечный покой;
Под небом, звездным и большим, мне руки на груди сложите;
Под небом распахнутым, в гроздьях звезд, могилу мою да хранит утес.

Данные переводческие варианты могут быть объединены инвариантом, который можно представить, например, знаковым образованием *Смерть и погребение*. Надо подчеркнуть, что выбор названия инварианта также представляет собой проблему, которая в процессе ее решения может быть, вообще говоря, сформулирована по-разному.

Во всех приведенных примерах парадигматические модели выступают как элементы семиотических систем (метаязыков, языков для специальных целей), описывающих языковые, психологические и социальные явления в аспекте кросс-культурной деятельности различного характера.

Междисциплинарный характер парадигматического аспекта языка проявляется также в следующем.

1. Парадигматический выбор – проявление универсальной философской категории ценности, а «веса» альтернатив – некоторые оценки, воплощающие ценности разной природы. Выбор ценностной шкалы, формулировка и выбор оценок – неотъемлемые процедуры в любой сфере человеческой деятельности.

2. Парадигматический выбор связан со свойствами идеальных объектов как принципиально гипотетических образований в разных сферах деятельности [6, с. 75–82; 7; 8]. Например, разноименования понятия выражают альтернативные суждения о нем, а формулировка названия понятия – инвариант. (Ср. притчу о слепцах и слоне, в которой слепцы, подойдя к слону и трогая разные участки его тела, высказывают о нем разные суждения – разные формулировки признаков понятия «слон»).

3. Процесс выбора носит универсальный характер и может быть представлен знаками разной природы (ср. классификации Ч. Пирса: знаки-иконы, знаки-индексы, знаки-символы, синсайны, квалисайны, легисайны). При функционировании любых знаков обнаруживаются проблемные ситуации и знаковые альтернативы. Например, в ситуации распутия (перекрестка двух или более дорог) само распутие представляет собой знак-квалисайн (знак, представляющий собой качество явления [9, с. 87]), который выражает собой проблему, а разные дороги – альтернативы ее решения. Инвариантом в данной ситуации является знак-квалисайн, который имеет знаковую форму существования и обозначает проблему выбора дороги.

Таким образом, ответ на вопрос, какова роль парадигматики в функционировании языка (знаковой системы), может быть сформулирован так: парадигматические отношения предназначены для выражения проблемы выбора знаковых единиц при осуществлении деятельности и для формулировки альтернатив этого выбора. Парадигматика языка, в зависимости от аспекта ее рассмотрения, является метаязыком решения проблем, процессом или результатом этого решения.

Литература

1. Немченко В.Н. Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985.
2. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 18–252.
4. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. М., 1993.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. М., 2002.
6. Виноградов С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии). Нижний Новгород, 2005.
7. Виноградов С.Н. К онтологии и описанию смысла текста // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2 (20). С. 153–161.
8. Виноградов С.Н. К онтологии и описанию концепта // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: Сб. статей по материалам науч. конф. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 1–3 декабря 2017 г.). Нижний Новгород, 2018. С. 32–39.
9. Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А. Основы семиотики: Учеб. пособие. М., 2012.

Толерантность, понимание и интерпретация в кросс-культурных взаимодействиях

Аннотация. Коммуникативная категория «толерантность» является сложным по своей природе образованием. В ней отражаются особенности определенной национальной культуры, к которой принадлежат участники межличностного взаимодействия, их когнитивно-прагматические характеристики, общность языкового кода, способность к поиску постижения истины и достижения решения альтернативных проблем не агрессивными методами, что приобретает особую важность в процессе кросс-культурного общения. Толерантность как признание правомерности иного мнения рассматривается на примере художественного и научного текстов.

Ключевые слова: толерантность, коммуникация, культурные различия, консенсус, аутопоэз, понимание

A.G. Gurochkina
I.A. Shchirova
Russian State Pedagogical University named after A.I. Gerzen
St. Petersburg

Tolerance, comprehension and interpretation in cross-cultural interaction

Abstract. The category of tolerance is ubiquitous. It is based in cultural distinctions of individuals, their personal and social characteristics, attitudes and background assumptions, ways of perception, skills of communication, worldview and styles of behavior. Tolerance is mostly needed in cross-cultural interaction when differences in attitudes and values are underestimated or totally ignored. Tolerance as a recognition of the legitimacy of a different opinion is considered as an example of artistic and scientific texts.

Keywords: tolerance, communication, cultural distinctions, consensus, autopoiesis, comprehension, interpretation

Человек – существо общественное, он постоянно взаимодействует с окружающим его миром и другими людьми, ибо именно в процессе диалога, в широком его понимании, происходит познание им мира, формирование нового знания.

Диалогичность речи и общения, обусловленные социальной сущностью мышления и языка, присущи всем коммуникативным процессам, в ходе которых когнитивная ниша личности, ее смысловая позиция постоянно обновляется и совершенствуется. Смысловая позиция личности обусловлена когнитивной, прагматической и культурной составляющими. Для того чтобы межличностное взаимодействие было успешным, необходимо в той или иной степени совпадение этих составляющих, как в рамках одного мультикультурного социума, так и в рамках кросс-культурных взаимодействий. Однако указанные параметры, как известно, не могут ни полностью совпадать, ни полностью отличаться, всегда будут какие-то общие «зоны» пересечения/непересечения. Превалирование «зон» непересечения когнитивных пространств – систем взглядов, мнений, ценностей, желаний и пр., прагматических – мотивов, целей, установок общающихся, сложившихся в их культурах норм речевого/неречевого поведения может привести к разногласиям, непониманию и конфликту. Осознавая на основе своих феноменологических и структуральных знаний о мире и языке отличия своей смысловой сферы (позиции) от позиции партнера, коммуникант с установкой на кооперативное общение и выработку наиболее адекватного, приемлемого для обеих сторон решения проблем, во избежание неконструктивного хода интеракции, выбирает толерантность в качестве главной стратегии взаимодействия.

Коммуникативная категория «толерантность» как особая форма ментально-речевого взаимодействия многоаспектна и многопланова.

К факторам, влияющим на степень проявления этой коммуникативной категории, относятся: идентичность языкового кода, фоновых знаний, принадлежность к одной социальной общности, равенство социальных ролей, расположенность партнеров по коммуникации к общению друг с другом и др. В значительной степени механизм проявления категории «толерантность» связан с таким важным

для успешной совместной речевой/неречевой деятельности фактором, как совпадение/несовпадение тех или иных подструктур личности, к которым относятся: интеллектуальная, ценностно-ориентационная, этническая, эмоциональная, энергодинамическая, религиозная и др. подструктуры субъектов взаимодействия, Категория толерантности проявляется чаще всего тогда, когда субъект взаимодействия либо не видит особых различий между подструктурами своей личности и личности партнера, либо не испытывает негативных чувств по их поводу. В этом случае субъект, настроенный на понимание и толерантный диалог с другим, создает, согласно теории аутопоэза [1], в своем сознании, с опорой на свои структуральные знания, ментальные образы языковых форм, которые преобразуются на выходе в акустические или графические формы. Эти материальные формы лишены содержания, они представляют собой лишь сигналы, стимулирующие формирование в сознании реципиента когнитивные структуры знания, в большей или меньшей степени сходные по смыслу с когнитивными структурами, бывшими в свое время в сознании отправителя сигналов. Суть биосемиотического механизма [2], таким образом, заключается в том, что коммуниканты не передают и не получают «готовое знание» (информацию). Коммуникация начинается с того, что адресант формирует в своем сознании мысли (когнитивные структуры), которые и не покидают его (сознание). В процессе взаимодействия адресант отправляет адресату лишь акустические сигналы в виде форм языковых знаков, соответствующих слов. В свою очередь, адресат, получив (восприняв) лишь формы слов, сопоставляет их образы с тем знанием, теми когнитивными структурами, которые сформировались в его сознании в процессе его жизнедеятельности и как он их неоднократно интерпретировал в прошлом.

Интерпретация участников диалога – представителей разных сообществ и культур – может при этом существенно различаться. Для подтверждения этого тезиса рассмотрим динамику изменений в восприятии смыслопорождающей инстанции известными литературно-критическими школами и произведем социокультурную контекстуализацию полученных знаний, в частности, оценим разрабатываемые ими интерпретативные стратегии как детерминированные конкретным социокультурным контекстом.

Так, классическая (ранняя, традиционная) герменевтика, толкуя сакральные текстовые смыслы, закономерно ориентирует интерпретатора на как можно более точное их воспроизведение (реконструкцию). В идеальной версии герменевтическое прочтение предполагает сохранение аутентичного текстового смысла, в то время как актуализация индивидуально-личностных ассоциаций является для него нежелательной. Объясняется это тем, что на раннем этапе развития возникающая из Экзегезы герменевтика видит в авторе Бога, чье Слово не подлежит искажению. Оно должно быть лишь воспроизведено, реконструировано посредством соблюдения заданных принципов толкования (огрубленно, интерпретативных стратегий. – А. Г., И. Щ.). Наиболее известным из них является принцип «герменевтического круга», постулирующий неразрывность взаимосвязи части и целого. Смысл целого, согласно установкам герменевтики, содержится в каждой толкуемой части текста и должен непременно учитываться. Интуитивное вхождение в «круг» при этом становится отправной точкой анализа. Впоследствии, как считал Ф. Шлейермахер, интуитивное всегда осмысливается, уточняется анализом частей, каждая из которых пронизана идеей целого [3].

Как видим, из компонентов триады «автор – текст – читатель», задающей общие границы интерпретации, традиционное герменевтическое прочтение выделяет автора. В Божественном авторском начале герменевтика видит единственный релевантный источник смысла. Дальнейшее развитие литературно-критической мысли демонстрирует отход от принципов монологизма и замену их принципами диалогизма, противоположными по своей интерпретативной стратегической направленности. Смена концептуальных ориентиров прослеживается и в принципиально новом понятийно-терминологическом аппарате. Ключевые понятия рецептивной эстетики «рецепция» и «интенциональность» утверждают коммуникативную сущность искусства и способность воспринимающего сознания к *активному* восприятию. В отличие от интерпретативной стратегии *реконструкции* заданного смысла (ср. выше), модификация воспринимаемого текста рецепционистами соотносится с его *конструированием*, пополнением его смыслового потенциала новыми семантическими обертонами при каждом новом прочтении (см. подробнее [4]). Эта контурно обозначенная смена концептуальных ориентиров маркирует расширение спектра интерпретационных решений и реализует более высокую степень толерантности к индивидуально-личностным интерпретативным инновациям.

В современной культуре интерпретатор трактуется как «Другой», он не пассивный объект, а активный реципиент и соавтор. Диалогизированные художественные формы (авторское двуголосие иронии; равноуровневые интертекстуальные переключки; стилизация, имитирующая дистинктивные характеристики существующих стилей; актуализация прецедентных смыслов сказа и пр.) осмысливаются как сложные формы диалогизма мышления и бытия. Идеи активной, множественной и даже

бесконечной интерпретации художественного текста коррелируют с идеями преемственности в науке. На передний план здесь выдвигается идея неразрывной связи в исследовании «своего» и «чужого». Значительный вклад в утверждение принципов диалогизма вносят междисциплинарные исследования. «Диалог дисциплин» служит противовесом против дисциплинарной фрагментации и «варварства специализма» (образ Ортеги-и-Гассета), не позволяющих исследователю «услышать» голос Другого. Необходимость идентификации и адекватной интерпретации «чужой» точки зрения обретает в научном тексте статус этической максимы. Освоение и присвоение, т. е. понимание и интерпретация оригинальной мысли, порожденной чужим сознанием, маркируются в ссылке, сноске, комментарии или иных формальных указателях. Даже в случае обретения ранее сформулированной мыслью концептуально значимых новых смыслов необходимость такого маркирования сохраняется и оправдывается сущностью науки. Соблюдение чужого «интеллектуального права» не только реализует конститутивные признаки научности, – объективность или достоверность, – но и позволяет более точно определить степень новизны научного исследования, «вступающего» в потенциально бесконечную научную дискуссию с членами самых разных интерпретативных сообществ.

Интерпретирующий характер антропоцентричной парадигмы объясняет закономерность еще одного вида корреляций между интерпретативными стратегиями художественного текста и его традиционного антипода – научного текста. Так, «бесконечная лестница интерпретации» (Хортон), задаваемая гибкой интерпретационной программой произведения вербального искусства, по своей общей стратегической направленности соотносится со стратегическими ориентирами интерпретатора научных текстов, несмотря на заданную его автором жесткую интерпретационную программу. И в том, и в другом случае «права» интерпретатора расширяются, что определяется разными факторами, в том числе понятийно-концептуальными установками антропоориентированной науки: интерпретирующим характером познания, субъективизацией научной истины, общими принципами методологического плюрализма, декларирующего важность научной толерантности к иному видению исследуемого фрагмента научного знания (ср. понятия научного сообщества у Т. Куна и интерпретативного сообщества у Э. Хирша). Крайнюю форму такого рода толерантность обретает в идеях эпистемологического анархизма Фейерабенда и его знаменитом постулате “Anything goes”. Признание равноценности позиции Другого в этом случае хотя и может быть отнесено к приоритетам, лишается релевантности, поскольку вступает в конфликт с главным нравственным императивом ученого – стремлением к научной истине.

На протяжении жизненного пути человек неизбежно сталкивается с необходимостью подтверждать и совершенствовать понимание окружающего мира. Адекватно оценивая его, он находит в нем свое место. В процессах идентификации и самоидентификации человек актуализирует имеющиеся у него представления о мире, создает в сознании его более полную картину, уточняет ее составляющие в каждом новом опыте общения, объективирует их через материальные «отпечатки» и «следы» (терминология В.И. Постоваловой). Близость мировидения и мирооценки коммуникантов повышает степень их взаимопонимания. «Говорящий не Адам», – напоминает М. Бахтин, рассуждая о наполненности высказывания «диалогическими обертонами», и потому «предмет его речи неизбежно становится ареной встречи с мнениями непосредственных собеседников» в обыденном споре... «или с точками зрения, мировоззрениями, направлениями и теориями в сфере культурного общения» [5, с. 204]. «Ответность» высказывания – его обязательная характеристика. Она проявляется «в обертонах смысла, в обертонах экспрессии, в обертонах стиля, в тончайших обертонах композиции» [5, с. 203]. В зависимости от общения, в которое вступает человек, и вида опыта, который он обретает, человек отождествляет (идентифицирует) себя с разными социальными группами. Программировать вероятность успешного общения с Другим, среди прочих факторов и условий, может и толерантность, основанная на желании понять и признать правомерность существования иных мыслительных и поведенческих стереотипов; нравственных принципов и установок; национальных традиций и обычаев; политических взглядов. Без обретения коммуникативных и интерпретативных компетенций, необходимых для понимания Другого, любой вид коммуникации будет заведомо обречен на когнитивные диссонансы и интеллектуальные тупики.

Литература

1. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995. С. 95–142.
2. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought / Ed. by G. Miller, E. Lenneberg. New York, 1978. P. 27–63.
3. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
4. Ильин И.П. Современное зарубежное литературоведение. М., 1996.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М., 1996. С. 159–206.

Вербализация содержания знания
современной междисциплинарной области
в аспекте кросс-культурных соответствий

Аннотация. В статье в аспекте кросс-культурных соответствий дается общее представление о вербальных средствах объективации основных концептов и когнитивных форматов хранения знания профессиональной междисциплинарной сферы «социальная инженерия в области информационной безопасности» в американском и русском профессиональном дискурсе. Отмечается, что сравнение терминологической лексики следует дополнять анализом вербальных репрезентаций типичных экстралингвистических ситуаций данной области деятельности, что позволит получить более полное представление о степени кросс-культурных соответствий, нашедших отражение в языковой составляющей профессионального дискурса, дающей доступ к национально-культурным смыслам в содержании экспертного знания.

Ключевые слова: междисциплинарная область, концептосфера, когнитивный формат, вербальные средства, кросс-культурные соответствия

T.V. Drozdova
Astrakhan State Technical University
Astrakhan

Verbal representation of knowledge
from an innovative interdisciplinary field:
cross-cultural perspective

Abstract. The paper presents a general view on verbal means of objectifying basic concepts and cognitive formats of interdisciplinary field “social engineering in cybersecurity” in American and Russian professional discourse from the perspective of cross-cultural similarities or differences. It is argued that the analysis of term semantics should be followed by comprehension of verbal representations of typical extralinguistic events described in the discourse, which is useful for making conclusion about the degree of cross-cultural correspondence as derived from the verbalized content of professional discourse which provide access to culture-caused meanings in expert knowledge.

Keywords: an interdisciplinary field, conceptual field, cognitive format, terminological nominations, cross-cultural correspondence

Современный этап развития науки и техники характеризуется появлением целого ряда дисциплин на основе интеграции знаний разных теоретических и/или практических областей. Концептосферы таких «гибридов» формируются как объединение в рамках новой концептуальной области определенных концептов соответствующих экспертных областей и закрепление существующих между ними типов связей. Возможность интеграции обуславливается, по-видимому, интерпретацией содержания объединяемых концептов с позиции целей и задач междисциплинарной области и перспективизации тех концептуальных признаков, которые оказываются для данной области конституирующими. При этом новое знание соответствующим образом систематизируется и закрепляется в разных когнитивных форматах, имеющих языковую привязку, на уровнях индивидуального и коллективного сознания субъектов профессиональной деятельности.

Зарождаясь в определенном национально-культурном профессиональном социуме, междисциплинарное знание быстро приобретает наднациональный характер благодаря глобализации, институциональности экспертных сфер деятельности, межкультурной коммуникации, участниками которой являются субъекты соответствующего профессионального дискурса. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу вербальной репрезентации содержания концептосфер междисциплинарных областей представляет интерес не только с позиции взаимодействия ментальных структур и комбинаторики языковых средств разных специальных подъязыков национального языка, но и в кросс-культурном аспекте, который, с нашей точки зрения, представляется недостаточно изученным. При этом каждая междисциплинарная область должна рассматриваться отдельно, поскольку, как правило, является уникальной и в когнитивном, и в языковом аспектах, и с точки зрения

экстралингвистических условий реализации экспертной деятельности, характеризующихся национально-культурной спецификой, что, очевидно, также находит отражение на вербальном уровне.

Поставив целью дать общее представление о вербальных средствах репрезентации знания междисциплинарной области в кросс-культурном аспекте, мы выбрали практическую сферу «социальная инженерия в области информационной безопасности», представленную американским и русским профессиональным дискурсом (текстами научного и справочного характера, включая Интернет-источники). Концептосфера данной дисциплины сформировалась в США, а понятия и соответствующие термины «*social engineering – социальная инженерия*» и «*information security – информационная безопасность*» появились еще в первой половине XX в.¹ Несмотря на, казалось бы, преобладающую «техническую» составляющую экспертного знания (т. е. область информационных технологий/информационной безопасности), равноправными частями этой сферы являются знания гуманитарных областей социологии и психологии; субъектами данной сферы привлекаются также знания из области экономики и юриспруденции. Такое взаимодействие знаний определяет репертуар вербальных средств (главным образом – терминологической лексики), семантика отдельных из которых может быть культурно-обусловлена.

Осуществляя анализ вербальных средств репрезентации экспертных знаний, мы опирались на предложенное Е.С. Кубряковой [1] разделение знания на языковое и объектное, на понимание профессионального дискурса как отдельной области жизнедеятельности, протекающей в определенных экстралингвистических условиях, не изолированной, тем не менее, от иных сфер жизнедеятельности общества и представляющей часть культуры в ее широком понимании, а, следовательно, по мнению О.В. Магировской, которое мы разделяем, интегрирующей «различные способы когнитивного взаимодействия человека с миром и все типы их языковой интерпретации» [2, с. 69]. Исходя из этого, в аспекте кросс-культурного подхода мы посчитали возможным установить определенный изоморфизм между теми явлениями, которые в культурной антропологии, делающей акцент на сходствах, рассматриваются в разных национально-культурных социумах как один и тот же культурный феномен (см., например, [3]), и различными типичными состояниями, процессами, ситуациями профессиональной сферы деятельности. Таким образом, с нашей точки зрения, в кросс-культурном аспекте следует осуществлять сопоставление не только языковых средств английского и русского языков, но и дефиниции специальных понятий, и дескрипции анализируемых в профессиональном дискурсе типичных экстралингвистических ситуаций, репрезентацию их морально-правовой оценки. Такой подход позволит получить более детальное представление о кросс-культурных соответствиях и/или различиях, проявляющихся в реализации профессиональной деятельности и нашедших отражение в сформировавшейся базе экспертного знания, репертуаре и семантике вербальных средств его трансляции.

Рассматривая профессиональный дискурс как часть культуры, мы разделяем точку зрения В.И. Заботкиной [4], которая считает, что явления культуры имеют первичную репрезентацию на уровне ментальных структур и вторичную – на уровне дискурса. Очевидно, что первоочередной задачей стало определение составляющих концептуальной области данной профессиональной сферы, реконструкция когнитивных форматов хранения экспертного знания с последующим анализом вербальных средств их объективации и выявления наличия культурно-обусловленных смыслов. Решение поставленных задач обеспечивалось использованием комплекса методов: концептуальным и когнитивным типами анализа, дефиниционным анализом, элементами компонентного и сравнительного анализа, смыслового анализа текста, метода умозаключения (инференции).

Было установлено, что концептуальная область данной сферы включает следующие концепты/понятия, представленные здесь на базовом уровне категоризации условными русскими обозначениями: КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ВЛАДЕЛЕЦ ИНФОРМАЦИИ, ПОХИТИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЛАДЕЛЬЦА ИНФОРМАЦИИ, ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЛАДЕЛЬЦА ИНФОРМАЦИИ, IT-КОНСУЛЬТАНТ, СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ, СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ. В когнитивной структуре фрейма, ядро которого обозначается через название рассматриваемой междисциплинарной области, эти концепты образуют отдельные слоты. Предложенные обозначения концептов также служат обозначениями соответствующих категорий, члены которых представлены на субординатном уровне конкретными единицами лексической системы сопоставляемых языков.

¹ <https://www.comptia.org/content/articles/what-is-social-engineering#:~:text=The%20term%20social%20engineering%20was,J.C.%20Van%20Marken%20in%201894.&text=In%20modern%20times>

Объективация концептов на разных уровнях категоризации, как и формирующих их содержание концептуальных признаков, осуществляется репертуаром вербальных средств, которые можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, это терминологические единицы, входящие в терминосистемы интегрируемых областей знания, и являющиеся в сравниваемых языках полными эквивалентами, имеющими греко-латинское происхождение (или словообразовательную основу) и статус интернационализмов: *information* – информация, *manipulation* – манипуляция, *method* – метод и др. Во-вторых, это терминологические единицы сравниваемых национальных языков, также рассматриваемые как эквивалентные и, как правило, не имеющие в своей семантике культурно-обусловленных смыслов: *emotional state* – эмоциональное состояние, *victim* – жертва, *password* – пароль, *unauthorized access* – несанкционированный доступ, *bank account* – банковский счет и др. В-третьих, это термины английского языка, главным образом из области информационной безопасности, заимствованные материальным калькированием в русский язык: *social engineer* – социальный инженер, *pretexting* – претекстинг, *website* – веб-сайт, *system administrator* – системный администратор и др. Выявляемые в семантике ряда таких единиц культурно-обусловленные смыслы оказываются скрытыми для субъектов русскоязычного дискурса (см, например, термин *hacker*² – хакер). Данное утверждение будет верным и для терминов, используемых метафорически и не имеющих русскоязычных соответствий (см. *road apple* (метод кибератаки): подразумевается неприятность, в которую можно невзначай угодить. Ср. прямое значение – *a piece of horse manure on or at the side of a road.*³)

Возвращаясь к мысли о необходимости анализа вербальных средств дескрипции типичных экстралингвистических ситуаций, репрезентирующих часть профессионального знания, напомним, что на ментальном уровне такое знание представлено более сложными когнитивными форматами (моделями), отражающими взаимосвязь концептов соответствующей концептуальной области: пропозициями, сценариями/скриптами и др. Такие когнитивные структуры были реконструированы нами и для анализируемой области деятельности. Примерами могут служить пропозиция: *использовать (ПОХИТИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ, СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ)*, а также сценарий СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ (на владельца информации со стороны злоумышленника): *определение необходимой конфиденциальной информации, поиск владельца информации, выбор способа психологического воздействия на владельца информации, использование определенных средств доступа к / хищения конфиденциальной информации*. Объективация такого сценария в американском и русском профессиональном дискурсе может содержать обозначение определенных реалий, характерных для соответствующего национального сообщества. Например, существующие только в конкретном социуме веб-сайты (*PayPal website*), указание в поддельном письме названия определенного банка (*Совкомбанк*). В то же время дескрипции реализации указанного сценария всегда содержат вербальные средства, эксплицитно указывающие или имплицитно указывающие негативное отношение к реализуемому в экстралингвистической действительности действию, что свидетельствует о сходстве социально-культурных ценностей в сопоставляемых профессиональных (и не только) сообществах. Сравните подчеркнутые вербальные средства в описаниях ситуации осуществления кибератаки фишинга (*Phishing attack*): “Attackers mislead victims to obtain sensitive and confidential information. They involve fake websites, emails, ads, anti-virus, scareware, PayPal websites and free offers” [5] – «Основным видом фишинговых атак является поддельное письмо, отправленное жертве по электронной почте, которое выглядит как официальное письмо от платежной системы или банка»⁴.

Завершая данное сообщение, считаем возможным сделать ряд выводов относительно вербальных средств анализируемой междисциплинарной области. Во-первых, значительная часть терминологической лексики интегрируемых областей знания оказывается идентичной по своей семантике, и лишь отдельные единицы содержат культурно-обусловленные смыслы. Во-вторых, кросс-культурные исследования не должны сводиться только к сравнению репертуаров терминологической лексики, но должны рассматривать вербальные дескрипции типичных для профессиональной сферы экстралингвистических ситуаций, состояний и их оценки, что позволит получить более полное представление о наличии культурно-обусловленных смыслов в содержании экспертного знания. В-третьих, проведенный анализ вербальных средств сопоставляемых языков позволяет говорить о высокой степени кросс-культурных соответствий в содержании знания сферы «социальная инженерия в области информационных технологий», представленного в американском и русском профессиональном дискурсе.

² См. подробно: <https://www.etymonline.com/word/hack>.

³ <https://www.dictionary.com/browse/road-apple>.

⁴ <https://efsol.ru/articles/social-engineering.html>.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
2. *Магировская О.В.* Антропоцентрический принцип организации дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 30. 2017. С. 69.
3. *Прокопья Г.В.* Семантика понятия «кросс-культурный подход» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 3. 2007. С. 63–70.
4. *Заботкина В.И.* Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: Сб. науч. статей, посвященных памяти В.Н. Телия. М., 2016. С. 102–111. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/307606821> (дата обращения 31.05.2022).
5. *Joe Gray.* Practical social engineering (Early Access). San Francisco, CA, 2021.

Насколько лингвокреативен текст искусствоведческого комментария произведений изобразительного искусства?

Аннотация. Статья посвящена явлению лингвокреативности, проявляющемуся в вариативности композиционной организации англоязычного текста искусствоведческого комментария произведений изобразительного искусства. Представлена сущность анализируемого типа текста как результата искусствоведческого дискурса. Выявляются факторы его вариативной композиции как одного из маркеров лингвокреативности, предлагается система его композиционных вариантов. Делается вывод об обусловленности обсуждаемого явления социальными и эстетическими запросами современного общества.

Ключевые слова: лингвокреативность, текст, искусствоведческий комментарий, произведение изобразительного искусства, композиция

L.V. Laenko
Voronezh State University
Voronezh

How linguocreative is the text of painting works fine art commentary?

Abstract. The paper focuses on the phenomenon of linguocreativity that manifests in the variety of compositional organization of the text of fine art criticism commentary of painting works. The essence of such a phenomenon is presented as well as the essence of the text in question. The factors of its varying composition as one of linguocreativity markers are defined, the system of compositional variants of such type of text is argued and described. It is concluded that such state of affairs is due to social and aesthetic inquiries of modern society.

Keywords: linguocreativity, text, English fine art criticism commentary, painting domain works, composition

Актуальность проблемы лингвокреативности (далее – ЛК) для современной науки о языке очевидна, что подтверждается 1) публикацией серии коллективных монографий «Лингвистика креатива» 1–5 под ред. проф. Т.А. Гридиной [1], в фокусе внимания авторов которых находятся теоретические и практические аспекты изучения вербальной креативности в полипарадигмальном ключе, 2) проведением международных конференций с особым акцентом на сущность ЛК и ее своеобразное проявление в разных типах текста и дискурса:

– международная научная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации», проводившаяся 22–24 октября 2021 г. в Минске и приуроченная к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного ун-та;

– международный форум «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие», проводившийся 24–28 ноября 2021 г. на факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Проблематика форума обсуждалась на нескольких научных платформах, в том числе и на платформе № 1 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (памяти доктора филологических наук, профессора В.Т. Титова), в рамках которой был организован круглый стол «Язык – познание – коммуникация – культура: насколько достигим консенсус в интерпретации взаимосвязей?». Органичность и результирующая научная ценность представленных на нем докладов были обусловлены их ориентированностью на осмысление одного актуального для современной лингвистики понятия – лингвистической креативности, которое, несмотря на высокую степень востребованности в трудах ученых, во многом остается недостаточно четко определяемым. Но в целом, всеми авторами признается тот факт, что креативность сегодня – это не столько модное слово, сколько дань современному обществу и что лингвокреативность является способностью создавать что-то новое, нестандартное в языке с помощью языка.

Настоящее исследование посвящено выявлению лингвокреативного потенциала англоязычного текста искусствоведческого комментария (ИК) произведений изобразительного искусства (ПИИ).

Сущность текста ИК ПИИ понимается 1) как результат перекодирования изобразительного кода

в вербальный код в рамках эстетической коммуникации, в которой участвуют эстетический объект – ПИИ, его интерпретатор – автор ИК, реципиент ИК), 2) как результат творческих интенций, реализуемых на стыке ряда научных дисциплин: семиотики искусства, психологии восприятия, лингвистики, психолингвистики, теории коммуникации – с целью реализации коммуникативной, когнитивной, воздействующей и выразительной функций.

Исходя из осмысления лингвокреативности как способности автора порождать из заложенных в системе языка вербальных ресурсов их новые оригинальные формы, неконвенциональные приемы и/или целенаправленно совершать языковые нарушения, или девиации (термин В.И. Заботкиной в [2, с. 212]), в данной работе определяется и обосновывается система факторов их специфического проявления в ИК ПИИ на разных уровнях означенного типа текста (тип объекта интерпретации; жанр текста; факторы адресанта и адресата; фактор субъективной перцептуальности; степень интерпретируемости), выявляются и систематизируются языковые средства, релевантные для него и манифестирующие креативную деятельность его автора.

Лингвокреатив в тексте ИК ПИИ проявляется 1) в вариативности его композиционной организации, 2) в избирательности лексических средств репрезентации его содержания, 3) в избирательности синтаксических средств его организации. Остановимся на проявлении *лингвокреатива в вариативной композиционной организации текста ИК ПИИ*.

Результат учета отмеченных выше факторов особенно ярко проявляется в разноязычных текстах ИК ПИИ (см. напр., типологию ИК ПИИ на русскоязычном материале в [3]), анализ которых позволяет получить новые сведения относительно модификации ряда их параметров, в частности, классической композиции таких текстов, состоящей из следующих тематических блоков: 1. Художник и его творческое становление. 2. Характерные черты его творчества, особенности его стиля. 3. Значимость его творческого вклада в искусство.

Особенность строения искусствоведческого комментария как типа текста заключается в том, что опорными элементами в его тексте становятся фактические данные. Доказательства и рассуждения, как правило, выполняют разъяснительную задачу, делая иллюстрации более доступными для восприятия.

Однако англоязычный материал ИК ПИИ позиционирует *вариативность* такой композиции, что не может не обращать на себя внимание, и анализ этой вариативности позволяет предложить следующую, с осторожностью отмечу, национально-специфическую композиционную организацию текстов ИК ПИИ и описать ее.

1. *Публикационные тексты профессиональной направленности* (использованы материалы официального сайта британского музея “The British Museum”, раздел “Prints and Drawings Virtual Gallery”). Такие комментарии чаще всего встречаются на сайтах галерей, музеев, онлайн-выставок, в тематических журналах, энциклопедиях, сборниках и т. д. Характеристика данного блока текстов в основном содержит в себе признаки искусствоведческого текста-интерпретации, так как выявленные в них лингвистические элементы предполагают профессионально выстроенную композицию, специализированную лексику и терминологию. Однако, с другой стороны, такие тексты отличает наличие признаков литературно-художественного текста-интерпретации, что обуславливается их направленностью на более широкого читателя, зрителя, слушателя.

В видовом отношении в данном блоке выделяются:

а) тексты-описания ПИИ, структурная композиция которых обычно обусловлена жанровым форматом того или иного пространства (музея, журнала и т. д.), где презентуется данный текст, например описание картины “No world” художницы Кары Уокер (Kara Walker)¹

Композиционно данные тексты состоят из нескольких тематических частей, имеющих, в контексте одного целого, индивидуальные подзаголовки:

1. “Description” – лаконичное описание тематики произведения:

“This aquatint is from a series of six intaglio prints titled ‘An Unpeopled Land in Uncharted Waters’. It explores the experience of African slaves in America, a recurring theme in Walker's work. In this image, a slave ship is held aloft by a pair of hands emerging from the choppy waters of the Atlantic...”².

2. “Curator’s comments” или “Analysis” – профессиональное описание авторской концепции ПИИ, реконструирующее сущность художественного замысла:

“...The ship is presumably a slave ship and the figures on land a plantation owner (who can be identified by his wide-brimmed hat, pipe and authoritative stance) and a black slave. The female figure in the water may be a slave who has escaped the ship or a slave who is drowning, as so many did on the perilous

¹ <https://www.britishmuseum.org/collection/galleries/prints-and-drawings-virtual-gallery#&gid=1&pid=8>.

² <https://www.britishmuseum.org/collection/galleries/prints-and-drawings-virtual-gallery#&gid=1&pid=3>.

journey to America. Alternatively, the figure could represent the collective desire of the African slaves to return to their homeland...”³.

Иногда к основным тематическим частям (Description и Analysis) могут добавляться абзацы, информирующие о технике исполнения ПИИ, об используемых материалах, красках, о теоретической составляющей композиции рисунка, построении колорита.

Так, на сайте одной ирландской онлайн-энциклопедии изобразительных искусств “Art Encyclopedia” после тематических частей описания и анализа картины “Hunt in the Forest” by Paolo Uccello, 1470, автор ИК продолжает описывать произведение в контексте семиотики цвета:

“Uccello's feel for colour is indicated by his Renaissance colour palette, and his use of red and green colour pigments – as well as accents of gold, now faded – to give the painting a magical jewel-like quality”⁴.

б) аудио-описания ПИИ, или Audio Guides – тексты, распространяемые в основном в музеях, онлайн-галереях в виде аудиального сопровождения офлайн/онлайн экскурсий на специализированных платформах (например, Apple Music и YouTube Music) в виде небольших по объему подкастов⁵. Такие тексты нацелены на более широкий круг реципиентов, слушателей. Их типичная композиция следующая.

1. Общая краткая информация о произведении, “The label reads”, включает название картины, имя художника, дату рождения / даты жизни художника, дату написания работы, размеры и материалы – ср., например, аудиозапись комментатора из онлайн-галереи музея “Museum of Modern Art”: “The Persistence of Memory” by the Spanish artist, Salvador Dalí, 1904–1989. Painted in 1931. Oil on canvas, 9 inches high by thirteen inches wide. 24 x 33 cm”⁶.

2.1. “The Setting” – общее описание всех невербальных элементов полотна, так называемый обзор картины как одного композиционного целого:

“This is a small, framed painting, only about the size and shape of a computer screen. But it’s a hauntingly strange and memorable image. In a dreamlike landscape, giant watches dominate the foreground. But they’re like no watch you’d find in the waking world: they’re soft, and they’re draped over other objects in the scenery like discarded clothing”⁷.

2.2. Описание отдельных невербальных элементов ПИИ. На данном этапе активно используются модальность и элементы семиотического анализа произведения:

“On the left, a solitary white iris, its blossom larger than the rest, commands the swirl of purple and green from its outpost”⁸.

2. *Идентификационная этикетка* (далее – ИЭ) – подобные дескриптивные тексты востребованы исключительно на художественных выставках, в музеях и галереях. В практике музеев и выставок ИЭ – это краткий текст (обычно не более страницы), знакомящий зрителей с характером экспозиции в зале, с содержанием, иконографией, историей выставленных произведений, с биографией и творческим обликом представленного художника [4]. Ее отличительной чертой является ориентация не только на представителя той же культуры, но и на иностранного туриста, который является носителем не только другого языка, но и другой культуры. Подобный текст функционально производит нужный коммуникативный эффект и вызывает соответствующее отношение к получаемой невербальной информации. Примечательно, что такие экспликации, как правило, не перегружены синтаксически, что затруднило бы понимание общей идеи экспозиции.

Описание произведения в данном случае не имеет четкой структуры и композиции – из собранных нами идентификационных этикеток схожим по характеру содержанием обладали только тексты, этикетки которых принадлежали одному и тому же музею. Так, все идентификационные этикетки шотландского музея “Kelvingrove Art Gallery and Museum” содержат краткий текст, состоящий из двух-трех предложений – это краткое, обобщенное описание невербальных элементов ПИИ и информация об истории данной работы, об авторе произведения.

Наглядным примером является текст идентификационной этикетки картины Клода Моне “View of Ventimiglia”⁹:

³ Там же.

⁴ <http://www.visual-arts-cork.com/famous-paintings/hunt-in-the-forest.htm>.

⁵ <https://www.moma.org/audio/playlist/3/163>.

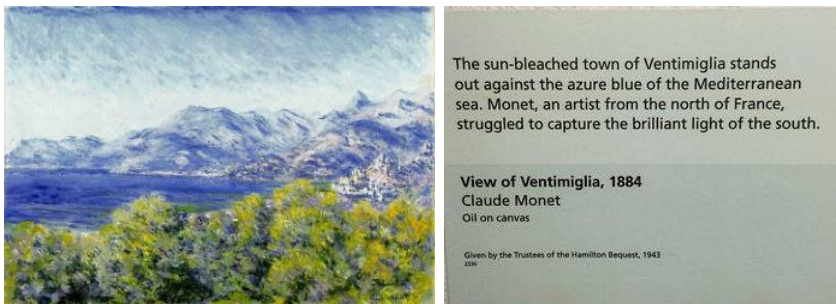
⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ <http://www.artbeyondsight.org/mei/wp-content/uploads/irises.mp3>.

⁹ https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g186534-d189009-i223717995-Kelvingrove_Art_Gallery_and_MuseumGlasgow_Scotland.html.

3. *Любительский комментарий к ПИИ*. Главная задача таких текстов – передача субъективной, литературно-художественно оформленной интерпретации. Тексты рассматриваемой категории имеют нерегулярную композицию, которая не всегда последовательна и константна, может содержать в себе признаки структур и композиций разных категорий искусствоведческого комментария. Зачастую подобные англоязычные тексты служат переводом литературных описаний картин русских художников. Так, содержание сайта <https://en.opisanie-kartin.com> полностью состоит из англоязычных текстов о картинах русских художников. При этом автор не ссылается на какие-либо официальные англоязычные источники, что позволяет сделать вывод о том, что данные описания не выполняют роль репрезентативных текстов и являются любительскими, например: *Description of the painting by Nicholas Roerich "Mount five treasures"*¹⁰.

Представляется, что появление композиционных вариантов англоязычного текста ИК ПИИ сферы искусства – реакция на вызовы того национального социума, в котором учитываются актуальные эстетические запросы читательской и зрительской аудитории.

Литература

1. Лингвистика креатива / Ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2013 [Электронный ресурс]. URL: science.urfu.ru/ru/publications/ (дата обращения 31.05.2022).
2. *Заботкина В.И.* Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. Вып. 38. Тамбов; М., 2019. С. 208–216.
3. *Елина Е.А.* Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект). Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
4. *Рохленко Б.* Выставки. Кому и зачем они нужны? [Электронный ресурс]. URL: shkolazhizni.ru. 2009 (дата обращения 31.05.2022).

¹⁰ URL: <https://en.opisanie-kartin.com/description-of-the-painting-by-nicholas-roerich-mount-five-treasures> (дата обращения 31.05.2022).

Когнитивный механизм сравнения
в англоязычном искусствоведческом тексте
об изобразительном искусстве соцреализма

Аннотация. В статье рассматривается функционирование когнитивного механизма сравнения в англоязычном искусствоведческом тексте, посвященном изобразительному искусству соцреализма. Анализируется языковая объективация трех смысловых полей: тождества, подобия и различия. Исследуется когнитивное основание сравнения советской живописи с западным искусством, в качестве которого могут выступать такие признаки, как «тематическая направленность», «социальность», «содержательность», «народность». Выявляется отчетливая тенденция в среде зарубежных экспертов рассматривать советское искусство не изолированно, а в контексте мировых подходов и традиций, определять сходства и различия, фокусируясь на значимых характеристиках, которые указывают на уникальность творчества советских мастеров и вместе с тем учитывают взаимное влияние различных творческих направлений в мировом искусстве.

Ключевые слова: англоязычный искусствоведческий текст, изобразительное искусство соцреализма, когнитивный механизм, сравнение, оценочная интерпретация

T.I. Petukhova
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg

Cognitive mechanism of comparison in the Anglophone art history text
on socialist realist painting

Abstract. The article considers the functioning of the cognitive mechanism of comparison in the Anglophone art history text related to the visual art of Socialist Realism. The author analyzes the linguistic representation of three aspects: resemblance, simile and difference. The cognitive basis for comparing Soviet painting with Western art, which may include such characteristics as "thematic orientation", "social links", "content" and "national idea", is explored. The article reveals a distinct tendency that foreign experts regard the Soviet art not in isolation, but in the context of global approaches and traditions, identify similarities and differences, focusing on the significant characteristics, which indicate the uniqueness of the Soviet masters and at the same time determine the mutual influence of different creative directions in world art.

Keywords: Anglophone art history text, Socialist Realism painting, cognitive mechanism, comparison, evaluative interpretation

В настоящее время изучение различных аспектов кросскультурного взаимодействия занимает значимое место в междисциплинарной парадигме исследований. Рассмотрение аксиологических параметров функционирования категорий оценки и сравнения в англоязычном искусствоведческом тексте об изобразительном искусстве соцреализма позволяет определить вектор интерпретации советской живописи зарубежными экспертами, выявить роль исторических, идеологических и социальных факторов в межкультурном взаимодействии, изучить когнитивные механизмы формирования оценочного смысла в искусствоведческом тексте.

В основе формирования оценочных смыслов в искусствоведческом дискурсе лежит профессиональное знание искусствоведа, которое имеет многоаспектную структуру. Важными компонентами этой структуры являются философское, историческое, социокультурное, собственно искусствоведческое знание [1]. Все эти типы знания взаимодействуют между собой в процессе оценочной интерпретации искусства, обеспечивая особую организацию, содержание и прагматическую направленность искусствоведческого дискурса. Несомненный интерес представляет оценка произведений искусства, созданных представителями одной культуры, экспертами, принадлежащими другой культуре, профессиональная картина мира которых формировалась в иных геополитических и социокультурных условиях.

Как известно, живопись соцреализма неоднозначно оценивается западными искусствоведами. Значимое влияние оказывает идеологическая направленность советского изобразительного искусства и

неприятие художественных методов соцреализма в контексте конфронтационных отношений между Советским Союзом и западным миром.

Вместе с тем анализ профессионального искусствоведческого дискурса, посвященного живописи соцреализма, показывает стремление многих зарубежных экспертов проанализировать жизненные ценности советского человека, получившие репрезентацию в произведениях соцреализма, выявить степень влияния русского искусства предшествующих периодов на формирование творческих принципов советских художников, сопоставить их картины с работами зарубежных мастеров, тем самым определив ценностную составляющую русского искусства советского периода и его место в мировом искусстве. Значимую роль в англоязычном искусствоведческом дискурсе играет такой когнитивный механизм, как сравнение.

Подробно анализируя место сравнения в лингвистических исследованиях, Л.М. Малых отмечает, что данная категория рассматривается в современном языкознании в трех основных аспектах: гносеологическом, понятийном (логическом) и языковом. В основе изучения сравнения как лингвопонятийного или лингво-когнитивного образования лежит понятие о сходстве и различии сравниваемых предметов, и «семантическое пространство данной категории в языке делится, как правило, между тремя пересекающимися и накладывающимися друг на друга смысловыми полями: тождеством, подобием и различием» [2, с. 106]. При этом тождество соотносится с логичным, закономерным, предсказуемым сравнением, когда сравниваются однородные предметы и явления. Уподобление же является проявлением нелогичности, субъективности, которая вносится языковой личностью субъекта сравнения [2].

В англоязычном искусствоведческом дискурсе об изобразительном искусстве соцреализма находят объективацию все эти три смысловых поля. Так, например, характеризуя преподавание в сфере изобразительного искусства в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда в начале 30-х годов XX века, когда зарождался соцреализм, британский эксперт Мэтью Баун сравнивает их с методами преподавания академической живописи в России в дореволюционный период:

(1) <...> *the technical training now resembled the academic methods of the pre-revolutionary art schools* [3, p. 93].

Американский искусствовед Элисон Хилтон сравнивает пейзажи Сергея Герасимова с работами Константина Коровина и Валентина Серова:

(2) *A graduate of the Moscow School, Gerasimov had painted a number of plein air landscapes strongly reminiscent of late Korovin and Serov «...»* [4, p. 205–206].

Примеры (1) и (2) репрезентируют логическое сравнение или сравнение-тождество, показателями которого выступают глагол *resemble* и прилагательное *reminiscent*.

(3) *If British art during the war often retained a reflective, even a lyrical quality typical of it in peace time, Soviet art was as direct as a bullet* [3, p. 144].

В отличие от примеров (1) и (2), когда сравнивались однородные явления, пример (3) репрезентирует образное языковое сравнение-уподобление, которое характеризуется проявлением некоторой нелогичности с точки зрения языковой актуализации сравниваемых единиц, обусловленной желанием эксперта при сопоставлении советской и британской живописи представить яркий образ, который, с его точки зрения, наиболее точно репрезентирует их отличие: прямолинейность и недвусмысленность советского военного искусства, отсутствие в нем излишней лиричности, которым характеризовалось британское искусство, сравнивается с пулей, атрибутом военного времени (*Soviet art was as direct as a bullet*).

(4) *Socialist realism did not emerge fully armed like some Minerva. Its theory was elaborated progressively throughout the 1930s. <...> Socialist realist art was never a static phenomenon: it reflected the development of Soviet society and party policy* [3, p. 90].

В примере (4) актуализируется образное языковое сравнение-различие: новое искусство советского общества эксперт сравнивает с древнеримской богиней мудрости и войны, покровительницей ремесленников и художников, и характеризует его не как полностью сформированное уже в самом начале направление с четкими художественными подходами и принципами, а как искусство, динамически трансформирующееся в течение последующих лет и отражающее развитие советского общества.

Анализ сравнения как когнитивного механизма основывается на выделении таких элементов его логического конструкта, как тема, модуль и эталон. Г.Л. Денисова соотносит указанные элементы с представлением, определяя тему сравнения как представление о сравниваемом, эталон – как представление о том, с чем сравнивают, а модуль – как представление о признаке, являющемся основанием сравнения [5].

Описывая советское изобразительное искусство 50-60-х годов XX века и характеризуя его как *Working-Class Impressionism* (импрессионизм рабочего класса), американский искусствовед Верн Свенсон сравнивает его с французским импрессионизмом, представление о котором, сформированное в профессиональной искусствоведческой среде, выступает в роли эталона сравнения:

(5) *Soviet Impressionism is not French Impressionism. It is Russian in several unique ways. Essentially, it is masculine whereas French Impressionism is quite feminine. French Impressionism was basically bourgeois, while Soviet Impressionism was proletarian. French Impressionism was primarily an aesthetic movement and did not carry the moral or social force of Soviet Socialist Realistic art, which was more of a method and a mind set than a definite style. The Russianization of Impressionism might be called "Working-Class Impressionism". It is built upon entirely different *raisonne d'etre* from Western Impressionistic models* [6, p. 1].

Пример (5) демонстрирует актуализацию сравнения – различия советского и французского импрессионизма, которое представлено на языковом уровне такими оппозиционными парами, как *masculine – feminine, bourgeois – proletarian, an aesthetic movement (did not carry the moral or social force) – a mind set*. Когнитивным основанием сравнения-различия выступают такие признаки советского искусства, как «антисентиментальность», «социальность», «содержательность», «народность». Работы советских художников, по мнению американского эксперта, значительно отличаются от картин западноевропейских импрессионистов по содержанию и смыслу, на чем он акцентирует внимание, используя французское понятие *raisonne d'etre* (*It is built upon entirely different *raisonne d'etre* from Western Impressionistic models*). Значимым отличием советского импрессионизма для В. Свенсона является его социальное наполнение, ориентация на изображение простого человека, трансляцию его жизненных ценностей, трудовых будней и праздников. Социальность советской живописи можно проследить в следующем примере:

(6) *In the West, the triumph of Abstract Expressionism and a myriad of other "isms", seemed to extoll a cult of originality and to promote alienation of the artist from common society. Soviet Realism drew strength from the society it glorified – not rejected* [5, p. 41].

Сравнивая соцреализм с абстрактным экспрессионизмом, получившим распространение на западе, Верн Свенсон выделяет различие между этими двумя направлениями в искусстве, отмечая социальную отчужденность западного художника, для которого превыше всего была творческая оригинальность. Советский художник, который ощущал себя, прежде всего, представителем народа, ориентировался на социум и его ценности (*Soviet Realism drew strength from the society it glorified*).

Вместе с тем в англоязычном искусствоведческом тексте при сопоставлении советского и американского искусства может актуализироваться сравнение-тождество, например в тех случаях, когда когнитивным основанием сравнения выступает такой признак, как «тематическая направленность изобразительного искусства»:

(7) *Uplifting the common man progressed to the level of a patriotic endeavor. Nearly one half of all art created during this period reflected workers and their labour. Perhaps the best comparison to Virgin Land Impressionism might be found in the art of the American West, particularly in Frederic Remington and the Taos masters, Victor Higgins, Oscar Berninghaus, Ernst Blumenschein and others. Both schools captured the sunlight, the aboriginals, the immigrants, and the pioneering efforts of breaking new grounds. The epic subject was typical in both schools and both Russian and American artists did it splendidly* [5, p. 53].

В примере (7) представлено сравнение советского искусства, репрезентирующего освоение целины во времена правления Н.С. Хрущева, и американского искусства конца XIX – первой половины XX века. Сравнение-тождество реализуется при помощи неоднократного использования словосочетаний с местоимением *both (both schools, both Russian and American artists)* и языковой объективации сходной тематической направленности изобразительного искусства двух стран (*sunlight, the aboriginals, the immigrants, and the pioneering efforts of breaking new grounds*).

Таким образом, сравнение как когнитивный механизм играет важную роль в англоязычном искусствоведческом тексте о соцреализме. Среди зарубежных экспертов наблюдается отчетливая тенденция рассматривать советское искусство не изолированно, а в контексте мировых подходов и традиций, выявлять сходства и различия, фокусируясь на значимых характеристиках, которые, с одной стороны, указывают на уникальность творчества советских мастеров, а с другой стороны, учитывают взаимное влияние различных творческих направлений и устанавливают межкультурные связи. Анализ языковой репрезентации признаков, выступающих когнитивным основанием сравнения, и изучение закономерностей моделирования компаративных высказываний играют значимую роль в исследовании оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом тексте.

Литература

1. *Петухова Т.И.* Специфика профессионального искусствоведческого знания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 39. С. 74–83.
2. *Малых Л.М.* Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2011. Вып. 2. С. 105–110.
3. *Bown M.* Art under Stalin. New York, 1991.
4. *Hilton A.* Holiday on the Kolkhoz // Eds. Rosalind P. Blakesley, Susan E. Reid. Russian Art and the West. A Century of Dialogue in Painting, Architecture, and the Decorative Arts. DeKalb, Illinois, 2007. P. 205–206.
5. *Денисова Г.Л.* Когнитивные основания анализа сравнения (на материале немецкого языка) // Мир лингвистики и коммуникации. 2010. № 21. С. 41–52.
6. *Swanson V.* Hidden Treasures: Russian and Soviet Impressionism 1930–1970s. FFCA Publishing Company, 1994.

Нарратология как вызов когнитивным исследованиям:
интерпретация картины П. Блюма «Скала»

Аннотация. Интерпретация картины Питера Блюма «Скала» зависит главным образом от того, в каком направлении скользит взгляд реципиента, – этот факт подтвержден экспериментально. Если интерпретирующая наррация определяется расположением значимых деталей картины по часовой стрелке, то картина прочитывается оптимистично, а при движении взгляда против часовой стрелки утверждается тщетность человеческих попыток преодолеть неизбежность катастроф. Элементы, репрезентирующие социокультурную угрозу, полностью совпадают в обоих вариантах прочтения, но только чтение справа налево обеспечивает интерпретацию, соответствующую авторской интенции: «бесконечный процесс восстановления разрушающегося мира». Использование кросс-культурного подхода позволило выдвинуть новую гипотезу, объясняющую отличие ментальных репрезентаций автора «Скалы» и ее заказчиков от репрезентаций участников эксперимента.

Ключевые слова: зрительное восприятие, полимодальный нарратив, кросс-культурный подход

V.G. Timofeev
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg

Narratology as a challenge to cognitive studies:
a case of Peter Blum's "The Rock"

Abstract. The main hypothesis of the paper tested experimentally, is that the interpretation of The Rock by Peter Blum depends on the direction of the eye movement of the viewer. It might be either optimistic or tragic, depending on which of the two Golden ratio spirals the viewer would follow: a clockwise or a counterclockwise one. Those who followed the clockwise spiral starting at its center and finishing at the building under construction agreed that The Rock is evidently optimistic. While those who followed the counterclockwise spiral would in most cases come to the idea of tragic futility as the central one. The discrepancy of the mental representations used by the members of the experiment and that of Peter Blum and The Kaufmanns, who commissioned the painting might be accounted for using the Cross-cultural approach.

Keywords: visual perception, polymodal narratives, cross-cultural approach

Восприятие картины Питера Блюма «Скала» (Peter Blum, "The Rock", 1948 <https://thesketchline.com/pictures/the-rock/>) представляет собой любопытный казус, требующий поиска нестандартных исследовательских подходов. Эксперимент, проведенный в 2018 году (см. [1]), позволил проверить гипотезу о том, что интерпретация этой картины зависит главным образом от того, в каком направлении скользит взгляд реципиента – по часовой стрелке или против. При этом сам эксперимент не позволил найти объяснений данному явлению.

Первый вариант эксперимента, в котором принимали участие две группы студентов первого и второго курса СПбГУ (25 человек), был разделен на три этапа: участники, работая индивидуально, выделяли значимые детали картины и описывали их на отдельных карточках, получая таким образом серию полимодальных текстов, состоявших из вырезанной детали и ее описания. Затем участников эксперимента разделили на две группы, каждой из которых был предъявлен визуальный стимул «Улитку золотого сечения» в одном из двух вариантов (одной группе показывают Улитку по часовой стрелке, другой – Улитку против часовой стрелки). На третьем этапе участники эксперимента, снова работая индивидуально, складывали карточки в последовательности, которая обеспечила бы нарратив, описывающий изображенные на картине события. Выбранная последовательность карточек позволяла сделать тот или иной вывод при интерпретации картины. Обработка результатов показала, что в группе «по часовой стрелке» уровень согласия был значительно ниже, чем в группе «против часовой стрелки» (из 12 участников совпадение выводов продемонстрировали только 7 человек). Иными словами, число участников, прочитавших картину пессимистично, было выше, чем число оптимистов, за счет

пессимистов, встречавшихся в обеих группах (из 25 участников 18 восприняли картину как пессимистичную).

Во втором варианте эксперимента была изменена процедура. Первый этап был пропущен. Участников (28 18–20-летних студентов), незнакомых с картиной Блюма, разделили на две группы и предъявили визуальный стимул, при этом каждая группа видела только один вариант стимула: либо по часовой стрелке, либо против. Этап письменной фиксации интерпретации картины проводился так же, как и в первом варианте. Результаты отличались кардинально. Оптимисты и пессимисты разделились пополам, совпав по группам, которым предъявлялись стимулы «по часовой стрелке» и «против часовой стрелки». Изменения в процедуре эксперимента позволили повысить роль визуального стимула, определившего траекторию интерпретирующего взгляда и, соответственно, складывания текста, описывающего восприятие картины. Таким образом, гипотеза о том, что восприятие картины «Скала» – при отсутствии фоновых знаний об истории создания картины – зависит главным образом от траектории интерпретирующего взгляда, нашла свое подтверждение. При этом однозначным оказался и вывод о том, что для участников эксперимента движение интерпретирующего взгляда против часовой стрелки представлялось более привычным: это было подтверждено результатами эксперимента, проведенного по первому варианту процедур, когда выбору последовательности значащих деталей картины не предшествовало «программирование» визуальным стимулом.

«Скала» была заказана Питеру Блюму для увековечивания строительства родового гнезда Кауфманнов – Дома над водопадом, возведение которого по проекту Фрэнка Ллойда Райта запечатлено на картине. Питер Блум объяснял свое произведение как «бесконечный процесс восстановления разрушающегося мира», что, как мы понимаем, было очевидно заказчикам, не допускавшим пессимистичной интерпретации картины, то есть такой, к которой приходит большинство зрителей, не посвященных в историю создания произведения.

При обсуждении результатов эксперимента, когда участников знакомили с историей создания картины, спонтанно возникло решение, которое позволило прийти к консенсусу. Картину, проецируемую на экран, «перевернули» так, что в левом верхнем углу оказалась деталь с разрушенным пожаром жилым домом, а строящийся «Дом над водопадом» теперь был в правом верхнем углу. Такой вариант «Скалы» был принят всеми участниками эксперимента как отвечающий идее о «бесконечном процессе восстановления разрушающегося мира», при этом вопрос о причинах радикального несовпадения ментальных репрезентаций, использованных автором и зрителями-участниками эксперимента, остался открытым.

Казус картины Блюма представляет собою вызов и требует особого подхода. Название нашей статьи отсылает к известной работе Ханса Яусса «История литературы как провокация литературоведения» [2], в которой автор предлагал восполнить пробел между дисциплинами, сблизив их. Близкую задачу решает и настоящая статья, восполняя пробел между нарратологией и когнитивными исследованиями. Проблема интерпретации «Скалы», очевидно, демонстрирует, что именно зритель является фокализатором, и элементы, определяющие индивидуальную рецепцию, оказываются решающими. Конструкция «читатель как фокализатор» не столь очевидна как для классической, так и для неклассической нарратологии, при этом она продуктивно применяется теорией генеративной нарратологии (Generative Narratology Framework – ГН) [3]. ГН позволяет, основываясь на описании рецептивных процессов, предлагать гипотетическую реконструкцию процесса порождения художественного текста. В основу ГН положены результаты теоретических исследований, проводимых автором последние двадцать пять лет и лежащих в русле Когнитивной нарратологии и Теории концептуального смешения (Conceptual Blending Theory). Для того, чтобы допустить хотя бы гипотетическую возможность отождествления рецептивных и порождающих моделей, необходимо опираться не только на общие положения теорий зеркальных нейронов, Theory of Mind, etc., но и на результаты экспериментов, выходящих за пределы анализа самонаблюдений исследователя.

Работа с визуальными нарративами позволяет наблюдать связь типов текста с типами реципиентов. Анализ нарратива предусматривает возможность включать в исследование агентов наррации (участников коммуникативного акта), что в целом лежит в русле ряда исследований [4, 5]. Эксперимент, во-первых, подтвердил гипотезу о том, что интерпретация картины «Скала» зависит от направления движения взгляда, рассматривающего произведение. Во-вторых, он позволил предположить, что главная причина коммуникативной неудачи автора картины кроется в несовпадении культурных кодов. Питер Блум, как и, по всей видимости, семейство Кауфманнов, были хорошо и с детства знакомы со спецификой еврейской книжной традиции, в том числе с еврейским лубком. В большинстве своих произведений Блум применял изображение движения, или «рассказ» о событиях, как разворачивающийся справа налево, то есть в полном соответствии с культурным символизмом еврейской традиции. Так, например, История с Лотом (из собрания РЭМ) прочитывается, как и

положено в соответствии с традицией, справа налево. На лубке изображено два события: справа Лот с женой и дочерьми покидает обреченный Содом, в сопровождении (по наущению) ангела; жена, как мы видим, обернулась, нарушив приказ нигде не останавливаться и не оборачиваться. На второй половине лубка – спасенные Лот и две дочери, а жена, что ослушалась и обернулась, отсутствует, превратившись в соляной столб (столб, впрочем, тоже не изображен). Тот же принцип описания визуального нарратива встречается и в иконописи, отличается лишь направление движения интерпретирующего взгляда: «Содержание иконы раскрывается в четырех обособленных частях, прочтение которых следует начинать с **верхней левой части** (выделение и подчеркивание наши. – *В.Т.*) под названием “И почи бог в день седьмой”» [6].

Интегративный подход в сочетании с кросс-культурным продемонстрировал таким образом свою эффективность, показал возможности учитывать специфику культурного символизма при реконструкции процессов порождения наррации.

Литература

1. *Timofeev V.* Clockwise or counterclockwise: which way to take better interpret a picture // Четвертый Санкт-Петербургский зимний симпозиум по экспериментальным исследованиям языка и речи / The Fourth Saint Petersburg winter workshop on experimental studies of speech and language / Ред. Н.А. Слюсарь, Т. Е. Петрова, Т.В. Черниговская. СПб., 2018. С. 103.

2. *Яусс Х-Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

3. *Timofeev V.* Nabokov’s “Ultima Thule”: An Exercise in Generative Narratology // Eds. by Per Krogh Hansen, John Pier, Philippe Roussin and Wolf Schmid. *Emerging Vectors of Narratology*. Berlin; Boston, 2017. P. 77–100.

4. *Заботкина В. И.* Интегративный подход к репрезентации событий в контексте когнитивной науки // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 154–160.

5. *Заботкина В. И.* Антропоцентризм в репрезентации событий: ментальные модели и дискурс // Когнитивные исследования языка. Вып. 27: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: Сб. науч. трудов. М.; Тамбов, 2016. С. 45–50.

6. *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 40–53.

Раздел III. Когнитивные характеристики вербальных репрезентаций норм и традиций в различных социумах

О.Б. Абакумова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел

Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи

Аннотация. Статья посвящена феномену лингвокультурных кодов, в частности растительному (вегетативному) коду и его репрезентации в русских и английских пословицах о правде и лжи. Анализ паремических дискурсов русского и английского языков показал как универсальное, так и специфическое в их интерпретации пословичного концепта Правда/Truth. Национальная специфика связана с разными прототипами в двух сопоставляемых лингвокультурах: в английской лингвокультуре это роза, в русской – скорее злаковые культуры.

Ключевые слова: культурный код, метафора, символ, стереотип, национальное и специфическое

O.B. Abakumova

Turgenev Orel State University
Orel

Vegetative cultural code in Russian and English proverbs about truth and lie

Abstract. The paper deals with phenomenon of linguo-cultural codes, with the plant/vegetative linguo-cultural code of culture in particular, and its representations in Russian and English proverbs about Truth and Lie. The analysis of paremic discourses of Russian and English languages showed both universal and specific features in their interpretation of proverbial concept of Truth. The national specificity reveals itself in different prototypes in the two linguistic cultures: it is the rose in the English paremias and the grass or cereals in Russian.

Keywords: code of culture, metaphor, symbol, stereotype, universal and specific

Код культуры может трактоваться по-разному в зависимости от того, на чем в большей степени фокусируется внимание. Если исследователь делает акцент на культуре, то культура рассматривается как символическая Вселенная [1] или как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир и с помощью которой человек членит, категоризует, оценивает и т. д. мир, в котором он живет, а также осмысляет себя самого в этом мире [2]. Если принимать во внимание языковую составляющую, то код культуры предстает как совокупность наименований предметов и их сочетаний, которые обладают помимо денотативного значения культуросносными смыслами. В.Н. Телия определяет культурный код как систему знаков материального и культурного мира, ставших носителями культурных смыслов; как способ сохранения и передачи культурной информации, иначе говоря, как тип культурной памяти: «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [1, с. 13]. В.В. Красных предлагает определить код культуры с психолингвокультурологических позиций как формирующую определенную фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и к одной сфере бытия. Она считает, что среди кодов культуры (их описано уже около 40), необходимо указать базовые, т. е. более узкий круг, формируемый кодами более древними, более крупными и более значимыми [2]. В этот список она в первую очередь включает антропный код культуры, который делит на собственно антропный и соматический, а на втором месте помещает биоморфный код, который включает зооморфный (собственно зооморфный и инсективный) и вегетативный (растительный), который, в свою очередь, делится на дендрарийный, связанный с деревьями, и флористический, связанный с цветами и травами. Репрезентантами кода культуры в языке являются метафоры, символы, эталоны и стереотипы.

По мнению В.Г. Гака, изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего. Исследователи

метафоры выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры (см. [3, с. 17]). Дж. Лакофф и М. Джонсон [4] выявляют и описывают ряд метафор: ориентационные метафоры (с оппозициями «верх – низ», «центр – периферия», «далеко – близко» и т. п.), онтологические, метафоры типа «контейнер» и др. В.Н. Телия предложила рассмотреть процессы изъятия эталонов из сравнительных конструкций типа *глуп как баран* и их вовлечение через процессы вторичной номинации в лексико-семантическую систему языка [5, с. 242]. Как показало исследование Е.Р. Иоанесян [6, с. 222–232], высказывания с кванторами *любой, всякий, какой угодно* часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке. При использовании терминов «эталон» и «стереотип» мы опирались на работу [7].

Мы исходим из понимания пословицы как самого сложного языкового знака: фразеологизма со структурой предложения, наделенного модусом всеобщности и дедуктивной функцией, обладающего текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практического оценочного суждения, функционирующего в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [8]. Рекомендательная и объяснительная сила пословиц основана на общем «фоновом знании», которое объединяет всех носителей языка и культуры, поэтому значение и смысла паремий культурно детерминированы [9]. Пословицы всегда содержат модус всеобщности, который часто выражается наличием кванторных единиц.

В статье рассматривается пословичная репрезентация вегетативного кода культуры посредством концептуальной метафоры, эталонов, стереотипов и тематической роли «квалитатив» (тематическая роль второго актанта или сирконстанта, которая вместе с семантикой пословичного предиката дает характеристику объекту/субъекту или ситуации в целом) [8], что позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты в структуре пословичного концепта Правда/Truth в русских и английских пословицах о правде и лжи.

Универсальное проявляется в ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры: *Правда – это культурное растение, выращенное человеком*.

Универсальной является пословица, которая сформировалась в обеих культурах на базе библейской фразы ***Что посеешь, то и пожнешь (What you sow, you shall reap)***. Источником этой пословицы является послание апостола Павла к Галатам – жителям Галатской области в Антиохии. Галаты исповедовали грубый, оргастический культ Цибелы (Кибелы). Послание было написано с целью обратить Галатов в христианство. В более широком контексте проповеди смысл библейского афоризма направлен на возвышение духа над плотью: *«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. **Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную**»* [10, с. 7–8]. Но по данным Британского национального корпуса данная пословица практически не используется в современном английском. Ее место заняла пословица с другой метафорической мотивацией: *As you make your bed so you shall lie on it* (с артефактивной метафорой, репрезентирующей домоустроительный код культуры (термин В.В. Красных [2])).

В русской лингвокультуре эта пословица очень широко распространена. Авторы Большого словаря русских пословиц [11] приводят около 20 вариантов этой пословицы. В.П. Жуков в своем Словаре русских пословиц и поговорок [12] указывает на существование двух значений пословицы ***Что посеешь, то и пожнешь***: 1-е значение представляет пословицу-максиму и иллюстрируется примерами из произведений авторов советского периода, произведения которых посвящены проблемам становления колхозов и развития сельского хозяйства: *Время шло, упустили зиму, приступили наконец уже к севу. А вы лучше меня знаете: что посеешь, то и пожнешь. Если колхоз провалит сев, весь хозяйственный год загублен* (Овечкин. Трудная весна). 2-е значение имеет следующую дефиницию: «За свои (обычно неблагоприятные) поступки приходится расплачиваться. Говорится тогда, когда неудачи, несчастья и т. п. являются результатом чьего-либо поведения» [12]. Это значение иллюстрируется, в числе прочих, коммуникативным эпизодом из произведения А.П. Чехова «Моя жизнь»: жестокий отец отказывается понимать сына и сочувствовать бедственному положению дочери. Он считает это справедливым наказанием за его непослушание и желание жить своей жизнью, зарабатывать простым физическим трудом, будучи дворянином по происхождению. Отец в данном случае использует индивидуально-инструментальную коммуникативную стратегию. Он говорит: ***Что посеешь, то и пожнешь***. <...> *Ты же и виноват... Передай... своей безнравственной сестре, что вы от меня ничего не получите. Можешь уходить откуда пришел* (А.П. Чехов. Моя жизнь). Функция пословицы в данном случае – косвенный директив: упрек, обвинение и отказ от сотрудничества. Семантический предикат передает идею ответственности за неблагоприятные поступки. Антропный код комбинируется с растительным (вегетативным), духовным и акциональным.

В других английских и русских пословицах о правде, репрезентирующих растительный код культуры, в роли прототипов выступают разные растения и ситуации.

В английской культуре типичным растением для репрезентации культурного представления о правде средствами вегетативного кода является *роза*: *Truth and roses have thorns about them* (квалитатив красоты и опасности). Как пишет В.В. Похлебкин в своем Словаре международной символики и эмблематики [13, с. 338–343], еще до возникновения христианства роза стала эмблемой весны, красоты, любви, в эпоху эллинизма и заката Римской империи она символизирует роскошь и изнеженность. Зарождающееся Христианство находит символическим наличие у роз шипов и использует этот факт как «божественное» доказательство небесной кары за грехи, неизбежной связи между сладкой и горькой жизнью. Позже отцы католической церкви объявили розу символом чистоты и райской святости и посвятили ее Деве Марии (Богородице), а ее алый цвет был признан символом крови Христа (XII–XIII вв.). Роза стала изображаться на религиозных картинах как эмблема святости, а простой люд верил в то, что розой можно отпугнуть демона или самого дьявола. Растительный код комбинируется здесь с духовно-религиозным. В Россию до конца XVIII в. роза не проникала ни как растение (из-за природных условий), ни как символ, сложившийся в католической традиции (его не допускала Русская православная церковь). Лишь после Наполеоновских войн под влиянием западной романтической литературы мотив розы начинает появляться в дворянской поэзии, а также и в гербах дворян и владетельных особ. После окончания войны Алой и Белой розы (Ланкастеров и Йорков) и создания династии Тюдоров правящая династия приняла в качестве эмблемы красно-белую розу, которую в Англии обычно называют розой Тюдоров. Превращение розы в английскую эмблему произошло после Крестовых походов и участия в них английского короля Ричарда Львиное сердце, а папы римские дважды дарили золотую розу английским королям. В настоящее время роза (с красными лепестками и белыми тычинками) является полуофициальной эмблемой Англии; для Шотландии такой эмблемой является репейник, для Уэльса – нарцисс [13].

Англоязычный паремический дискурс дает возможность выявить следующие эталоны и стереотипы для английской культуры. Эталон правды – открытое множество: *God's daughter, time's daughter, never grows old, is mighty and will prevail, breeds hatred, finds foes, shows best being naked, in many words goes by, has a scratched face, has thorns*. Стереотипы: 1) Правда обладает высокой ценностью; 2) Правда сильна и побеждает; 3) Правда прямолинейна, но неразговорчива; 4) источниками правды могут быть: общение с глазу на глаз (*Face to face the truth comes out* – квалитатив искренности, доверия), речь детей и глупцов, умирающих, шутливая речь (*Many a true word is spoken in jest* – квалитатив шутки), провокации ложью (*Tell the lie and find the truth* – провокативный квалитатив); 5) правда часто опасна и нежелательна, поэтому о ней лучше молчать, а говорить ее нужно только священнику, врачу и юристу (*All truths are not to be told* – квалитатив сокровенности, *Tell the truth and run, Truth breeds hatred, Truth has a scratched face, He who speaks the truth must have one foot in the stirrup* – квалитатив опасности, нежелательности); 6) доверие/доверчивость приводит к обману (*Trust is the mother of deceit* – квалитатив осторожности, недоверия, *There is falsehood in fellowship* – квалитатив неискренности, ложной дружбы, *Believe no tales from enemy's tongue* – квалитатив вражеской клеветы, *Where there is whispering there is lying* – квалитатив неискренности, лицемерия, *Half the truth is often the whole lie* – квалитатив недоговоренности, скрытности, *Travellers lie by authority, Long ways, long lies* – квалитатив недоверия путешественникам, иностранцам [14]). Пословицы кодируют нормы английского социального поведения, чаще утилитарного: не следует доверять людям и быть откровенным, нужно быть сдержанным и осторожным, готовым к защите своих интересов.

Русский пословичный дискурс выявляет крестьянский взгляд на мир, отражающий идею ответственности человека перед крестьянской общиной за свои действия, за выращенный урожай, который обеспечит крестьянскую семью пропитанием (*Посеешь ложь – не вырастет рожь* – квалитатив жизнеобеспечения, ответственности), а также нормы русского социального поведения, чаще этические: следует трудиться и выполнять свою работу хорошо; нельзя причинять вред своим и бросать друзей в беде, нужно думать об интересах других людей и отвечать за свои поступки. Эталон – открытое множество знаков: *Правда – елей/масло: всегда наверху, свет разума, в воде не тонет и в огне не горит, живет у Бога, глаза колет, светлее солнца, чище ясна месяца, всегда наружу выйдет, дороже золота и хлеба, прямо идет, сама себя хвалит и ругает, стара, но не умирает, всегда перевесит, огнем палит; на правду как на солнце во все глаза не взглянешь*. Стереотипы: 1) Людям свойственно лгать и обманывать (*Всяк человек – ложь, и мы тож* – квалитатив адаптивного поведения, *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь, Будто то и ложь, что продают дорого рожь* – квалитатив (без)нравственности); 2) человек не всегда выполняет свою работу добросовестно (*На лжи правды не вырастившь* – квалитатив ответственности, нравственного поведения, *Правду не ситом сеять* – квалитатив откровенности, ответственности, искренности); 3) людям свойственно клеветать и распускать сплетни (*Людская молва*

хуже дурной травы – квалитатив быстрого распространения слухов); 4) жизнь часто несправедлива (*Была правда да в лес ушла, Была правда у Петра и Павла, Нет правды на свете* – квалитатив отсутствия справедливости); 5) людям неприятно слушать горькую правду о себе (*Правда глаза колет / рогатиной торчит / уши дерет* – квалитатив нежелательности); 6) правда все равно когда-то проявится и победит (*Правда да вера светлей солнца* – квалитатив справедливости, надежды на лучшее, *Быль что трава, а небыль что вода* – квалитатив надежности, основательности, жизненной силы, *Все минется – одна правда останется* – квалитатив единственности, вечности, *Правда из воды, из огня спасает / со дна моря выносит / 12 цепей разорвет* – квалитатив силы, могущества); 7) источниками правды могут быть: доступность через ссору и наказание (*Мошенники повздорили – и правда наружу* – квалитатив сокровенности), принадлежность Высшим силам (*За правду Бог и добрые люди, Правда Божья, а воля царская* – квалитатив принадлежности Высшим силам); 8) следует быть честным, говорить правду и поступать по совести, справедливо (*Хлеб-соль ешь, а правду режь* – квалитатив открытости, честности, *Правду молвишь, правду и чини* – квалитатив нравственного поведения, *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай, Любишь кататься, люби и саночки возить, Не бей Фому за Еремину вину* – квалитатив справедливости, честности).

Сопоставительный анализ русских и английских паремий о правде и лжи еще раз показал, что пословицы входят во фразеологическую систему языка, где выполняют свою особую функцию члена парадигмы, а в двух неблизкородственных культурах опираются на разные источники. Две метафорические интерпретации дополняют друг друга в создании пословичного концепта. Специфическое связано с изменением фокуса метафорического концепта, вызванного позицией наблюдателя как представителя данной лингвокультуры. Анализ показал, что субъектом оценки в русских и английских пословицах являются представители разных социальных слоев: в английской культуре это скорее образованный человек, наделенный властью, индивидуалист, в русской – крестьянин, принадлежащий общине как член коллектива. В ядро русского пословичного концепта входит идея социальной справедливости, которая отсутствует в английском пословичном концепте.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
2. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М., 2016.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11–26.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we Live by. Chicago, 1980.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
6. Иоанесян Е.Р. Стереотипы и эталоны в высказываниях с кванторами // Когнитивные исследования языка. Вып. 2 (45). Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященных памятного юбилею В.Н. Телия. Тамбов, 2021. С. 222–232.
7. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М., 2018.
8. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб, 2012.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
10. Глубоковский Н.Н. Послание Галатам // Православная Богословская Энциклопедия. Приложение к духовному журналу «Странник». СПб, 1903. Т.4. Стб. 30.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
13. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2006.
14. The Penguin Dictionary of Proverbs / Eds. Fergusson R., Law J. London; New York, 2000.

Антропонимическое прозвище:
традиции именования и соответствие норме

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена антропонимического прозвища как носителя культурно-языковой информации, отражающего специфику языковой номинации и лингвокультурных традиций социума. Антропонимическое прозвище рассматривается как результат лингвокреативных процессов, обусловленных процессом актуализации оценочных и языкотворческих ресурсов представителями англоязычного социума. Проанализированы территориальные прозвищные наименования, а также материал политического дискурса.

Ключевые слова: антропонимическое прозвище, языковой знак, когнитивная, лингвокреативность, фоновые знания

O.D. Vishnyakova
Lomonosov Moscow State University
Russian State University for the Humanities
Moscow

Anthroponymic sobriquets:
nomination traditions and norm adequacy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of an anthroponymic nickname as a carrier of cultural and linguistic information, reflecting the specifics of the language nomination and linguistic and cultural traditions of the society. Anthroponymic nickname is considered as a result of linguo-creative processes due to the realization of the cognitive potential of English speakers to update its evaluative and language-creative resources.

Keywords: anthroponymic nickname, linguistic sign, cognition, linguistic creativity, background knowledge

Антропонимические прозвища с полным правом могут рассматриваться как культуроспецифические явления, отражающие как культурные, так и языкотворческие традиции социума и специфику лежащих в основе создания языковых форм идиоматики языка и особенностей языкового сознания. Формирование антропонимического прозвища, его семантики и оценочного потенциала лежит в русле лингвокреативного использования содержательных и структурных возможностей языкового знака, его иконичности, звуковых и зрительных ассоциативных характеристик, способности к символизации. Лингвокреативные процессы и сопряженные с ними свойства человеческой когнитивности находят свою репрезентацию в таких областях, как традиции в области создания прозвищных наименований и алгоритмы их актуализации, соответствующие известным типологическим классификациям прозвищ. При этом специфика индивидуального восприятия и конструирования образа, выступающая как субъективный момент, подлежит дальнейшему признанию социума на уровне согласования концептуальных систем его представителей. Важно отметить, что антропонимическое прозвище, будучи результатом ментальной и языковой деятельности человека, отражает суть многих явлений, характеризующих развитие социума в целом. Согласно мнению Е.С. Кубряковой, наиболее оптимальный доступ к когнитивным процессам и механизмам обеспечивает уровень конкретного использования языковых возможностей: «Объективация действий с языковыми репрезентациями, которую мы наблюдаем в речевой деятельности, действительно, может служить ключом к пониманию целого ряда когнитивных операций» [1, с. 41].

Процесс актуализации антропонимического прозвища тесно связан с манифестацией культурного знания, отражением традиций, обычаев и ценностей социума, восходящих к традициям и ценностям прошлого [2]. Все эти составляющие относятся к области реализации культурного опыта знака [3], в том числе соблюдения (либо нарушения) принятых в обществе этических норм, играющих особую роль в создании и дальнейшем распространении прозвища. Данные положения могут быть проиллюстрированы на материале этнических и территориальных прозвищ, а также прозвищ, относящихся к сфере политики.

Прозвища этнического и территориального характера используются как средство выражения субъективного взгляда носителей языка на окружающую действительность, как проявление субъективной оценочности в отношении конкретных лиц или групп лиц – членов данного социума. Особая роль принадлежит субъекту наименования: он конструирует образ в соответствии с определенным алгоритмом и существующими в данном лингвокультурном социуме традиций выражения позитивной или негативной оценки, соответствующей конкретным временным и пространственным характеристикам и в той или иной степени зависящей от индивидуальных свойств субъекта. Отметим, что целый ряд прозвищ территориального характера, может содержать относительно слабо выраженную оценку и отражать характерные черты представителей данной популяции – их происхождение, место проживания, природные условия, особенности быта, род занятий, черты характера. Оценочность в данном случае выступает как динамическая категория, аксиологический потенциал которой может подвергаться обусловленному дискурсивными факторами процессу реанимации, либо полностью редуцироваться с течением времени, в зависимости от конкретной конституции. Например, территориальные прозвища в австралийском социуме могут быть рассмотрены как нейтральные в плане оценки образования, в первую очередь отражающие территориальную и бытовую специфику лингвокультурной общности. Вместе с тем каждый языковой знак, актуализованный в целях создания того или другого территориального прозвища, представлен как структурно-содержательный элемент, обладающий своим культурно-историческим опытом, в том числе и в плане восприятия реципиентом, что обусловлено ценностными предпочтениями коммуникантов и их фоновыми знаниями, например: *Coat hanger* – житель Сиднея (“And Sydney people are coat hangers. Of course, yes, because of Harbour Bridge”¹; “The Sydney Harbour Bridge, also affectionately known as the ‘Coathanger’, was opened on March 19th 1932 by Premier Jack Lang, after eight years of construction. Under the direction of Dr John Bradfield of the NSW Department of Public Works, the bridge was designed and built by British firm Dorman Long and Co Ltd of Middlesbrough. The bridge’s design was influenced by the Hell Gate Bridge in New York City”²); *Roundabout-About* – житель столичного региона, *Cane Toad*, *Banana Bender* – житель Квинсленда, *Cockroach* – житель Нового Южного Уэльса, *Gum Sucker*, *Cabbage patcher* – житель штата Виктория, *Crow Eater* – житель Южной Австралии, *Sandgroper* – житель Западной Австралии; *Taswegian* – житель Тасмании³. В ряде случаев семантическая структура данных образований является достаточно прозрачной: так, территориальное прозвище *Taswegian* возникло по аналогии с номинациями *Norwegian* и *Glaswegian* как фиксация факта об удаленности Тасмании от других территорий, в то же время в ряде контекстов – как отражение определенного культурного уровня, обычаев, черт характера и образа жизни населения острова (“That was when I learned that every **Taswegian** worth his salt carries an axe in his boot and, more often than not, two in case of axe-less friends”⁴), в том числе с заниженной оценкой, зафиксированной в Collins English Dictionary: “In British English... *Australian derogatory* native or inhabitant of Tasmania”⁵. Другим примером может послужить номинация *Sandgroper*, относящаяся к жителям или уроженцам Западной Австралии, территория которой включает Большую песчаную пустыню на северо-западе, Западноавстралийское плоскогорье и целую полосу пустынь по восточной границе и известна своей скудной растительностью, а также распространением песчаника (*sandgroper*) – насекомого, живущего в дюнах, в основном в окрестностях Перта, название которого послужило основанием для создания прозвища, относящегося к населению данной территории. Интересен и тот факт, что в последнее время значение единицы *Sandgroper* подверглось семантическому расширению за счет приращения смысла под влиянием экстралингвистических факторов – развитию туристического бизнеса и использования прибрежной территории для пляжного отдыха (*Sandgroper* – «пляжник, пляжный бродяга»⁶). В соответствии с австралийской лингвокультурной традицией, название *Sandgroper* получила и известная футбольная команда из Западной Австралии (ср. *Wallabies*, *Kangaroos*, *The Dolphins*).

¹ Interstate Rivalry in Australia: A Few Nicknames by BOBINOZ on MAY 8, 2013 in Australia's Places [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bobinoz.com/blog/12191/interstate-rivalry-in-australia-a-few-nicknames/> (дата обращения 03.01.2022).

² Interesting facts about the Sydney harbor Bridge [Электронный ресурс]. URL: stfunfacts.com/interesting-facts-about-the-sydney-harbour-bridge/(дата обращения 03.01.2022).

³ Interstate Rivalry in Australia: A Few Nicknames by BOBINOZ on MAY 8, 2013 in Australia's Places.

⁴ Taswegian – What does it mean? [Электронный ресурс]. URL: <https://wikidiff.com/taswegian> (дата обращения 12.03.2022).

⁵ Definition of ‘Taswegian’ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/taswegian> (дата обращения 12.03.2022).

⁶ Sandgrope [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru/translate?lang=en-ru&url=https%3A%2F%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FSandgroper&view=c74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Sandgroper> (дата обращения 12.03.2022).

Оценочность, присущая антропонимическому прозвищу, непосредственно коррелирует с традиционными лингвокреативными предпочтениями данного социума, в том числе с традиционностью самого процесса прозвищной номинации, типичного и распространенного в англоязычных сообществах. Британское лингвокультурное сообщество может быть представлено такими примерами, как появившаяся в результате словесного каламбура, типичного для британского языкового сознания, иронически окрашенная единица *Mackem*, определяемая как “A person from Sunderland. Also spelled “Makem”, “Massam”, and “Mak'em”. Rarely used, except by themselves and their neighbouring Geordies”⁷. Появление данного территориального прозвища обусловлено соответствующей историко-культурной ситуацией: “This is due to the rivalry of the cities when employment was scarce in the 1920s. The people from Sunderland made the jobs “Mak'em” and the people from Newcastle took them, “Tak'em”. The saying goes, “We Mak'em and they Tak'em”. Most English people can't distinguish the two”⁸. Еще одним примером подобного феномена может являться территориальное прозвище “*Monkey Hanger*” – “A person from Hartlepool”. История его возникновения также связана с конкретными событиями, произошедшими в данной местности в XIX в. Они объясняют возможность различной интерпретации ее семантических и оценочных характеристик в зависимости от знания сопутствующих реалий ограниченного, локального характера: “May be considered offensive, but also used with pride by the inhabitants themselves. Coined in the 1830s from the Napoleonic Wars 20 years previously. The people of Hartlepool captured a French ship off the North East coast of England, and finding the only survivor on the ship was a monkey, hanged it thinking it was a spy. Hartlepool United F.C., have a mascot called H'Angus the Monkey”⁹.

Политический дискурс, безусловно, предоставляет возможность изучения большого объема языкового материала с точки зрения реализации антропонимических прозвищ. Образующие в соответствии с целым рядом типологических моделей прозвища политических деятелей отражают специфические культурно-языковые традиции социума и могут рассматриваться в качестве маркеров специфики национально-культурного менталитета. Так, например, в американском политическом дискурсе получили распространение такие сокращения, прочно вошедшие в язык в качестве цельнооформленных единиц, как *TR* – *Theodore Roosevelt*, *FDR* – *Franklin D. Roosevelt*, *JFK* – *John F. Kennedy*, *LBJ* – *Lyndon B. Johnson*. По иронической аналогии одним из прозвищ президента Буша младшего (George W. Bush) стала единица *Dubya* (произнесение на техасский манер названия буквы “W”) [4].

Традиции социума по присвоению прозвищных наименований наиболее отчетливо проявляются при анализе тех единиц, которые обладают оценочным (в большинстве случаев негативным) характером. Например: *Gipper*, *The Gypper* – Ronald Reagan (врун, обманщик, источник боли и неприятностей), *Dr. No* – Ron Paul (ярый противник абортов), *Governor Moonbeam* – Jerry Brown (автор утопической идеи об использовании межпланетного пространства в административных целях)¹⁰. Важным аспектом функционирования подобных образований являются лежащие в их основе концепты, репрезентируемые посредством языковых форм и обладающие динамическим характером, который проявляется в расширении ассоциативных сфер и приращении смыслов [5] под воздействием изменений социокультурного и языкового контекста.

Для американского политического дискурса создание прозвищ является неотъемлемой частью его бытования. Наряду с широким распространением уменьшительных имен (гипокористик) по отношению к политическим деятелям, зачастую содержащих оценочный эпитет, в большинстве случаев утративший присущие ему аксиологические смыслы и реализуемый в качестве неотъемлемой части прочно вошедшей в язык номинативной единицы (*Little Jemmy* – James Madison, *Little Ben* – Benjamin Harrison, *Matty Van* – Martin Van Buren, *Handsome Frank* – Franklin Pierce, *Old Buck* – James Buchanan, *Honest Abe*, *Uncle Abe* – Abraham Lincoln, *Slick Willie* – Bill Clinton), существует очевидная тенденция присвоения политикам прозвищ различного характера, отражающих личность именуемого объекта с самых разных сторон – внешность, черты характера, оценка деятельности и т. д., связанных с известными фактами биографии и значимыми в государственном и мировом масштабах (*Unconditional Surrender Grant* – Ulysses S. Grant, *Ten-Cent Jimmy* – James Buchanan, *Sarah Barracuda* – Sarah Palin). Особо показательным в этом отношении является период проведения предвыборных кампаний, когда прозвищами наделяются как кандидаты в президенты, так и их сторонники и соперники (что восходит к старинной традиции поддразнивания и раззадоривания противника перед боем и своего рода

⁷ List of regional nicknames [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_regional_nicknames (дата обращения 12.06.2021).

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ List of nicknames of United States Presidents [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_nicknames_of_United_States_Presidents#cite_note-66 (дата обращения 12.06.2021).

«опредмечивания» негативных качеств соперника в целях собственного возвышения и прогнозирования своей победы). Получила известность активная деятельность Дональда Трампа по присвоению негативных и даже обидных прозвищ его конкуренту Хилари Клинтон на основе различных языковых моделей: *Heartless Hillary, Crooked Hillary, Hillary Rotten Clinton, Hiel Hillary, America's Angela Merkel, Wicked witch of the west wing, Hilla the Hun, Robbery Hillham, Shillary, Killary*¹¹, что вполне совместимо с естественностью выражения англосаксонского сарказма и иронии в ситуациях соперничества.

Как известно, в американских соцсетях существует немало сайтов, где проводятся различные конкурсы и викторины, основанные на информированности пользователей относительно появления новых прозвищ политических лидеров. Прозвища действующего президента Байдена также широко представлены в Интернет-пространстве, например: *Asshole, Dumbass, Looser, Cheater, Fake, Womanizer, Demented, Brain dead*¹², очевидно характеризую его личность и деятельность: "Joe Biden needs a new nickname: Here are 16 options": "'Sleepy Joe" might be an obsolete nickname for Joe Biden. Other nicknames seem more appropriate now with all the new information that's being discovered about him. Joe plagiarized in law school when he submitted someone else's paper as his own and again during his 1988 presidential campaign. And his "buy American, and hire Americans" push is clearly plagiarizing President Trump's "America First" theme. So how about "Joe the plagiarist" as a new nickname for Biden, or better yet, "Cheatin' Joe"¹³. Приведенный отрывок наглядно демонстрирует возможность выражения оценочности, сопряженной как с социокультурной ситуацией, так и со спецификой проявления особенностей менталитета англоязычного социума посредством создания новых языковых знаков – антропонимических прозвищ.

Таким образом, можно заключить, что функционирование антропонимического прозвища в значительном количестве случаев обусловлено присутствием в его значении особой эмоционально-оценочной составляющей, благодаря которой языковая единица возникает, передается социуму и далее закрепляется в сознании членов данного лингвокультурного сообщества в качестве общепринятого наименования. Вместе с тем с течением времени эмоционально-экспрессивно-оценочный компонент может существенно редуцироваться и процесс воспроизведения прозвища в языке и сознании социума приобретает нейтральный, привычный характер, полностью соответствуя современной языковой норме. Антропонимическое прозвище может обладать культурно-исторической значимостью, а в ряде случаев – приобретать обобщающее значение и переходить в область нарицательных имен, становясь неотъемлемой частью картины мира социума и его языка.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
2. Reaney P.H. The Origin of English Surnames. London, 1967.
3. Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 25–42.
4. Adams M. Nicknames, interpellation and Dubya's theory of the state // Names: A Journal of Onomastics. 2008. № 56 (4). P. 206–220.
5. Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Репрезентация концепта COUNTERACTION в социально-культурном контексте глобальной угрозы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 33–42.

¹¹ Trump Coins New Nickname: Hillary 'Rotten' Clinton [Электронный ресурс]. URL: <http://www.breitbart.com/2016-presidential-race/2016/07/25/trump-coins-new-nickname-hillary-rotten-clinton/> (дата обращения 13.11.2016).

¹² What is Joe Biden's nickname? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/What-is-Joe-Bidens-nickname> (дата обращения 06.05.2022).

¹³ Master M. Joe Biden needs a new nickname: Here are 16 options. October 20, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wnd.com/2020/10/joe-biden-needs-new-nickname-16-options/> (дата обращения 06.05.2022).

Е.Е. Голубкова
Московский государственный лингвистический университет

С.В. Канашина
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва

Когнитивный фрейминг и рефрейминг в англоязычных интернет-мемах

Аннотация. Интернет-мемы являются неотъемлемой составляющей современного медиа дискурса. Их функция заключается в формировании общественного мнения и манипулировании им. Для этих целей в интернет-мемах активно используется когнитивная операция так называемого фрейминга, заключающегося в навязывании реципиенту когнитивной схемы с определенным ракурсом восприятия информации. Эффективным способом исследования когнитивного мультимодального пространства интернет-мема является фреймо-слотовый анализ. Он позволяет выявить случаи, когда фрейм с традиционной структурой подвергается переосмыслению. Такое явление получило название рефрейминга, т. е. когнитивной операции трансформации фрейма в новом ключе. В этом случае реципиенту предлагается декодировать мем через призму фреймовой структуры с замененными слотами. Когнитивные механизмы фрейминга и рефрейминга часто задействуются в англоязычных интернет-мемах и играют важную роль в интерпретации их смысла.

Ключевые слова: интернет-мем, фрейминг, рефрейминг, фрейм, интерпретация

Cognitive framing and reframing (the case of English internet memes)

E.E. Golubkova
Moscow State Linguistic University

S.V. Kanashina
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow

Abstract. Internet memes are part and parcel of contemporary media discourse. Their function is to shape and manipulate public opinion. For this purpose memes exploit the so called framing, a cognitive operation, aimed at indoctrination of a biased cognitive scheme on the recipient. One of the effective ways to study the cognitive multimodal space of internet meme is the slot analysis of the frame. It enables to reveal the cases when the traditional frame structure is subjected to reinterpretation, the phenomenon which got the name of reframing. In this case the recipient has to decode the message of the meme through the prism of the revised frame with altered slots. Thus, these two cognitive mechanisms – framing and reframing, are responsible for the interpretation of the sense of internet memes.

Keywords: internet meme, framing, reframing, frame, interpretation

В статье пойдет речь о двух взаимосвязанных когнитивных механизмах — фрейминге и рефрейминге, задействованных в медийном дискурсе, в частности в такой его разновидности, как интернет-мемы. На материале данных мультимодальных минитекстов мы продемонстрируем, каким образом их создатели формируют у потребителей необходимую когнитивную схему интерпретации информации.

Фрейминг определяется как когнитивная операция, заключающаяся в том, что автор мема задает когнитивную рамку подачи информации, а реципиент, в свою очередь, декодирует сообщение через призму предложенной когнитивной рамки [1; 2]. Механизм фрейминга обусловлен вирусной и репликативной природой интернет-мемов, поскольку наблюдается массированное навязчивое воздействие множества копий на концептосферу реципиента. При этом реципиенту предлагается концептуализировать окружающую действительность посредством заданного фрейма, построенного по типу клише или готовой схемы.

Когнитивная установка на фрейминг в англоязычных интернет-мемах также мотивирована тем фактом, что мемы опираются на механизм ассоциаций и служат «контейнерами» для пучка слотов. Актуализация слотов в мемах приводит к активизации ассоциативных связей, в результате чего

формируется фреймовая модель мемов.

Напомним, что теория фрейминга зародилась на основе теории фреймов [3]. Согласно Ч. Филлмору, фрейминг – это обращение к структурированным способам интерпретации опыта в процессе восприятия, мышления и коммуникации [4, р. 20]. В частности, фреймо-слотовый анализ успешно применялся Г.Г. Молчановой при исследовании вербальных мемов [5].

Обратимся к нескольким примерам, в которых наблюдается механизм фрейминга. Рис. 1 в невербальном компоненте содержит изображение отары овец, что наводит на мысль о покорном подчинении, кротости, податливости, поскольку за образом данного животного закрепилось устойчивое символическое значение с коннотацией робости, пассивности, глупости. Очень часто лексема *sheep* используется в политическом контексте для номинации избирателей, которые легко внушаемы и поддаются манипулированию. В англосаксонской лингвокультуре сложился стереотипный образ животного как глупого и ведомого существа, в результате чего в английском языке возникла зооморфная номинация *sheep* (*informal* someone who does the same as everyone else without thinking about it¹), основанная на метафорическом переносе. Фреймовая структура мема, формирующаяся в невербальном компоненте, направляет восприятие реципиента в определенное когнитивное русло, доминирующая идея которого заключается в том, что сторонники вакцинации² похожи на покорных, безвольных животных, неспособных критически оценивать действительность и легко поддающихся управлению. Автор мема с помощью невербального компонента внедряет фрейм ОТАРА ОВЕЦ, в котором задействуются такие слоты, как коллектив, управление массой индивидов, безропотное подчинение. Все вышеперечисленные слоты фрейма проецируются на сторонников вакцинации, таким образом реципиентам мема навязывается идея о том, что сторонники вакцинации – носители дерогативной характеристики.

Рис. 1³

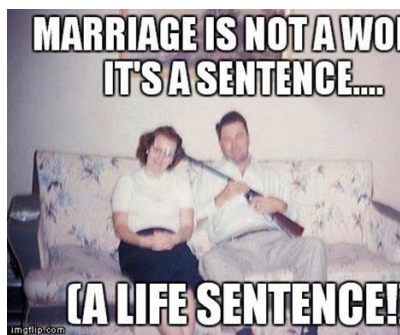

Рис. 2⁴

В примере на рис. 2 изображена улыбающаяся семейная пара, сидящая на диване. В вербальной части наблюдается игра слов, основанная на омонимии: слово *sentence* переводится как 1) предложение; 2) приговор. В результате рождается комический эффект, усиленный невербальным компонентом: мужчина изображен с ружьем, как бы ненароком направленным на женщину. Автор мема выстраивает его фреймовую структуру, актуализируя фреймы БРАК и ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА. Два актуализированных фрейма контрастируют друг с другом, что вызывает когнитивный диссонанс у реципиента. Фреймовая структура мема задает когнитивное направление декодирования данной единицы и позволяет транслировать сообщение автора о том, что в основе брака лежит несвобода, зависимость, подневолье до конца жизни.

Специфической особенностью воспроизведения фреймов в интернет-мемах является новая, оригинальная интерпретация привычных, устойчивых для носителей лингвокультуры фреймов. Поскольку фрейм имеет схематизированную и обобщенную структуру, его реконструкция происходит в заданных когнитивных рамках. Однако при замене одного из слотов фрейма на другой компонент происходит трансформация фрейма, и он декодируется в новом, нетрадиционном ключе. В коммуникативистике и медиа исследованиях данное явление определяется как **рефрейминг**, т. е. новая реконструкция привычного фрейма [6]. В частности, стратегия рефрейминга активно используется в процессе политических выборов, когда политики видоизменяют привычную, ставшую

¹ Англ. «перенос. человек, который делает то же, что и другие, не думая» (перевод наш. – Е. Г., С. К.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/sheep> (дата обращения 31.05.2022).

² Очевидно, речь идет о вакцинации от коронавируса. – Е. Г., С. К.

³ https://twitter.com/capt_jackp/status/1346509097236123648?lang=ar-x-fm (дата обращения 31.05.2022).

⁴ <https://imgflip.com/i/2w0yn> (дата обращения 31.05.2022).

малоэффективной риторику путем трансформации устоявшихся фреймов под влиянием актуального политического контекста.

Проанализируем механизм рефрейминга на примере трансформаций лингвокультурологического фрейма AMERICAN DREAM. Фрейм AMERICAN DREAM (англ. американская мечта) является высоко узнаваемым и стереотипным не только в американской, но и в других лингвокультурах. В широком смысле американская мечта понимается как убеждение в том, что все граждане США имеют равные возможности и могут стать успешными и счастливыми, если будут много трудиться.

На рис. 3 наблюдается комический рефрейминг фрейма АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, поскольку автор предлагает оригинальную трактовку устойчивого клише. Вместе с тем отмечается механизм когнитивного диссонанса, потому что фрейм АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА имплицитно предполагает равные возможности для всех жителей США, в том числе для иммигрантов. Однако иммиграционная политика Д. Трампа, как известно, была основана на ограничениях для иммигрантов. Особый резонанс вызвали планы бывшего президента построить стену на границе с Мексикой, чтобы заблокировать поток мигрантов в США. Таким образом, предложенный реципиенту рефрейминг направлен на создание комической модальности мема.

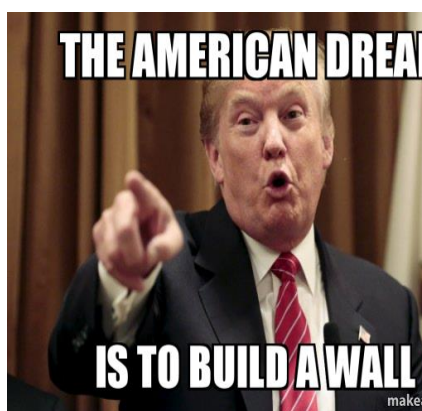

Рис. 3⁵

Рис. 4⁶

Еще один мем, в котором представлен рефрейминг фрейма АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, представлен на рис. 4. Автор мема задает новую когнитивную рамку традиционного фрейма АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, показывая, что экономическая и социальная система США основана не на благоденствии и благосостоянии, а на бедности и нужде. Бездомный человек в интернет-меме выступает воплощением социальной несправедливости, в которой нет места заботе о людях.

Таким образом, рефрейминг, представляющий собой трансформацию структуры заданного фрейма, является распространенной когнитивной операцией в англоязычных интернет-мемах, что доказывается тем фактом, что из 200 рассмотренных единиц рефрейминг наблюдается в 78 мемах. Авторы мемов прибегают к переосмыслению устойчивых в данной лингвокультуре фреймов для того, чтобы задать новое когнитивное русло при декодировании семантики мемов. Оригинальный и нестандартный рефрейминг устойчивых стереотипных фреймов также служит прагматическим целям для привлечения внимания реципиента, вызывая при восприятии определенный когнитивный диссонанс, который способствует повышению интеллектуального напряжения и, следовательно, большей запоминаемости мема. Мы попытались выявить основные различия между фреймингом и рефреймингом, к ним относятся: замена слота, нетрадиционное наполнение слота и, как следствие, возникновение когнитивного диссонанса. Таким образом, можно утверждать, что на когнитивном уровне в среде интернет-мемов наблюдается тенденция использовать фреймы с потенциально возможным рефреймингом, обусловленная игровым, юмористическим жанром самих мемов, функционирование которых можно сравнить с деформированными фразеологическими оборотами или смешанными метафорами типа *it's not rocket surgery* (в единое выражение сливаются практически несовместимые куски идиом: *rocket science* и *brain surgery*), загадками и анекдотами. Можно заключить, что механизмы фрейминга и рефрейминга участвуют в формировании картины мира

⁵ <https://makeameme.org/meme/the-american-dream-5ce28c> (дата обращения 31.05.2022).

⁶ <https://imgflip.com/i/65oeyu> (дата обращения 31.05.2022).

реципиента и помогают создавать новые фрагменты реальности или интерпретировать ее нестандартным способом.

Литература

1. *Бодрунова С.С.* Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. №. 4. С. 127–141.
2. *Кокурина И.В., Хорецкая Н.Ю.* Манипулятивный потенциал фрейма при создании образа России в немецкоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2018. №. 5. С. 59–63.
3. *Matthes J.* Framing politics: An integrative approach // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. Iss. 3. P. 247–259.
4. *Fillmore C.J.* Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the origin and development of language and speech. 1976. Vol. 280. №. 1. P. 20–32.
5. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная анти-меметика в формировании картины мира // Когнитивные исследования языка. 2019. №. 36. С. 87–94.
6. *Плисецкая А.Д., Филимонов К.В.* Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. №. 4. С. 160–176.

Моделирование социокультурных характеристик: социокультурная организация дискурса

Аннотация. Статья посвящена проблеме моделирования социокультурных характеристик дискурса с целью выявления специфики его социокультурной организации. Изучение человека не только как биологического существа, но и как представителя конкретной социокультурной общности и носителя определенной лингвокультуры расширяет представления о внутреннем мире человека как автора дискурса. Социокультурные характеристики и параметры не могут не влиять на построение дискурсивных высказываний. Выявлено, что социокультурные характеристики определяют любой вид дискурса, включая переводной.

Ключевые слова: социокультурные характеристики, дискурс, моделирование, метапонятия

O.G. Dubrovskaya
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Modeling of sociocultural parameters in discourse

Abstract. The article is devoted to the problem of modeling the sociocultural characteristics of discourse in order to identify the specifics of its sociocultural organization. The study of human beings not only as biological creatures, but also as representatives of a particular sociocultural community and particular linguistic culture expands the understanding of a person as the author of the discourse. Sociocultural characteristics and parameters cannot but affect the discourse construction. It has been revealed that sociocultural characteristics determine any kind of discourse, including translated discourse.

Keywords: sociocultural characteristics, discourse, modeling, metaconcepts

Известно, что дискурс рассматривается как ментально-языковая репрезентация реальной действительности в сознании субъекта (работы Т. Дейка, В. Кинча, см. [1]). В работах последних лет выявлено, что когнитивная организация дискурса обусловлена системой конкретных когнитивных механизмов, активизация которых позволяет субъекту дискурса выстраивать его как целостный фрагмент концептуализации, и предполагает опору на ментальные процессы, включая когнитивные механизмы оперирования знаниями [2]. Знания, в свою очередь, как продукт познавательной деятельности субъекта по интерпретации мира характеризуют своего носителя (субъекта) как представителя конкретных социумов (профессиональной среды) и культур (русский мир). В связи с этим важно понимать природу социокультурной организации дискурса. Выявлению специфики социокультурной организации дискурса посвящена данная работа. Актуальность обращения к данной проблематике – обусловленность дискурса социокультурными факторами – вызвана необходимостью объяснить закономерности дискурсопорождения в парадигме междисциплинарного научного направления, объединяющего теорию познания, когнитивную лингвистику, когнитивную психологию, теорию искусственного интеллекта и др.; направления, известного как когнитивистика. Полученные результаты позволяют расширить научное представление о дискурсе в аспекте его социокультурной обусловленности и раскрыть природу вариативности дискурса. Практическая значимость проведенного исследования определяется тем, что результаты могут быть использованы в курсах по сопоставительной и когнитивной лингвистике, частной теории перевода.

В ставшем классическим определении дискурса как связного текста в совокупности с разнообразными факторами, по Н.Д. Арутюновой, важное место отводится так называемым социокультурным факторам (наряду с экстралингвистическими, прагматическими, психологическими и другими) [3, с. 136–137]. В когнитивных исследованиях дискурса термин «социокультурный» задает конкретный вектор анализа языковых фактов: социокультурную обусловленность человеческой когниции, когда субъект является представителем конкретных социокультур (русской, семейной, гендерной, профессиональной, политической и др.), проявляя

тесную взаимосвязь коллективных (языковых) и индивидуальных (социокультурных) знаний (подробнее см. [4]). Как носитель этих социокультур и, следовательно, субъект социокультурных знаний, он формирует дискурс, отражая социокультурную специфику своей концептуальной системы. Тем не менее в рамках каждого конкретного акта коммуникации субъект дискурса выводит в фокус коммуникации один тип знания, наиболее важный на взгляд субъекта, то есть интерпретирует мир в пределах территориального, профессионального, гендерного, бытового знания своей концептуальной системы. Это знание, в «рамках которого интерпретируется мир, получило название «когнитивный контекст» [5]. Он и обеспечивает вторичное осмысление языковых единиц в процессах интерпретации мира в виде дискурсов разных видов, включая переводной.

Моделирование процессов, лежащих в основе дискурсивной деятельности человека, позволяет выявить метадискурсивную составляющую коммуникации в виде кластера метаконцептов, которые обеспечивают выбор форм, способов и средств подачи информации. Результаты, полученные в процессе анализа языкового материала, на наш взгляд, могут представлять интерес для исследований искусственного интеллекта, нейрофизиологии, теории межкультурной коммуникации, а именно: смоделирован процесс речепорождения в контексте коллективных и индивидуальных знаний субъекта, выявлены схемы, когнитивные и языковые механизмы формирования социокультурного смысла, определены составляющие индивидуальных когнитивных систем участников коммуникации относительно друг друга.

При антропоцентрическом подходе (через и от человека) перечень социокультурных характеристик включает разноплановые факторы: территорию, на которой проживает субъект, образование, которое он получает, профессию, которой овладевает, семью, в которой воспитывается и т. д. Именно эти факторы влияют на концептуализацию, категоризацию и интерпретацию мира в дискурсе, лежат в основе выбора конкретных единиц вербального кода и определяют дискурс в целом. В своей совокупности они формируют надстройку над содержанием дискурса в виде метаконцептов, которые этот дискурс и определяют, обуславливая социокультурную специфику дискурса: РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Именно поэтому дискурс на одну и ту же тему у разных субъектов разный, а перевод одного и того же оригинала разный у разных переводчиков.

Перейдем к основным практическим результатам работы. Логика изложения материала следующая: приведем примеры, иллюстрирующие особенности формирования дискурса в контексте знаний субъекта (знания о мире и языке), а именно формирование дискурса под влиянием социокультурных факторов в языковой паре, представленной русским и английским языками (I). Далее продемонстрируем важность социокультурного моделирования дискурса в процессе письменного перевода на материале этих же языков (II).

I. В нижеприведенном фрагменте дискурса ребенка состояние тоски по близким, дому и т. д., репрезентируемое английской лексемой *homesick*, интерпретируется как место, где болеют (ср. *home* 'дом', *sick* 'больной'):

(1) You feel like you don't feel well // You can cough and sneeze a lot // You cannot go to school // And you have to stay in the house (*телеигра "Child's Play", 1983 г.*).

Иными словами, социокультурный фактор НЕДОСТАТОК ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА (возможно, ребенок никогда не уезжал из дома и не разлучался с близкими людьми) и метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, когда субъект демонстрирует незнание коллективных схем поведения, репрезентированных лексемой *homesick* ('unhappy because of being away from home for a long period'¹), формируют дискурс ребенка и соответствующее понимание фрагмента мира. В целом социокультурный фактор НЕДОСТАТОК ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА и метаконцепт ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ лежат также в основе игры «Устами младенца» в русскоязычной культуре (аналог англоязычной игры "Child's play"). Иными словами, способность формировать дискурс под влиянием социокультурных факторов и метаконцептов является универсальной характеристикой человеческого сознания. Обратимся к примеру на материале русского языка, в котором ребенок объясняет понятие «работа»:

(2) Человек должен сначала прийти / посмотреть / подумать две недели или одну неделю / и уже подводить итоги // Если она легкая / то она легкая / конечно // А если она трудная / то она трудная // Смотря какая // Оперный певец // Нужно много дыхания брать / распеваться очень долго // Я вот на мистер и миссис Непоседы выступал / вот // Я занял кубок / золото / Мистер талант // И я там / по-моему / четыре раза распевался // Четыре // Это два плюс два // Два умножить на два *тоже*

¹ Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

четыре // Ну / приходится так распеваться потому что это жесткий / это финал // Я сначала / когда началось это / я немного переживал / что меня не возьмут // Меня взяли / а мою напарницу не взяли // Только с одним номером взяли // тридцать три коровы // (телеигра «Устами младенца», 06.09.2020).

Социокультурный фактор ВОЗРАСТ и индивидуальное «наполнение» метаконцепта ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ (работа как участие ребенка в конкурсе «Непоседы» и работа как занятие, трудовая деятельность в концептуальной системе взрослого) обеспечивают индивидуальный опыт познания мира, что и находит вербальную фиксацию в дискурсе.

Перейдем ко второй части работы и продемонстрируем важность социокультурного моделирования дискурса в процессе письменного перевода на материале этих же языков

II. Рассмотрим оригинал предложения (3) и два перевода на русский язык (3а), (3б):

(3) It was in that same year that he began “going out socially” – that is, his father insisted on taking him to several fashionable dances (Fitzgerald F.S. *The Curious Case of Benjamin Button*);

(3а) В тот же год он начал «вращаться в обществе» – то есть, по настоянию отца, стал появляться вместе с ним на модных танцевальных вечерах (пер. А. Руднева, 2015);

(3б) В том же году он начал «выезжать в свет», вернее, отец чуть ли не насильно стал вывозить его на светские балы (пер. Т. Луковниковой, 1968/2009).

В большинстве своем, переводя это предложение (и, в частности, выражение *going out socially*) на русский язык, студенты ориентируются на наиболее активную в их сознании языковую единицу «выезжать в свет» и не всегда вспоминают такую языковую единицу для обозначения действия, которое по-английски тоже именуется *going out socially*, как «вращаться в обществе». Действительно, поиск в НКРЯ² выдает 19 документов и 21 вхождение на словосочетание «выезжать в свет», тогда как, например, словосочетание «вращаться в обществе» представлено в 7 документах и 7 вхождениях. Приведем несколько примеров из НКРЯ:

Это потому, что он привык вращаться в обществе людей, живущих в роскоши;
В промежутке между своими ранними публикациями и успехом книг об Алисе Доджсон начал вращаться в обществе прерафаэлитов;

Меня утешает, Джордж, что ты вращаешься в лучшем английском обществе... надеюсь, что это так, верю и надеюсь... мои средства дают тебе эту возможность;

Он также опасен, как любой шпион, который вращается в нашем обществе;

Случайно она нанялась к леди Хорбери. И начала вращаться в высшем обществе;

Вы совершенно правы, – подтвердила леди Белластон, – по манерам его видно, что он не вращался в хорошем обществе;

Через несколько месяцев после рождения сына, когда закончилось молоко (никаких кормилиц в роду Сотниковых не признавали, пользовались их услугами только по необходимости, продиктованной состоянием здоровья роженицы) молодая мать начала выезжать в свет;

Я же и в эту зиму решила не выезжать в свет: я до того улавала за день от работы по «Дневнику писателя», от хозяйственных забот и от возни с моими детками, что к вечеру хотелось лишь отдохнуть и почитать интересную книгу, и в обществе я, наверно бы, имела скучающий вид;

После долгой и тяжелой болезни она почти перестала выезжать в свет, но не перестала любить Белокопытова.

Анализ оригинала (3) и двух переводов (3а), (3б) с точки зрения когнитивного переводоведения (см., например, [6]) позволяет выявить социокультурный фактор ГЕНДЕР и метаконцепт НОРМА, которые определяют маскулинный сценарий (за счет активации мужского рода в примерах выше), репрезентируемый языковой единицей «вращаться в обществе», и фемининный сценарий (за счет активации женского рода в примерах выше), активируемый словосочетанием «выезжать в свет». На основании того, что автором оригинального текста является мужчина, а профессионализм переводчика, как правило, связывается с его умением перевоплощаться в автора, то можно оценить перевод А. Руднева (3а) как наиболее приемлемый в данной коммуникативной ситуации.

Таким образом, можно заключить, что на формирование дискурса влияют социокультурные факторы, которые обеспечивают активацию метаконцептов как надстройки над содержанием дискурса. Метаконцепты обеспечивают субъективность как дискурса, так и перевода, что и приводит к нескольким вариантам перевода одного и того же текстового материала, а также к «нескольким»

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 05.05.2022).

дискурсам на одну и ту же тему. Умение находить варианты и умение отказываться от тех, которые в меньшей степени выполняют коммуникативно-равноценную функцию, являются важными умениями для подготовки переводчиков (особенно письменных), в распоряжении которых есть время и возможность пользоваться словарями и справочной литературой и, следовательно, проводить более тщательный переводческий анализ.

Литература

1. Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 153–211.
2. Галич Т.С. Когнитивные механизмы организации ток-шоу. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Дубровская О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса. Дисс. ... д. филол. наук. Тамбов, 2014.
5. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник ЧелГУ. 2014. Вып. 88. № 6 (335). С. 118–122.
6. Леонтьева К.И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2022.

Л.А. Манерко
А.А. Шарапкина
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва

Стержневые смыслы философии морали Джона Локка

Аннотация. В материале раскрываются ключевые смыслы философии морали английского мыслителя Джона Локка на материале трактата «Опыт о человеческом разумении». В этой работе ученый осуществляет перекаатегоризацию семантики слов, имеющих отношение не к религиозно-теологическому дискурсу прошлого, а к терминологии морали. В исследовании анализируются ключевые составляющие терминологии и философии морали – словосочетания, которые показываются на основе этимологического, концептуального и корпусного анализов. Выявлены основные образные схемы и концептуальные метафоры, лежащие в основе концепции философии морали.

Ключевые слова: Дж. Локк, философия морали, дискурс, концептуальный анализ, корпусная лингвистика

L.A. Manerko
A.A. Sharapkova
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Core meaningful points in moral philosophy of John Locke

Abstract. Key senses of moral philosophy are revealed on the basis of the treatise “Essay Concerning Human Understanding” of the outstanding English thinker John Locke. In the article it is shown that the scholar uses re-categorisation of word semantics taking place not in religious and theological discourse, from which the word was taken, but pertaining to terminology of morality. The main constituents of terminology and philosophy of morality are word-combinations, the origin of which are illuminated with the help of etymological, conceptual and corpus analysis. We reveal the main image schemas and conceptual metaphors, lying at the basis of the moral philosophy.

Keywords: John Locke, moral philosophy, discourse, conceptual analysis, corpus linguistics

Дискурс языковой личности рождается на основе интерпретации человеком мира и выявления того, что связано с возможностью моделирования разновидностей знания и эмоционально-ценностных смыслов, специфических как для конкретной языковой личности, так и для социокультурных характеристик определенной культуры. Особое место в формировании европейской культурной традиции и отчасти языковой картины мира принадлежит просветителю XVII столетия Дж. Локку и его трактату «Опыт о человеческом разумении» (“Essay Concerning Human Understanding”).

Локк оказал влияние на сферу проблематизации и осмысления морали и на формирование этических норм. В предыдущие эпохи поднимались проблемы достоинства, морали и совершенствования человека. Это была религиозная и светская этика эпохи Средневековья, к которой добавилась естественнонаучная проблематика познания действительности. В век Просвещения происходит коренное переосмысление ключевых этических понятий. В центре гуманистического осмысления проблем ставится человеческий разум (*reason*) и процесс его понимания (*understanding*), которые в состоянии определить, что представляют собой благо и добродетель на основе причинно-следственных связей.

В работе уделяется внимание основным смыслам, которые способны показать формирование новой концептуальной системы норм, правил и морали, что связано с перекаатегоризацией человеческого знания о мире под влиянием социо-культурных факторов в процессе коммуникации. Концептуальная доминанта служит «точкой роста сложного и многоуровневого концепта, который приводит к смене системы ценностей и перестроению концептосферы культуры, отталкиваясь теперь от происходящих в языке процессов» [1, с. 606].

Работа Джона Локка начинается с критики врожденных идей, которые составляют органическую и неотъемлемую часть его теоретико-познавательной системы. Сознание по Локку не является доказательством врожденного морального правила: *Conscience no proof of any innate moral rule* [2, p. 51]. Далее, описывая простые и сложные идеи, рождающиеся в сознании человека, он показывает, что идеи морали, будучи сложными ментальными конструктами, создаются человеком исключительно на основе научно-философского размышления и общения с другими индивидами, что связано с поиском истин в соответствии с осмыслением собственных потребностей и общественной полезности: *Moral principles require reasoning and discourse, and some exercise of the mind, to discover the certainty of their truth* [2, p. 46]. Сложные идеи по описанию ученого в большей степени подвержены изменению, их модификация осуществляется в соответствии с языковыми средствами, то есть «с данными им именами» [3, с. 329].

В работе показано, что основными стержневыми элементами этой формирующейся концептуальной и терминологической системы становятся слова *moral* (более 70 примеров словосочетаний) и *morality* (32 коллоката). Корпусный анализ на основе программного продукта Sketch Engine, который используется специалистами в области корпусной лингвистики, выявил сочетаемость прилагательного *moral* с существительными *rule(s)*, *word(s)*, *principle(s)*, *rectitude*, *relation*, *discourses*, *knowledge*, *action*, *science*, *matter* и др. Большинство терминов-существительных были заимствованы из латинского языка, а затем подверглись семантическим изменениям в тексте ученого. В них прослеживается указание на линию, движение от начала и прямолинейность. Ср.: *rule* от лат. *regula* “straight stick”, *principle* «начало, первопричина» от лат. *prīncipium* (“beginning, foundation”), *rectitude* от лат. *rectitudo* «прямота» от *rectus* «прямой». Слова приобретают широкое и нейтральное значение. Локк приспособливает существующую лексику естественнонаучного и теолого-религиозного содержания к отражению новой системы морали – ее правил, норм и принципов: *Morality is the relation of voluntary actions to these rules* [2, p. 340].

Многие явления морали получают свое объяснение в тексте на основе образных схем ЛИНИИ, ПЛОСКОСТИ, КОНТЕЙНЕРА. Данные образные схемы указывают на конкретное восприятие пространства на основе опыта человека. Описание строится как отражение понимания ментальных процессов, где ощущение и понятие опыта оказываются равнозначными. У Локка ощущение напрямую связано с человеческим телом: *For as in the body there is sensation barely in itself* [2, p. 214]. Локк неоднократно упоминает о том, что первичные понятия важны как отпечатки в сознании человека: *some primary notions... were stamped upon the mind of man* [2, p. 27]. Более того, в большинстве контекстов представления смешиваются друг с другом, они осмысливаются через метафоризацию, и некоторые из них персонифицируются: *I merely note that this is one of the operations that the mind can observe in itself when it looks inward* [2, p. 82].

Локк пытается объяснить те человеческие впечатления, которые появляются благодаря воспоминаниям (*remembrance*) или сосредоточенности внимания на определенной идее (*taken notice of*), что дает ему возможность перейти от простых модусов к более сложным представлениям, включающим «пространство», «место», «форму» [4, с. 67]. Его концепция также имеет отношение к познанию внешнего, социального мира действительности: *We are fitted for moral science, but only for probable interpretations of external nature* [2, p. 640].

Терминология морали направлена на формирование настоящего основания морали: *admitting the true ground of morality* [2, p. 50], отталкиваясь от которой следует вести речь о морали как об отдельной науке: *I think I may conclude that morality is the proper science and business of mankind in general* [2, p. 640].

Литература

1. Шаранкова А.А. Концептуальная доминанта как ключ к пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях // Когнитивные исследования языка. Вып. 34: Cognition and communication in contemporary global world. М., 2018. С. 604–607.
2. The Clarendon Edition of the Works of John Locke: An Essay Concerning Human Understanding / Ed. by Nidditch Peter H. Clarendon, 1975 (published online 2013). URL: <https://www.oxfordscholarlyeditions.com/view/10.1093/actrade/9780198243861.book.1/actrade-9780198243861-book-1> (дата обращения 31.05.2022).
3. Локк Джон. Опыт о человеческом разумении / Пер. А.Н. Савина. СПб., 2022.
4. Заиченко Г.А. Джон Локк: 2-е изд., дораб. М., 1988. (Серия «Мыслители прошлого»)

*Раздел IV. Исследование механизма взаимодействия категоризации
событий с аксиологическим пластом их репрезентации.
Изучение кросс-лингвистических соответствий*

Л.И. Гришаева
*Воронежский государственный университет
г. Воронеж*

**Корреляция аксиологических когнитивных, номинативных
и дискурсивных стратегий в людической коммуникации**

Аннотация. Анализ средств и способов реализации коммуникативных стратегий в людической коммуникации приводит к выводу о необходимости изучать корреляцию когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий. Подобный анализ особо значим при изучении отдельных способов обозначения событий, так как среди таких номинаций можно обнаружить первичные и вторичные средства, аксиологически нагруженные и/или нейтральные, конвенциональные и/или окказиональные. Характерно, что событийные имена нередко используются для обозначения предметов, отношений, положений дел и т. д., а несобытийные – для номинации событий. Такое решение адресантом своих коммуникативных и когнитивных задач способствует активации и соактивации сведений о событии, не объективируемых, как правило, в коммуникации. Подобный способ реализации людических стратегий обеспечивает усиление воздействия порожденных людических текстов на коммуникантов.

Ключевые слова: аксиологические средства, когнитивные стратегии, номинативные стратегии, дискурсивные/коммуникативные стратегии, вторичные номинативные средства, событийные имена

L.I. Grishaeva
*Voronezh State University,
Voronezh*

**Correlation between axiological cognitive, nominative
and discursive strategies in ludic communication**

Abstract. The analysis of the means and methods for implementing communicative strategies in human communication leads to the conclusion that it is necessary to study the correlation of cognitive, nominative and communicative strategies. This kind of analysis is especially significant in the study of individual ways of naming events, since among such nominations, one can find primary and secondary means, axiologically loaded and/or neutral, conventional and/or occasional ones. Characteristically, names of events are often used to designate objects, relationships, states of affairs, etc., while non-event names are used to nominate events. This kind of solution chosen by the speakers to solve their communicative and cognitive tasks contributes to the objectification and co-activation of information about the event, which, as a rule, is not objectified in communication. Such a way of implementing ludic strategies enhances the impact of generated ludic texts on participants of discourse.

Keywords: axiological means, cognitive strategies, nominative strategies, discursive/communicative strategies, secondary nominative means, event names

В наше время, богатое событиями, нередко благодаря усилиям различных медиаресурсов, несущественным происшествиям придается особая значимость. Это оказывает на носителей языка и культуры здесь и сейчас влияние несоизмеримо более значительное, чем подобное событие заслуживает в действительности. События такого рода обыгрываются и в людической коммуникации, обеспечивая содержательную, формальную и функциональную вариативность людических текстов и усиливая мощь их воздействия на коммуникантов. Сказанное справедливо в особенности по отношению к эпохальным событиям типа обсуждаемого ниже.

Людическая коммуникация, в которой по-разному проявляется игровое начало человека и которая служит прежде всего и главным образом рекреативным целям, интересна не только и не столько карнавализацией, юмором, неформальностью и весельем, но и своей возможностью способствовать интеллектуальному развитию и личностному росту носителей языка и культуры. Важно помнить и то, сколь разнообразные средства и способы задействуют носители языка и культуры при решении соответствующих, весьма разнообразных, когнитивных и коммуникативных

задач. В людической коммуникации, естественно, доминируют людические стратегии, нацеленные на отдых, веселье и игру. Одновременно с ними реализуются, как правило, несколько иных дискурсивных стратегий, подчиненных людической как основной, например информативные; см. примеры ниже, которые даже непосвященным предоставляют дифференцированную, важную и существенную информацию о конкретном периоде бытования немецкой культуры. Особый интерес представляет в этом контексте одновременная реализация людических и аксиологических стратегий при социальной и/или политической критике разной степени остроты.

При реализации людических стратегий используются как первичные, так и разнородные вторичные языковые средства. Это позитивно и/или негативно коннотированные либо нейтральные единицы, единицы нейтральной либо оценочной семантики, стилистически нейтральные или маркированные средства, конвенциональные или аксиологически нагруженные окказиональные языковые средства (см. примеры ниже). Выбор между ними связан или с не всегда четко осознаваемой коммуникативной необходимостью, или со стремлением адресанта целенаправленно изменить в общении со своим партнером соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, поскольку один и тот же объект восприятия осмысливается на разном когнитивном фоне как части информации, не находящейся в фокусе восприятия, по-разному. Следствием варьирования соотношением когнитивной фигуры и когнитивного фона становится профилирование тех признаков воспринимаемого объекта (в широком смысле), которые в интеракции обычно не эксплицируются средствами культурных кодов – ни вербальными, ни невербальными. Привлечь внимание адресата к конвенционально имплицитным сведениям о воспринимаемом событии адресант может, объективируя разнообразными средствами сведения о сообщаемом событии, которыми владеют носители языка и культуры; эти сведения конвенционально в интеракции не именуется тем или иным способом, они относятся преимущественно к выводному знанию, см. примеры ниже.

Анализ средств и способов порождения людических текстов выявил довольно устойчивые корреляции между обсуждаемыми стратегиями, особенно при использовании для обозначения событий вторичных номинативных средств.

В зависимости от того, какие признаки воспринимаемого элемента действительности служат основанием для включения индивидом или коллективным субъектом объекта рецепции и/или социального восприятия¹ в ту или иную ментальную категорию, правомерно различать когнитивные стратегии первичной/вторичной/аксиологической идентификации, эвфимизации и др. При первичной идентификации воспринимаемый объект категоризируется по первичным в соответствующей культуре признакам, при вторичной – по вторичным и т. д.; ср., например, следующие номинации объектов восприятия: *жертвы бомбежек среди мирного населения – сопутствующий ущерб, Жванецкий – дежурный по стране* и т. п.

В языковой культуре складывается комплекс изофункциональных средств для обозначения разных сведений о мире, т. е. набор разноуровневых и разнообразных средств, выполняющих в коммуникации одну и ту же функцию. Каждое из этих средств предназначено для решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи в конкретных условиях, что хорошо известно носителям языка и культуры. Поэтому можно говорить и о номинативных стратегиях прямой/косвенной/аксиологической идентификации, стратегий дескрипции и/или сгущения негативных смыслов и пр., которые, очевидно, нелинейно коррелируют с определенными когнитивными стратегиями; ср. набор активизируемых следующими номинациями сведений: *соль – белая смерть, нефть – черное золото, хлопок – белое золото, деньги – всеобщий эквивалент*. Объяснить выбор конкретной номинации из комплекса изофункциональных средств можно, таким образом, их специализацией на реализацию в тех или иных условиях разных коммуникативных и когнитивных задач: объяснить, оценить, высмеять, обвинить, намекнуть, обосновать и пр.

Решение некоторой конкретной задачи с помощью специализированных и неспецифических (конвенциональных и/или окказиональных) языковых средств достигается через решение в одной интеракции общей и частных коммуникативных задач: описать – охарактеризовать – аргументировать – разъяснить – рассказать и пр. Выбор средств и способов решения задачи определенного типа в разных условиях максимально адекватными способами обеспечивает тем самым успешное взаимодействие и/или предотвращение негативного коммуникативного результата либо минимизацию последнего.

---

¹ Процессы рецепции и социального восприятия целесообразно разграничивать потому, что один и тот же объект восприятия включается в ту или иную ментальную категорию по разным основаниям – в зависимости от характера признаков, по которым соответствующий объект идентифицируется в актуальном акте познания.

Описанные характеристики изучаемого явления основываются на богатом функциональном потенциале языковых и невербальных средств, задействованных в интеракции. Внимания заслуживают прежде всего такие функции культурных кодов, как именование разнородных элементов внеязыковой действительности разной степени когнитивной сложности; выражение отношений между понятиями; ориентация во внеязыковой действительности; идентификация субъектов и объектов культуры; экспликация результатов интеракции в опоре на выводное знание; фиксация культурно релевантного знания; воздействие на коммуникантов и др.

Высказанные обобщения можно проиллюстрировать анализом текста Б.-Л. Ланге. Повествуя о значимых для него лично и для всех немцев событиях – разнообразные ситуации до, после и во время объединения Германии, – автор активно использовал вторичные номинативные средства при обозначении событий, которые оставили глубокий след и в его памяти, и в коллективной памяти его соотечественников. Поскольку объединение Германии затрагивало практически каждого жителя старой ФРГ и экс-ГДР в эмоциональном, рациональном, ценностном и даже в профессиональном, материальном и финансовом отношении, его можно трактовать и как одно событие, и как некоторую цепь частных событий, имеющих разную значимость для конкретного индивида. В анализируемом тексте данное событие в его различных трактовках с полным правом можно охарактеризовать как содержательный стержень, а систему разных аксиологических рамок, образуемых ценностными установками, значимыми для конкретного субъекта познания и коммуникации, – как когнитивный фон для профилирования сведений об обсуждаемых событиях. Об аксиологических рамках целесообразно говорить потому, что все процессы, сопровождавшие объединение Германии, напрямую связаны как с изменением ценностных ориентаций обоих социумов, так и с реструктурированием ценностной картины мира у каждого носителя немецкого языка и культуры, с переоценкой субъектом своих действий в прошлом и настоящем, с кардинальным изменением личных планов на будущее. При этом соответствующие процессы и их оценка неоднократно менялись во времени, о чем свидетельствуют, например, так называемые слова года/Wörter des Jahres, определяемые Обществом немецкого языка (GfdS) каждый год, например:

1989 год: Deutsche Vereinigung, Wende, Wiedervereinigung, Volksaufstand, Anschluss der DDR, die Deutsche Demokratische Revolution², die friedliche deutsche Oktoberrevolution, der demokratisch vollzogene Anschluss der neu gegründeten Bundesländer, Friedensmarsch, Neufünfländer, Montagsdemo, Maueröffnung, Reisefreiheit, Mauerspecht, Wendehals, Wir sind das Volk, Wir sind ein Volk³;

1991 год: Besserwessi, Stasisyndrom, abwickeln, Kohlonie DDR, BRDigung der DDR, Wider Vereinigung, Kurzarbeit Null;

1992 год: Vereinigungsfrust, Mauer in den Köpfen, Jammerossi, einheitsmüde, DDR-Nostalgie;

1993 год: Ostalgie, Ausländerfeindlichkeit, Ausländerhass, Buschzulage [www.gfds.de].

Таким образом, перспектива для осмысления события₀ оказывается такой: ТОГДА – СЕЙЧАС – ПОТОМ, т. е. СОБЫТИЕ₁ = ПОВОД/ПРИЧИНА → СОБЫТИЕ₀ → СОБЫТИЕ₂ = СЛЕДСТВИЕ; ср., например, *Deutsche Vereinigung* (в 1989 году) и *Kohlonie⁴ DDR, BRDigung der DDR⁵, Wider⁶ Vereinigung* (в 1991 году) или *einheitsmüde⁷, DDR-Nostalgie* (в 1992 году), демонстрирующие динамику восприятия и изменения в аксиологии события/событий от их принятия и одобрения к разочарованию и даже отторжению или стремлению дистанцироваться.

Такое понимание термина *событие* подтверждает интерпретация этой русской лексемы и соответствующих ей немецких эквивалентов обыденным сознанием. Ср. данные русских и немецких толковых словарей: *событие* – «то, что происходит, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [1, с. 740]; *Ereignis* – “besonderer, nicht alltäglicher Vorgang, Vorfall, Geschehen”⁸ [2, S. 447]; *Geschehen* – “etwas, was geschieht; besondere, auffallende Vorgänge, Ereignisse”⁹ [2, S. 596]; *Vorfall* – “plötzlich eintretendes (für die Beteiligten unangenehmes) Ereignis, Geschehen”¹⁰ [2,

² Расшифровка привычной для носителей культуры аббревиатуры новым, необычным способом.

³ Чрезвычайно важно обратить внимание на грамматическую семантику артикля перед собирательным существительным *Volk*, благодаря чему меняется результат категоризации множества людей.

⁴ Написание слова «колония» – *Kolonie*, а *Kohlonie* аллюзивно отсылает к имени «канцлера немецкого единства» Гельмута Коля (Helmut Kohl).

⁵ *BRDigung* произносится как *Beerdigung*, что означает «погребение».

⁶ *Wieder* означает «вновь», а *wider* – «против». Ср.: *Wiedervereinigung* – *Wider Vereinigung*.

⁷ Дословно: уставший от объединения.

⁸ Событие – особый, не каждодневный процесс, случай, происшествие.

⁹ Событие/происшествие – то, что происходит; особые, привлекающие внимание процессы, случай.

¹⁰ Событие/случай – внезапно наступающий (неприятный для участников) случай, происшествие.

S. 1691]. Философы выделяют такие признаки события, как значимость (заметность), влияние, аксиологическую доминанту, временную соотнесенность (хронотоп), фазовость, процессуальность, результативность, субъектность; событие определяется как «сосуществование; по Хайдеггеру, бытие совместно с другими» [3, с. 421]. Аналогичным образом описывает событие Н.Д. Арутюнова: оно «занимает особое место в жизни человека» [4, с. 510]; это «нечто, происходящее спонтанно, как независимое или не полностью зависящее от воли человека, который может ожидать или даже планировать то или другое событие, но далеко не всегда в состоянии обеспечить его наступление или предотвратить нежелательное событие» [4, с. 510–511]; оно «локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве» [4, с. 509].

Для обозначения событий Б.-Л. Ланге использовал в своем людическом тексте как первичные языковые средства, так и вторичные номинации, например: *Rotlichtbestrahlung*¹¹, *Runderneuerung*¹² (обучение на курсах в целях продвижения в карьере), *Zettelfaltveranstaltung*¹³ (выборы). В ряде случаев обозначения элементов внеязыковой действительности иной, несобытийной, когнитивной природы воспринимаются в конкретном тексте как отсылающие к событиям, а их номинации интерпретируются поэтому как событийные имена: *sozialistische Wartegemeinschaft*¹⁴ (для обозначения ожидания в очереди), а также *das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten*¹⁵, *EDV (= Ende der Versorgung)*¹⁶, *der Tag der Hinterbliebenen*¹⁷, *Engpässe*¹⁸, *Versorgungslücken*¹⁹. Встречаются и иные обозначения событий несобытийным именем: *Neutronen-Kaffee: "Der Mensch geht kaputt, die Tasse bleibt heil!"*²⁰ как реакция на изобретение нейтронной бомбы, а также обозначения объекта событийным именем: *BBB (= Backen-Braten-Bohnen)*²¹ (маргарин), *Erichs Krönung*²² (кофе).

Большинство анализируемых средств обозначения событий порождается по конвенциональным словообразовательным моделям событийных имен (субстантивированные инфинитивы, девербативы), а их мотивация является абсолютно прозрачной для носителей языка и культуры. Ср.: *Zettelfaltveranstaltung* (*Zettel + falten + Veranstaltung*) – активизация сведений о действиях, выполняемых при голосовании; *Rotlichtbestrahlung* (*rot + Rotlicht + Bestrahlung*) – соактивация и активизация сведений о цветовой символике политических движений и на транспорте, в пропаганде и лучевой терапии; *Runderneuerung* (*rund (-> Kreis, Runde) + neu + Erneuerung*) – активизация и соактивация сведений о курсах повышения квалификации и последствиях, наступающих после. По этой причине эффект от использования соответствующих языковых средств оказывается предсказуемым, а сами они воспринимаются как экспрессивные, аттрактивные, эмотивные и, несомненно, прочно запоминающиеся и мощные по своему воздействию.

Наиболее востребованными следует признать такие механизмы порождения изучаемых номинаций событий, которые изменяют соотношение «когнитивный фон – когнитивная фигура», как, например, когнитивная метафора – *Rotlichtbestrahlung* (= *Weiterbildung*), сарказм – *EDV (Ende der Versorgung)* (= *Grenze Ostberlins zu Westberlin*), псевдоцитирование – *sozialistische Wartegemeinschaft* (= *Schlange*) (аллюзия на принятые в определенный период официозные речи).

Адекватное осмысление описанных случаев возможно только при знании когнитивно релевантных признаков референта и параметров ситуации взаимодействия. Другим важнейшим условием является знание признаков номинируемого объекта, по которым категоризируются соответствующие элементы внеязыковой действительности при первичной, вторичной, аксиологической идентификации и при иных стратегиях концептуализации воспринимаемых

¹¹ Дословно: облучение красным светом.

¹² Дословно: обновление по кругу.

¹³ Дословно: мероприятие по складыванию листочка (бюллетеня для голосования).

¹⁴ Дословно: социалистическое сообщество ожидающих. Событием очередь правомерно интерпретировать потому, что ее наличие где бы то ни было означало наличие в продаже какого-либо дефицитного товара.

¹⁵ Дословно: страна с ограниченными невозможностями.

¹⁶ Дословно: конец снабжению/обеспечению.

¹⁷ Дословно: день оставшихся/неуехавших (после «голосования ногами» – массового перехода граждан ГДР границы с Венгрией, предшествующего открытию перехода в Западный Берлин).

¹⁸ Дословно: проблемы/барьеры/сложности/узкие места.

¹⁹ Дословно: недостатки снабжения.

²⁰ Дословно: Нейтронный кофе: «Человек погибает, а чашка остается целой!»

²¹ Дословно: печь – жарить – натирать (пол воском).

²² Дословно: коронация/корона Эриха (аллюзия на руководителя СЕПГ).

сведений. От адресанта требуется также владение набором изофункциональных средств, используемых носителями языка при реализации разнообразных номинативных стратегий.

Таким образом, очевидно, что использование в людической коммуникации разнообразных, первичных и вторичных, средств обозначения некоторого события и/или его отдельных фаз позволяет адресанту не только развлекать своего партнера по коммуникации, но и детально информировать его о событии, его участниках, последствиях, причинах и пр. параметрах обсуждаемого феномена, аргументировать свою интерпретацию, раскрывать свои убеждения, манипулировать восприятием адресата, наконец, структурировать актуальную политическую, медийную, общественную повестку дня, ранжировать события по их значимости здесь и сейчас и пр.

Результаты анализа побуждают поставить несколько значимых вопросов, один из которых таков: для чего же несобытийные имена используются при обозначении событий?

Думается, это происходит потому, что таким образом активизируется и соактивируется комплекс сведений об обязательных и факультативных признаках категории «событие». Благодаря этому коммуниканты максимально «полно» идентифицируют нечто как событие, подводя комплекс разнородных воспринимаемых сведений под категорию «событие». Подобные сведения, как правило, конвенционально не объективируются в такой полноте при решении обсуждаемой когнитивной задачи – категоризация события – в иных обстоятельствах. В результате у реципиента возникает эффект соприсутствия и сопричастности с другими носителями языка в условиях, значимых для носителей культуры, эффект самостоятельной оценки происходящего (а не манипуляции), а также эффект значимости соответствующего события для реципиента лично.

Подведем итоги анализа корреляции названных стратегий.

Полителеологичность, т. е. множественность целей, реализуемых в людической коммуникации, а именно одновременное достижение в одной интеракции нескольких целей, обуславливает подчинение любых частных коммуникативных стратегий людической как доминирующей, как общей для людического общения разного типа. Следствием данного обстоятельства является совстречаемость в одной интеракции людических и аксиологических стратегий, людических и нарративных, людических и дискредитирующих, людических и аргументативных и пр. Реализация людической коммуникации с ее доминантной целью «развлечение» сопровождается и такими стратегиями, как информирование, имиджеподтверждение, социальная критика, социальное регулирование, а также структурирование информационного потока в интересах адресанта.

Для реализации обсуждаемых стратегий в языковой культуре имеются разнородные средства, которые способны интенсифицировать воздействие на коммуникантов, активизировать определенный набор сведений о ситуации и/или ее участниках, обстоятельствах, процессах, которые в некоторой культуре, как правило, не принято эксплицировать в интеракции.

Объяснительная сила предлагаемой нами интерпретации заключается в возможности осмыслить выбор одного номинативного и/или акционального решения из набора тех, которыми располагает языковая культура. Представляется возможным объяснить и выбор носителями языка и культуры средств и способов, предназначенных для реализации названных стратегий, через анализ соответствующих процессов.

Изучение средств и способов порождения людических текстов позволяет обратить внимание на довольно устойчивые корреляции между описываемыми стратегиями, особенно при использовании вторичных номинативных средств. Однако одно-однозначных, линейных, связей между

(1) когнитивно релевантными параметрами элемента действительности,
(2) результатом концептуализации/категоризации комплекса гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений об этом элементе,
(3) средствами номинации результатов концептуализации и/или
(4) способами объективации и соактивации сведений о событии в интеракции
не обнаружено. Тем самым ясно, что необходимо детальное и многоаспектное изучение всесторонних взаимосвязей между всеми четырьмя перечисленными параметрами/факторами анализа.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
2. Universalwörterbuch. A–Z. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich, 1989.

3.   Философский энциклопедический словарь. М., 2002.
4.   Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Источники примеров

Lange B.-L. Bonzenschleuder und Rennrappe // Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten. Stuttgart – Leipzig, 2000. S. 24–32.

Общество немецкого языка (GfdS) – URL: www.gfds.de

Соотношение вербальной репрезентации информации
в русской и английской картинах мира:
проблема частичных совпадений

Аннотация. В статье, основанной на соотнесении объема семантики ряда концептов в современных русском и английском языках, очерчены отличия в их ментальных репрезентациях. Материалом послужили лексикографические и корпусные данные русского и английского языков. Частичные пересечения вербализации информации доказывают, что в языке находят выражение социально весомые и национально значимые материальные и духовные явления. Приведенные аргументы свидетельствуют о национальной маркировке ряда концептов, что выражается в их частично совпадающем семантическом наполнении.

Ключевые слова: картина мира, семантика, концепт, информация, сопоставление языковых данных

А.Е. Levitsky
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Correlation of verbal representations in Russian and English worldviews:
a case of partial co-incidences

Abstract. The article grounds upon the semantic volume correlation of certain concepts in present-day Russian and English languages. It aims at focusing differences of their mental representations. Russian and English lexicographic and corpora data serve as material for this research. Partial correspondences of information verbalization prove the fact that the language reflects material and spiritual phenomena of social and national importance. The argumentation rests upon paying attention to the national tint of those concepts, which finds its reflection in their semantics.

Keywords: worldview, semantics, concept, information, language data correlation

В современной лингвистике исследование концептов отражает особенность языкознания нынешнего времени, а именно «ярко выраженный интерес к металингвистическим построениям» [1, с. 155], которые закладывают основы новых подходов к изучению языка. Концепт и стал одним из ключевых терминов когнитивно-дискурсивной парадигмы, а его лингвистический анализ вошел в ряд «выбираемых методик и конкретных процедур» [1, с. 169], моделей формализации, приемов и способов постижения соотношения языка и мышления. Именно концепт служит ключом к объяснению работы нашего сознания, включая получение, обработку, хранение и передачу информации в процессе коммуникации.

В последние десятилетия появилась возможность представить когнитивную деятельность индивида и общества в целом сквозь призму ее результатов, отраженных в процессах вербализации внеязыковых данных и последующей коммуникативно-деятельностной активности человека. Изучение концептов как ментальных репрезентаций, с одной стороны, и разработка основ вербализации процесса познания мира, с другой, уже позволили расширить и углубить антропоцентрический подход в современном языкознании [2].

Выделение концептов и их лингвистический анализ проводятся в соответствии с принципиальными установками когнитивно-дискурсивной парадигмы – антропоцентризма, экспансионизма, функционализма и экспланаторности [1, с. 207]. Названные выше принципы являются основными чертами методики анализа данных системы языка как результатов деятельности индивида, используемых для отражения его этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических, включая познавательные, особенностей. Язык, таким образом, определяется как вербальная составляющая процесса реализации мыслительной деятельности в ходе передачи ее продуктов как в рамках одного социума, так и коммуникативным партнерам вне его. Именно поэтому нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой [1, с. 230], отмечавшей интегральный характер когнитивно-

дискурсивной парадигмы знания – «функциональной по своей направленности, конструктивной по своему духу». Концептуальный анализ языка [3], концептуализация мира в языке [4], а также исследование концептуального пространства языка [5] послужили отправными пунктами современного изучения концептов в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Палитра перспективных исследований концептов включает и подход к анализу языка как системно-структурного образования, способного отразить этнические, гендерные, возрастные, статусные и психологические особенности передачи информации индивидами не только внутри своих социумов и культур, но и шире – в процессе взаимодействия с представителями иных социальных и культурных групп. Концепты дают возможность зафиксировать результаты познавательной деятельности этноса по восприятию мира, помочь сопоставить различные способы получения, членения, обработки, хранения и передачи информации. Таким образом, речь идет о реализации этно- и социокультурных особенностей мышления и языка.

В языке находят свое выражение социально весомые и национально значимые материальные и духовные явления. Приведенные выше аргументы свидетельствуют о национальной маркировке концептов определенного этнического сообщества, что выражается не только в существовании специфических показателей жизни народа (ср. концепты ЕДА, ОДЕЖДА и FOOD, CLOTHES и т. п.), но и в неповторимом семантическом наполнении концептов, вербализуемых в разных языках мира, которые не полностью совпадают по объему (ср. вербализацию концептов ИСТОРИЯ средствами русского языка и HISTORY / STORY – английского). В первом случае речь идет о сильном этнокультурном компоненте, поскольку, к примеру, еда и одежда в разных лингвокультурах относятся к наиболее доместицированным зонам лексики. Как правило, *окрошка*, *свекольник*, *мокасины*, *валенки* и ряд других лексем нуждаются в комментировании. Несмотря на то, что *равиоли* и *пельмени* очень похожи по многим параметрам, их имена следует отнести к лексемам, лишь частично совпадающим между собой по значению. Схожим образом частично пересекаются по семантике и концепты как маркеры различных культур.

Так, соотношение объема семантики концептов ИСТОРИЯ :: HISTORY / STORY и НАУКА / ИСКУССТВО :: SCIENCE / ART в современных русском и английском языках очерчивает отличия в их ментальных репрезентациях. Материалом послужили лексикографические и корпусные данные русского и английского языков. В результате анализа выявлены две модели частичных совпадений в вербальной репрезентации и объеме семантики сопоставляемых концептов.

Согласно первой из них, в одной картине мира информация вербализуется в едином концепте, а в другой – она членится между разными концептами. Так, существенны расхождения в вербальных репрезентациях информации об истории стран и человеческих сообществ, а также историй из жизни, которые имеют индивидуально-личностную ценность. В русской картине мира зафиксировано совпадение в «теле» одного языкового знака (*история*) разных значений ('процесс развития природы и общества', а также 'события, реальные или вымышленные, представленные в форме повествования'), что представляется как составные части семантики концепта ИСТОРИЯ. В то же время в английской картине мира этот же объем информации членится между разными концептами HISTORY и STORY, что отражено разными ключевыми вербальными репрезентантами – *history* и *story* соответственно.

Согласно второй модели, в обеих картинах мира существуют схожие концепты, однако объем их семантики отличается. Так, объем семантики концепта НАУКА в русской картине мира шире за счет объединения субконцептов (ЕСТЕСТВЕННЫЕ и ГУМАНИТАРНЫЕ), в то время как в английской картине мира концепт ИСКУССТВО шире за счет включения в него ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. Данная модель уже попадала в наше поле зрения (см., напр., [6, с. 33–36]).

Частичные совпадения в способах вербализации информации доказывают, что в языке находят отражение социально весомые и национально значимые материальные и духовные явления. Приведенные аргументы свидетельствуют о национальной маркировке ряда концептов, что выражается в их частично совпадающем семантическом наполнении.

Остановимся подробнее на особенностях первой модели частичных совпадений в вербальной репрезентации концептов русского и английского языков. Так, для определения средств вербализации концепта ИСТОРИЯ в русском и HISTORY / STORY – в английском языках были обработаны данные толковых словарей обоих языков, дефиниции которых позволили сопоставить объем их семантики.

В данных культурных концептах доминантной составляющей содержания выступают социальный и культурный опыт, так как само явление носит ярко выраженный социокультурный характер. Так, например, в английском концепте HISTORY выражается как «изучение определенных

событий прошлого или человечества в целом, опыт взаимодействия с окружающей средой, хронология событий прошлого. Подобного рода исторический опыт иногда может быть отражен в исторических пьесах. Так, словосочетание *historic play* было иллюстрировано, как “Shakespeare’s comedies, histories, and tragedies”»¹.

Средства вербализации концепта STORY характеризуются как устное или письменное описание человеческой жизни, событий реальных и вымышленных (ложь или оправдание); коммерческие перспективы².

В случае же концепта ИСТОРИЯ мы имеем «развитие общества и природы; совокупность фактов и событий; прошлое людей и события, имевшие место быть; наука о культуре, человеке как таковом, знании и исторических процессах»³.

Средства объективации у сопоставляемых концептов в английском и русском языках в целом схожи. Сходство состоит в однородности смысла, который заложен в лексемах *история*, *history* и *story*. С одной стороны, как накопление фактов и знаний о развитии человеческого общества (русск. *история* и англ. *history*), а, с другой, отдельные события и происшествия (русск. *история* и англ. *story*).

Данные английского и русского языков позволяют отметить изоморфизм в реализации семантики концептов ИСТОРИЯ и HISTORY: 1) законы развития общества («пытаться приостановить закономерный ход исторического развития»); 2) репрезентации исторических событий в форматах культуры (“Any *history* of the Third Reich is a terrible morality play, a tragic lesson in how not to think or act”); 3) опыт взаимодействия с окружающей средой (“There is a long *history* of experience with hazardous waste incineration”)⁴.

Изоморфизм в репрезентации концептов ИСТОРИЯ и STORY наблюдается в отражении: 1) устного или письменного описания человеческой жизни, которые могут принимать форму слуха или служить сюжетом для чего-либо (“The film is the *story* of their friendship”); 2) коммерческих перспектив (“the investors’ flight to profitable businesses with solid *stories*”); 3) описания прошедшего с намерением представить факты истинно или ложно (“Ellie never told *stories* – she had always believed in the truth”); 4) оценки произошедших событий (“Do you expect me to believe that ridiculous *story*?”); 5) сути новостной программы (“The murder was a front-page *story* in the local newspaper”)⁵.

Средства вербализации концепта HISTORY включают единицы, обозначающие «определенный исторический период, этап развития той или иной страны в историческом процессе, субъект воздействия истории». Кроме того, речь идет и об объектах взаимодействия человека с миром, ср. «опыт взаимодействия с окружающей средой». Этими объектами являются «вещи, места, группы людей или одна персона»⁶.

В случае со STORY речь идет об «устном или письменном описании человеческой жизни». Соответственно, данные события имеют отношение к «прошлому», описывая «факты и фоновую ситуацию», которые иногда превращаются в «слух» или «сюжет»⁷.

В семантике концепта ИСТОРИЯ выделяются значения, связанные с ядерным смыслом «развитие общества и природы», согласно которым развитие имеет определенные «законы», и оно может подразделяться на «факты и события»⁸.

Средства выражения у концепта ИСТОРИЯ в английском и русском языках схожи в обозначении истории как этапа развития той или иной страны в историческом процессе, фактах и событиях прошлого.

Отметим, что мини-опрос информантов-носителей русского языка в целом подтвердил полученные результаты. Так, студентам ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова 18–23 лет (20 девушкам и 10 юношам) предлагался вопрос: «Дайте определение слова *история*». Предполагалось, что опрошенные могут дать более одного ответа.

¹ <https://en.oxforddictionaries.com>.

² <https://www.macmillandictionary.com>; <https://gufo.me/dict/kuznetsov>; <https://dictionary.cambridge.org/ru>.

³ <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

⁴ <https://www.macmillandictionary.com>; <https://gufo.me/dict/kuznetsov>; <https://dictionary.cambridge.org/ru>; <https://en.oxforddictionaries.com>.

⁵ <https://www.macmillandictionary.com>; <https://gufo.me/dict/kuznetsov>; <https://dictionary.cambridge.org/ru>; <https://en.oxforddictionaries.com>.

⁶ <https://www.macmillandictionary.com>; <https://dictionary.cambridge.org/ru>; <https://en.oxforddictionaries.com>. Перевод наш. – А. Л.

⁷ <https://www.macmillandictionary.com>; <https://dictionary.cambridge.org/ru>; <https://en.oxforddictionaries.com>. Перевод наш. – А. Л.

⁸ <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

Наиболее распространенным ответом оказались «наука» (12 ответов) и ответы, содержащие упоминание событий (16 ответов), включая их ход / череду / цепь / хронологию, изложение и совокупность фактов. Значительно реже встречаются следующие ответы: «просто история», «прошлое», «пересказ личного опыта» (по 2 ответа), «короткий рассказ из жизни», «эпизод», «жизнь», «опыт эмоций», «социальные изменения» (по 1 ответу). Отдельно стоит «школьный предмет» (1 ответ).

В заключение отметим, что перспективным направлением раскрытия особенностей познавательных процессов можно считать выявление ментальных репрезентаций и структуриацию полученных данных для вербальной репрезентации концептов. Данный подход позволяет конкретизировать наше представление о системах и структурах языков, раскрыть роль этнокультурного и социального факторов в обеспечении отображения мировосприятия вербальными средствами.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века*. М., 1995. С. 144–238.
2. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988.
3. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.; Калуга, 2007.
4. Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М., 2009.
5. Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005.
6. *Левицкий А.Э., Славова Л.Л.* Сравнительная типология русского и английского языков: Учеб. пособие. Смоленск, 2016.

Экспериментальное исследование различий
в когнитивной интерпретации звуковых ощущений
в английском и русском языках

Аннотация. В статье предпринимается попытка разграничить значения слов *треск* и *хруст*, *crack* и *crunch*, репрезентирующих звуковые ощущения в русском и английском языках, на основе экспериментальных лингвистических процедур (семантического и ассоциативного экспериментов). Рассмотрена процедура экспериментального исследования, и описаны спорные аспекты ее практического использования для изучения слов *треск* и *хруст*, *crack* и *crunch*. Показано, как когнитивная интерпретация значения синонимов позволяет их разграничить и объяснить различия в употреблении.

Ключевые слова: семантический эксперимент, ассоциативный эксперимент, звуковые ощущения, семантико-когнитивный признак

A.L. Los'
National Research University of Electronic Technology
Moscow

Experimental study of differences
in cognitive interpretation of meanings of the words
representing auditory sensations in English and Russian

Abstract. The article attempts to differentiate the meanings of the words *треск* and *хруст*, *crack* and *crunch* representing sound sensations in Russian and English, based on experimental linguistic procedures (semantic and associative experiments). The procedure of experimental research is considered, and the controversial aspects of its practical usage for studying the words *треск* and *хруст*, *crack* and *crunch* are described. It is shown how the cognitive interpretation of the meaning of synonyms allows distinguishing their meaning and explaining the differences in their usage.

Keywords: semantic experiment, associative experiment, auditory sensations, semantic-cognitive feature

В любой науке для подтверждения гипотез используется эксперимент, который определяет надежность и достоверность полученных результатов. Важным аспектом когнитивных лингвистических исследований является возможность проведения эксперимента, что, в свою очередь, приближает лингвистику к точным наукам, которые не обходятся без экспериментального подтверждения данных.

Экспериментальные процедуры, такие как ассоциативный и семантический эксперименты, используются в когнитивной лингвистике при исследовании языкового содержания концептов и семантики слов в целом, для анализа и последующего объяснения функционирования языковых явлений. Применения чисто лингвистических процедур (компонентного, дистрибутивного, контекстуального анализа) недостаточно, поскольку они в большей степени имеют описательный характер. Результаты анализа семантического и ассоциативного экспериментов обобщаются в когнитивную интерпретацию. В обоих случаях когнитивная интерпретация представляет собой набор семантико-когнитивных признаков, но их суть и формулировки различны в той мере, в какой отличаются цель, процедуры проведения этих двух экспериментов и полученные данные.

Ассоциативный эксперимент в общем понимании строится на базе исследования ассоциативных характеристик, связанных со словом-стимулом, и закрепленных за ними в сознании понятий. Испытуемые описывают ассоциации словами или выбирают их из предложенного перечня. Описание ассоциаций происходит спонтанно, без раздумий. Полученные в ходе ассоциативного эксперимента ассоциации обобщаются в семантико-когнитивные признаки, которые формируют основу когнитивной интерпретации [1]. Касательно процедуры проведения ассоциативного эксперимента возникает вопрос по оптимальному количеству испытуемых и по количеству ассоциаций, достаточных для того, чтобы сформулированные когнитивные признаки были

обоснованы и давали полное и исчерпывающее описание значения исследуемого слова или группы слов – репрезентантов концепта. Поскольку в ассоциативном эксперименте может участвовать абсолютно любой человек, владеющий исследуемым языком, и никаких особых требований к испытуемым не предъявляется, то количество испытуемых может быть достаточно большим – от 100 до 150 человек. Для ассоциативного эксперимента именно такое количество является приемлемым [2; 3], для того чтобы результаты были обоснованы. Важно также, чтобы испытуемые были заинтересованы в исследовании и четко понимали, что от них требуется. Число ассоциаций, соответственно, ограничено количеством испытуемых.

Семантический эксперимент построен по-иному. Его цель – выявить правильность / неправильность нормированного использования лексической единицы в предложенных высказываниях и далее – полную сочетаемость этой единицы [4; 5]. Данные анализа и обобщения сочетаемостных характеристик слова позволяют сформулировать семантико-когнитивные признаки, составляющие его значение, и тем самым уточнить значение, опираясь на объяснение когнитивных связей между языковыми явлениями и процессами. Перечень семантико-когнитивных признаков составляет когнитивную интерпретацию значения исследуемого слова или группы слов. Соответственно, в семантическом эксперименте нужна не спонтанная реакция, а обдуманый, взвешенный ответ по поводу возможности / невозможности употребления единицы в данном высказывании. В семантическом эксперименте может участвовать не каждый, а только носитель языка, владеющий языком на высоком уровне. Поэтому количество информантов в семантическом эксперименте гораздо меньше, чем в ассоциативном, и варьируется от 5 до 10 человек [6]. Такое количество информантов мы считаем обоснованным, поскольку если ответы информантов согласованы и не противоречат друг другу, то по 5–10 оценкам можно судить о правильности / неправильности использования единицы в заданном контексте; если же оценки, данные информантами высказыванию, диаметрально противоположны, это означает, что данный контекст употребления требует дополнительного изучения. Более того, как показывает опыт, найти большое количество информантов, владеющих языком и заинтересованных в исследовании, не так просто. Владение языком и интерес к исследованию являются двумя равнозначными факторами для приглашения информантов к участию в эксперименте.

Еще один вопрос при подготовке и проведении лингвистических экспериментов связан с величиной экспериментальной выборки контекстов для оценки информантами в случае проведения семантического эксперимента и количеством слов-стимулов в одной анкете, предъявляемой испытуемым, в случае проведения ассоциативного эксперимента. На наш взгляд, величина экспериментальной выборки для предъявления информанту за один раз должна содержать не более 15 контекстов, чтобы информант не устал и уделил одинаковое время оценке каждого из 15 высказываний. Количество слов-стимулов в анкете для испытуемых в ассоциативном эксперименте также не должно быть слишком большим.

Семантический и ассоциативный эксперименты различаются не только количеством испытуемых / информантов, целью и процедурой проведения, но также и характером получаемых данных и принципами их интерпретации. При исследовании различий в значениях слов *треск* и *хруст*, *crunch*, *crack*, *crackle*, *crackling*, описывающих звуковые ощущения в русском и английском языках, были использованы данные семантического и частично ассоциативного экспериментов.

Необходимость исследования различий между звуковыми ощущениями *треск* и *хруст* обусловлена тем, что в толковых словарях слово *хруст* толкуется через слово *треск*:

хруст – треск при разламывании чего-н. хрупкого; негромкий трещащий звук [7]; сухой треск от чего-л. ломающегося, раздробляемого [8]; треск чего-н. хрупкого, ломающегося, раздробляемого [9].

Также в словарных определениях обоих слов есть сходные составляющие:

треск – резкий сухой звук, издаваемый ломающимся, лопающимся предметом [8].

В качестве синонима к слову *треск* в словарях синонимов предлагается слово *хруст*. И действительно, есть контексты, в которых эти слова взаимозаменяемы, например, *хруст / треск веток*, *громкий треск / хруст*. При этом после замены слова *хруст* на слово *треск* в предложении *Он услышал хруст веток под ногами* у большинства информантов, участвующих в нашем эксперименте, возникли сомнения по поводу правильности полученного высказывания: *Он услышал треск веток под ногами*. Также есть контексты, в которых нельзя заменить один синоним другим: *Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с треском распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг*. Если в данном контексте слово *треск* заменить на слово *хруст*, то высказывание станет неправильным:

*Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с хрустом распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг.

Подобная ситуация наблюдается с английскими эквивалентами звуковых ощущений *треск* и *хруст*, которые также имеют сходное описание:

crunch – the sound of hard food being crushed between the teeth, or like something being crushed or broken [10];

crack – a sudden sharp noise (as of a rifle, or whip, or smth. breaking) [11];

crackle – a series of small sharp sounds [10];

crackling – a series of sharp sounds [10];

crash – a sudden loud noise [11].

Исходя из рассмотренных определений, можно заключить, что в английском языке звуковые ощущения *crunch*, *crack*, *crackle*, *crackling*, *crash* в лексикографических источниках описываются сходно, и проследить отличия между этими разными звуковыми ощущениями сложно. Более того, наличие сходных контекстов употребления, например, *crunch of broken glass*, *crash of broken glass* и др., указывает на необходимость разграничения значений этих слов. При этом также хотелось бы выявить различия в репрезентации английских эквивалентов, описывающих звуковые ощущения *треск* и *хруст*.

Для уточнения различий между значениями слов *треск* и *хруст* и между значениями их эквивалентов *crack* и *crunch* использовалась процедура, включающая несколько этапов: отбор контекстов с исследуемыми словами в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ)¹ и в Британском (British National Corpus, далее BNC)², Американском (Corpus of Contemporary American English, далее COCA)³ корпусах текстов; обобщение выборки контекстов; предварительный анализ; формирование экспериментальной выборки контекстов для оценки информантами и подготовка анкеты для опроса испытуемых на предмет ассоциаций; обработка результатов; формулирование семантико-когнитивных признаков; проверка признаков через сочетаемость в НКРЯ или – в случае английских лексем – в англоязычных корпусах текстов; повторное формирование экспериментальной выборки и окончательное формулирование признаков когнитивной интерпретации значений слов *треск*, *хруст* и их английских эквивалентов с тем, чтобы выявить сходные и отличительные семантико-когнитивные признаки, составляющие интерпретацию, и тем самым показать различия в языковой репрезентации звуковых ощущений *треск*, *хруст* с одной стороны, и изучить различия в репрезентации английских эквивалентов этих звуковых ощущений, с другой.

В НКРЯ для слова *треск* было найдено около 6000 вхождений, из них более двух третей повторяющихся, сходных контекстов. Например, сочетание *с треском провалиться* в идентичных и различных более широких контекстах встретилось более 100 раз. После отсекающих повторяющихся контекстов основная выборка составила 200 контекстов употребления. Отметим, что, с одной стороны, количество контекстов в основной выборке должно быть не очень большим, пригодным для анализа. Ведь исследователю для полной картины приходится работать со всеми контекстами одновременно. И если количество контекстов в основной выборке будет чрезмерно большим, то этот процесс будет затруднен. С другой стороны, количество контекстов должно быть достаточным для того, чтобы итоговый перечень и содержание семантико-когнитивных признаков были исчерпывающими и – в нашем случае – позволили выявить различия между репрезентациями в языке двух разных звуковых ощущений. Для нашего исследования 50–200 контекстов в основной выборке единиц *треск*, *хруст*, *crack*, *crunch*, отвечающих за звуковые ощущения, мы сочли оптимальным количеством. После обобщения контекстов со словом *треск* получилась следующая основная выборка:

громкий / оглушительный / сильный / оглушающий / непрекращающийся / сухой /
подозрительный / противный / резкий треск;
треск веток / ломающихся сучьев / дерева / костей / горячей соломы и бревен / рвущейся ткани /
мотора / огня / автоматных очередей; характерный треск сминаемых кустов;
треск стоял / прекратился / пошел;
с треском ворвался / с треском покатился / с треском распахнулась и др.

¹ Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа <https://ruscorpora.ru/new/search>, свободный (дата обращения: 24.04.2022).

² British National Corpus [электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.english-corpora.org/bnc/>, свободный (дата обращения: 25.04.2022).

³ Corpus of Contemporary American English [электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.english-corpora.org/coca/>, свободный (дата обращения: 28.04.2022).

В результате проведения ассоциативного эксперимента к слову *треск* были предложены следующие ассоциации (в список вошли только те, которые были у большего количества испытуемых): *звук, шум, дерево, ломать, ветка, хруст, лед, сучья, громкий*; на дополнительные ассоциации во фразах (спонтанный ответ на вопрос: *треск какой?* или *треск чего?*) были получены следующие ответы испытуемых: *треск – громкий, ужасный, постоянный, звонкий; треск веток, треск сучьев.*

У английского аналога *crack* по результатам обобщения контекстов использования в корпусах BNC и COCA выявлена следующая сочетаемость:

crack of the whip / of the skull / of a leg bone / of a bone / of a glass pane / of a rifle / of pistol / of the gun / of the gunshot / of breaking stone / of another can opening behind her / of a bamboo cane / of the rod / of an open door; crack of the axe against bone; big / loud / sharp / strange / fair / dull crack.

Перечень ассоциаций со словом *crack* (спонтанный ответ на вопрос: *crack of what?*) включает:

crack of dawn / pistol / sky / whip / thunder / shot и др.

Основная выборка для слова *хруст* составила 100 контекстов. Приводим основные контексты употребления этого слова:

противный / характерный / легкий / отвратительный / жуткий / резкий / странный / негромкий / отчетливый / слабый / сухой / мерзкий / короткий / страшный / глухой / смачный / тошнотворный / сочный / подозрительный / знакомый хруст; хруст костей / веток / позвонков / пальцев / снега / гравия / шагов / ветвей / суставов / песка / до хруста в костях; хруст за спиной / под ногами; хруст стоял / повторился / прекратился / пошел и др.

Ассоциации со словом *хруст*: *звук, сухарики, снег, зубы, огурец, сустав, сук, морковь, ветка* и др. На дополнительные ассоциации во фразах (спонтанный ответ на вопрос: *хруст какой?* или *хруст чего?*) были получены следующие ответы испытуемых: *хруст – громкий, мерзкий, неприятный; хруст костей, зубов, снега, суставов* и др.

Английская лексема *crunch* сочетается с следующими словами:

crunch of the apple / of the tree / of their scooping teeth / of tyres on gravel / of car wheels on gravel / of wheels on the stones / of metal / of gravel / of their feet on the crusted snow / of breaking bones / of crisps / of glass under her feet / of mailed feet on the hard ice; sharp / sickening / grinding / faint / satisfying crunch и др.

После анализа сочетаемостных характеристик и проверки спорных словосочетаний путем предъявления экспериментальной выборки контекстов информантам были выявлены отличительные семантико-когнитивные признаки в составе значения звуковых ощущений *хруст, crunch* и *треск, crack*.

Хруст – это звуковое ощущение от 1) трения двух объектов друг о друга в результате 2) силового воздействия (надавливания) и / или 3) движения и / или 4) тотального разрушения одного из объектов на мелкие части. При этом 5) поверхности обоих объектов / одного из объектов полностью задействованы. В интерпретации значения английского эквивалента *crunch* признак 5) дополнен тем, что один из объектов взаимодействия представляет собой твердую измельченную субстанцию, как в примере: *Now there were more footsteps and the crunch of car wheels on gravel / Теперь слышались еще шаги и шум колес автомобиля, подъезжающего по дороге из гравия* (два объекта взаимодействия: *колеса автомобиля* и *гравий* – твердая измельченная субстанция). При этом, несмотря на кажущееся сходство по основным признакам интерпретации, слова *хруст* и *crunch* репрезентируют не совсем сходные звуковые ощущения. Например, сочетание *the crunch of car wheels* передается на русский язык как *шум колес автомобиля* (не *хруст*). И в предложении *The car hit the tree with a loud crunch* (*Машина врезалась в дерево с громким треском*) английское звуковое ощущение *crunch* передается на русский язык словом *треск*, а не *хруст*.

Треск – это звуковое ощущение от 1) разрушения одного объекта на 2) две, реже более частей, что предполагает нарушение целостности объекта; 3) целостность объекта может быть также не нарушена (*глыба с треском врезалась в бетонный столб, яхта не успела замедлить ход и с треском врезалась в причал, дверь с треском распахнулась*). Звуковое ощущение *треск* является результатом 4) движения объекта или воздействия на него другим объектом; при этом 5) площадь соприкосновения двух объектов частичная. В интерпретации значения английского эквивалента *crack* модифицируются признаки 4) звуковое ощущение *crack* может быть результатом трения двух объектов, и 5) площадь соприкосновения объектов может быть

полностью задействована, ср.: *crack of the whip; crack of his skull and his cries of pain; crack of a leg bone.*

Из представленных интерпретаций видно, что значения слов *треск* и *хруст* отличаются по следующим семантико-когнитивным признакам: 1) источнику силового воздействия на объекты; 2) площади соприкосновения объектов; 3) степени нарушения целостности объектов, участвующих в производстве звуковых ощущений *треск* и *хруст*. Английские эквиваленты звуковых ощущений *треск* и *хруст* помимо сходных сочетают в своей интерпретации некоторые отличающиеся признаки, в том числе характерные для значения единиц, описывающих другие звуковые ощущения. Так, английский эквивалент звукового ощущения *хруст* (*crunch*) помимо сходных признаков имеет в интерпретации значения некоторые из признаков, входящих в значение слова *треск*.

Исследование репрезентации звуковых ощущений показывает, что анализ как семантической, так и психологической составляющей значения слов, представляющих звуковые ощущения, играет важную роль в описании различий значений номинантов звуковых ощущений. При этом когнитивная интерпретация значения позволяет выявить и объяснить эти различия. Вместе с тем в английском и русском языках эквивалентные номинанты звуковых ощущений репрезентированы по-разному. Различия в восприятии и репрезентации сходных звуковых ощущений в разных языках говорят о специфических особенностях восприятия звуков и их актуализации в разных культурах.

Литература

1. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–125.
2. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011.
3. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65–69.
4. Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР СЛЯ. 1988. Т. 47. № 5. С. 431–443.
5. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
6. Сулейманова О.А., Фомина М.А. Верификационный потенциал семантического эксперимента // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 2 (34). С. 15–28.
7. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2015.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 4. М., 1999.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Н.Ф. Татьянченко. М., 2005.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / Ed. by A.S. Hornby, J. Crowther. London, 1999.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / Ed. by A.S. Hornby. London, 1985.

Кросс-культурная интерпретация аксиогенного события в искусстве

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения термина *аксиогенное событие* в отношении фактического исторического события в области искусства. Проводится анализ фрагментов англоязычного искусствоведческого дискурса с целью установления соответствия мероприятия признакам аксиогенного события. Выявляется, что событие, имеющее ценностнопорождающий потенциал, способно воздействовать на концептуальные представления участников и выступать в качестве точки бифуркации системы социокультурного знания.

Ключевые слова: аксиогенное событие, ценность, интерпретация, разрыв, точка бифуркации

N.Yu. Sokolova
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg

Axiogenic Art Event: Cognitive Bases of Cross-Cultural Narrative

Abstract. The article discusses the possibility of the use of the term *axiogenic event* when speaking of an actual, historic art event. The paper analyzes fragments of the anglophone art discourse in order to establish the compliance of an event with the characteristics of an *axiogenic event*. It is found that an event with the capacity to generate values can affect the conceptualization of its participants and act as the bifurcation point of the system of sociocultural knowledge.

Keywords: axiogenic event, value, interpretation, gap, bifurcation point

К разработке понятия и истолкованию сущности ценности общественная мысль обращается к античным временам. Известны попытки определения природы и онтологического статуса ценностей, предпринимаемые в рамках различных, исторических и современных, аксиологических концепций. Технологические достижения последних десятилетий, практически всеобъемлющая цифровизация разных сфер существования индивида, включая познавательную и духовную, побуждают разрабатывать новую «оптику» для рассмотрения ценностного компонента с актуального ракурса. Круг интересов исследований, проводимых в русле когнитивной науки, включает проблемы способов взаимодействия категоризации событий с аксиологическим аспектом их репрезентации, а также вопросы о когнитивных механизмах формирования, изменения, преломления универсальных человеческих, культурных и материальных, ценностей.

Термин *аксиогенная ситуация* или *аксиогенное событие* в научный обиход введен В.И. Карасиком, который предлагает считать аксиогенную ситуацию единицей ценностной картины мира [1]. Основной характеристикой аксиогенного события как разновидности аксиогенной ситуации считается бинарность структуры с инициальной и финальной стадиями, последняя из которых должна обладать непредсказуемостью разрешения [1, с. 75]. Кроме конкретики и наличия реальных или придуманных участников, аксиогенная ситуация обладает следующими системообразующими признаками:

- положение дел, заслуживающее внимания;
- положение дел, допускающее переосмысление и выражающее некую ценность как высший ориентир поведения.

В качестве основных жанров закрепления и интерпретации аксиогенных событий называются легенды, пословицы, притчи, анекдоты и нарративы. При этом номинации аксиогенных ситуаций отражают определенную степень сценарности, указывающей на рекуррентность, повторяемость – например, аксиогенная ситуация «предательство своих», «целесообразная жертва» и т. д. [2, с. 566–568].

Термин *аксиогенная ситуация* / *аксиогенное событие* предложен в рамках лингвокультурологии. Вместе с тем его употребление видится обоснованным в русле общей

когнитивно-дискурсивной парадигмы (скажем, при исследовании институциональных дискурсов, например искусствоведческого), в русле которой рассматриваются когнитивные механизмы формирования ценностей, их взаимодействия в кросс-культурном ментальном и физическом пространстве, поддержания межкультурного диалога.

В данной работе предпринимается попытка определить возможность применения термина *аксиогенное событие* по отношению к конкретному, единичному событию в области искусства, а также рассмотреть специфику кросс-культурной интерпретации события как аксиогенного.

В ходе работы с текстами англоязычных специалистов в области изобразительного искусства советского и постсоветского периода интерес автора данной работы вызвали публикации о первом в СССР коммерческом аукционе «Сотбис», проведенном в Москве эпохи гласности в 1988 г. Аукцион получил название «Русский авангард и современное советское искусство», и привлек коллекционеров из разных стран, известных и состоятельных людей, большое количество журналистов, и стал предметом обсуждения среди представителей правящей и культурной элит. По свидетельствам отдельных участников, он запечатлелся в памяти как своеобразное воплощение эпохи гласности и, по оценкам как зарубежных, так и отечественных специалистов, явился поворотной точкой в межкультурном взаимодействии советского и западного образов мировосприятия в области искусства. Вместе с тем, признавая безусловную значимость, беспрецедентность и сложность реализации этого коммуникативного события на нескольких уровнях (культурном, дипломатическом, политическом), эксперты задаются вопросом, что именно запечатлело его в памяти современников. В одном из русскоязычных интервью Джо Викери, на тот момент главный специалист по русскому искусству в Sotheby's, высказывает удивление той мерой, в которой аукцион стал «легендой» и свидетельствует о том, «насколько эмоционально затронуло людей в культурном мире это событие, насколько это был важный социальный момент» [3].

Особый интерес представляют письменные свидетельства самих зарубежных участников и организаторов аукциона, так как содержат вербализованный результат восприятия и интерпретации. Обращение к ним показывает, что закрепление его в общественном сознании в качестве «легенды» может объясняться аксиогенностью события.

Что касается такого признака аксиогенной ситуации, как конкретика и наличие реальных участников, то соответствие ему не вызывает сомнения – это исторический факт.

Проиллюстрируем на примерах соответствие аукциона такому признаку аксиогенного события, как положение дел, заслуживающее внимания.

- (1) **The Sotheby's sale was a miracle of engagement** for two sides that had long stood in emblematic opposition to each other, and if one accepts that the function of art is ultimately communication, then **this sale was itself a work of art** [4, p. 32].

Прибегая к метафоризации и называя аукцион *a miracle of engagement, a work of art*, автор фрагмента указывает на исключительную значимость события через выражение личного воодушевления и стремления передать его реципиенту. Событие автор интерпретирует как сообщение само по себе – знак, символически заключивший в себе наметившийся перелом в отношениях двух прежде противостоящих друг другу сторон. Употребление языковой метафоры репрезентирует категоризацию события как аксиогенного ввиду того, что его результатом стало фактическое сближение двух миров – советского искусства и западной аудитории.

- (2) ... **the auction was a pivotal moment** because everybody who witnessed it saw the prices that these artists' works could command, **even when they were the so-called outcasts of society** [5].

С точки зрения адресанта, аукцион не просто выступил заслуживающей внимания ситуацией, но стал переломным моментом для нонконформистских художников, которые до того дня считались маргиналами в официальном искусстве и, как следствие, в традиционном соцреалистическом обществе. Оценка их произведений культурно и идеологически противопоставленной им стороной, оценка, имевшая высокое монетарное выражение, повлекла за собой коренную перемену прежде всего в их собственной оценке своего творчества и творческого потенциала. Неслучайно после аукциона многие участники эмигрировали на Запад (Гриша Брускин, Вадим Захаров, Илья Кабаков). Подтверждением того, что аукцион можно рассматривать как аксиогенную ситуацию, стал и тот исторический факт, что он привлек и в последующие годы укрепил невиданное раньше внимание западных коллекционеров, галеристов, арт-критиков к советскому неофициальному искусству.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие соответствие аукциона такому признаку аксиогенной ситуации, как положение дел, допускающее переосмысление и выражающее некую ценность как высший ориентир поведения.

- (3) **At one stage**, I casually enquired if he (an official from the Ministry of Culture) thought there would be a chance that Sotheby's could organize an auction in Moscow. **I was expecting him to laugh, but to my great surprise he was open to the idea and asked which artists I thought should be included**, to which I responded that there should be partly pioneers of Russian art and partly unofficial artists, such as Ilya Kabakov, Erik Bulatov and Oleg Vassiliev. **He said he thought it was an interesting idea**... [5].

Пример (3) иллюстрирует вербализацию основной характеристики аксиогенной ситуации – бинарность структуры с инициальной и финальной стадиями, последняя из которых отмечена неожиданностью ее разрешения. В данном случае неожиданностью явилась реакция советского чиновника и, как следствие, проведение аукциона, о котором ранее, по имплицитно выраженному мнению нарратора, можно было и не помышлять. Иными словами, между двумя противопоставленными сторонами – представителями Запада и Советского Союза – возникла ценность, ставшая возможной в эпоху гласности – кооперативное сотрудничество в искусстве на уровне государственных структур.

Кроме государственной кооперации как ценности, имеющей значение для ведения официальной политики в области искусства, возникает также нематериальная ценность, имеющая вполне материальное выражение, а именно формирование обобщенного образа современного советского художника, воплощенного представителями изобразительного искусства и их работами.

- (4) **They are mostly young. They are sophisticated**, in that they are well aware of what is going on in painting in the West. **They are Soviet**, in the sense that they reject both imitation and the asocial content of the most contemporary Western art. **They are strikingly immune**, for instance, **to the Western weakness for decorative introspection**. There is also **a special Russian wit, a satirical bite even**, in the best of their paintings. **They are, as painters should be, eye-openers**. They say a great deal about this **exciting period of Soviet history** [6].

Как следует из примера (4), который полностью состоит из оценочных суждений, возникает образ современного советского художника, который имеет ценность не только благодаря своему молодому возрасту или профессиональной искушенности, но также ввиду своей «советскости», которая выгодно противопоставляется западной манере художественного выражения мысли. Через исключительно положительную оценку современных художников представитель западного мира благосклонно (*exciting*) оценивает и соответствующий период в советской истории вопреки коренящимся в сознании стереотипам о взаимоотношениях двух полюсов. Языковым выражением категоризации вновь служит метафора: *they are eye-openers* – неожиданное, удивительное, меняющее прежнее представление о жизни явление.

Наряду с обобщенным образом советского художника как новой ценностью, таковой стали и новые имена.

- (5) **When it came to the unofficial artist, it was unbelievable**, particularly with the record for **Grisha Bruskin's painting**, which was **much more than we could have ever expected in our wildest dreams** [5].

Пример (5) иллюстрирует интерпретацию рождения нового имени – художника Гриши Брускина, который, по свидетельствам, был ошеломлен своим неожиданным успехом. Именно его работа была продана за рекордно высокую цену, что способствовало его дальнейшему мировому продвижению. Данный фрагмент вербализует неотъемлемую характеристику аксиогенного события – бинарную структуру с непрогнозируемой финальной частью. Успех Брускина, получивший изрядное монетарное выражение, изначально не был ожидаем, в том числе ввиду принадлежности художника к неконформистскому течению, той группе современных художников, которые были менее всего известны коллекционерам и для которых обрели значимость во время события.

Как следует из фрагментов дискурса, аукцион «Сотбис» 1988 года имел ценностнопорождающий потенциал. Соответствие факта действительности в области искусства признакам аксиогенного события, по-видимому, позволяет говорить о релевантности употребления данного термина в искусствоведческом дискурсе в отношении конкретных событий. Вместе с тем возникает вопрос об универсальности его использования: любое ли событие (аукцион, выставка, перформанс) может интерпретироваться как истинно аксиогенное? С нашей точки зрения, в основе

категоризации события как аксиогенного лежит его способность воздействовать на содержание и объем социокультурного знания, иными словами, производить разрыв, выступать так называемой точкой бифуркации, преодоление которой означает принципиальное изменение ментальных структур (и возможных физических параметров). Пользуясь современной терминологией, аукцион стал точкой бифуркации, в которой система социокультурного знания представителей западной и советской сторон перешла на качественно новый уровень, преодолев закрепленные изоляцией и противостоянием холодной войны представления о творчестве, друг друге и самих себе.

Литература

1. *Карасик В.И.* Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65–75.
2. *Карасик В.И.* Аксиогенные события: признаки и типы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 566–571.
3. *Викери Д.* Мы в Sotheby's стараемся обходиться без идеологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2020/01/24/821359-dzho-vikeri> (дата обращения 31.05.2022).
4. *Solomon A.* The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost. Knopf, 1991.
5. *Pury S.* Excerpted from an interview with Kate Fowle, April 8, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/en/exhibition/bidding-for-glasnost-sotheby-s-1988-auction-in-moscow/materials/russkoe-iskusstvo-v-tsentre-vnimaniya-a-spotlight-on-russian-art> (дата обращения 31.05.2022).
6. The Earl of Gowrie. Preface to Sotheby's Russian Avant-Garde and Soviet Contemporary Art auction [Электронный ресурс]. URL: <https://garagemca.org/en/exhibition/bidding-for-glasnost-sotheby-s-1988-auction-in-moscow/materials/predislovie-k-katalogu-auksiona-russkiy-avangard-i-sovetskoe-sovremennoe-iskusstvo-preface-to-sotheby-s-russian-avant-garde-and-soviet-contemporary-art-auction-catalogue> (дата обращения 31.05.2022).

Аксиологическая трансформация концептов в период глобального кризиса

Аннотация. Статья посвящена изменениям в концептах культур, происходящих под воздействием глобализации в период кризиса, через который проходит человечество в настоящее время, в сравнении с предшествующими стадиями глобализации. На материале русскоязычных и англоязычных СМИ описываются трансформации в понятийной и оценочной составляющих как системообразующих концептов глобализации, так и концептов локальных культур, испытывающих влияние глобалистского манипулятивного дискурса.

Ключевые слова: глобализация, аксиология, концепт, ценности, дискурс

M.A. Tulnova
Russian State University for the Humanities
Moscow

Axiological transformations in concepts in the period of global crisis

Abstract. The article describes the changes in the concepts of cultures under the influence of globalization in the period of the current crisis as compared with the previous stages of globalization. Transformations are found in the notional and axiological features of the universally relevant concepts generated by globalization itself, and in the concepts of national cultures affected by the globalizing manipulative discourse of mass media published in Russian and English.

Keywords: globalization, axiology, concept, values, discourse

Процесс глобализации неоднороден, он проходит определенные стадии, которые отражаются в элементах культуры и языка. В результате воздействия данного процесса изменения в коллективном сознании проявляются в лингвокультурных концептах. Применение системоцентрической модели языка В.М. Солнцева [1] к концептосфере глобализации позволило выделить системообразующие, системоприобретенные и системонейтральные концепты. В данной статье предпринимается попытка сделать первичный анализ изменений в концептах англоязычной и русскоязычной лингвокультур на материале русскоязычных и англоязычных СМИ.

С лингвокультурологической точки зрения, первый этап глобализации (1980–2000-е гг.) развивался через внедрение в локальные культуры системообразующих концептов, то есть тех, которые порождены глобализацией. Основным вектор данного процесса был направлен от западной, в частности американской, культуры к локальным культурам, что привело к значительным изменениям в последних. Это проявилось в концептосферах и коммуникативном поведении носителей локальных культур, в том числе и русскоязычной. Трансформации происходили через заимствования и апроприации, которые приводили к унификации и интеграции культур. Глобалистский дискурс имел превалирующую положительную оценочную составляющую, что отражалось в его апологетической тональности.

Наращение давления глобализационных процессов на локальные культуры вызвало появление и мощное развитие дискурса сопротивления глобализации, который с середины 2010-х гг. демонстрировал отрицательно-разоблачительную оценку результатов глобализации, что в дискурсе глобалистов постепенно привело к актуализации концепта «угроза», вербализующегося как по отношению к существующему положению дел, так и к перспективам развития глобализации. Очевидно, что таким образом глобалистский дискурс отреагировал на проявившееся в локальных обществах неприятие основных ценностей глобализации: свободного рынка, мультикультурализма, толерантности и т. д. С точки зрения тональности, анализ материала свидетельствовал о снижении уровня апологетичности глобалистского дискурса по сравнению с периодом 1990-х – начала 2000-х гг. Постепенно в массовом сознании представителей локальных культур стала складываться картина возврата к преобладающей значимости национального и традиционного.

Происходящий в настоящее время распад либерально-капиталистической экономической формации, объявление пандемии, ускорение темпов цифровизации, усиление внимания к климатическому кризису, обострение военных конфликтов и способы освещения этих процессов в средствах массовой информации указывают на проявление новой стадии глобализации, реализующейся в условиях всеобщего острого кризиса человечества. Наблюдаемое усиление глобалистского дискурса в мировых СМИ, характеризующегося высоким уровнем манипулятивности, указывает на важнейшее направление деятельности мировых правящих структур – воздействие на массовое сознание с целью изменения картины мира, в том числе и через трансформацию ценностей общества. Эксплицитно выраженным вербальным индикатором внедрения новых норм и ценностей явилась фраза о новой нормальности – *new normality*, которая прозвучала одновременно в англоязычных СМИ и в России в речи госпожи А. Поповой, объявившей о начале введения ограничительных мер, связанных с пандемией Ковид-19.

Анализ материала показал, что формирование новой картины мира реализуется с помощью ряда манипулятивных технологий. Так, пример применения манипулятивной тактики в приложении Google Translate с политически ангажированными вариантами перевода фразеологизма *change for bad* в марте 2021 года (*Merkel changed for bad – Меркель изменилась в худшую сторону; Macron changed for bad – Макрон изменился в лучшую сторону*) продемонстрировал, как в обстоятельствах длительного закрытого доступа к реальной информации у ее получателей постепенно может складываться искаженное понятие о содержании языковых единиц, а впоследствии и меняться определенный фрагмент картины мира.

Наблюдения показывают, что манипулятивному воздействию подвергаются системообразующие концепты глобализации, например концепты, описывающие ее процессы. Так, концепт **unification – объединение**, относящийся к ключевым концептам глобалистского дискурса, воспринимался как необходимое условие глобализации и мыслился как движение к единству и целостности мира. Будучи регулятивным концептом, он определял нормы существования и динамику развития общества в контексте глобализации [2]. В период кризиса последних двух лет значимость концепта снижается, а с началом пандемийного периода в глобалистском дискурсе все чаще вербализуются идеи отчуждения, дискриминации и сегрегации: «*Реальность такова, что дискриминация неминуемо наступит. Люди без иммунитета, люди без прививки не смогут работать на всех участках...*»¹. Ярким индикатором внедрения признака разделения явилась фраза «социальное дистанцирование» – *social distancing*.

В ряду системообразующих наибольшим изменениям подвергаются ценностные концепты глобализации. Приведем в пример концепт **freedom – свобода**, который до начала пандемийного периода был одним из ключевых, возведя в абсолютную ценность освобождение от всех ограничений, включая гендерную идентичность, а с момента введения локдауна стал крайне незначимым, превратившись в свою противоположность с ведущим признаком *restrictions – ограничения*. Объектом ограничений выступает не только передвижение, но и, что характерно, один из важнейших концептов англосаксонской культуры **privacy – частная жизнь**, что свидетельствует о снижении значимости ключевого концепта глобализации **individualism – индивидуализм**: “*Jeffrey Kahn, the report’s author, added “Too much emphasis on privacy could severely limit the ability to gather information that is critical for effective and efficient contact tracing to help beat the pandemic, and so the full range of interests and values of the public must drive this conversation...”*”² Инструментом глобализации выступает процесс **цифровизации – digitalization**, сопровождающий признаки ограничения, контроля, слежки, которые в коллективном сознании становятся нормой: “*Intrusive surveillance is already the ‘new normal’. ...Because this method has been used before, citizens will accept it. It becomes normal,*” he said.³

Другим примером изменений, происходящих в ценностных концептах глобализации, является модификация в концепте **tolerance – толерантность**, в котором появляется объектный признак *white population*, при этом практически исчезает объектный признак *black people*, и наблюдается повышение значимости объектного признака «сообщества ЛГБТ».

¹ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4868290>.

² The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/27/qatar-contact-tracing-app-1m-people-sensitive-data-at-risk-coronavirus-covid-19>.

³ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/09/the-new-normal-chinas-excessive-coronavirus-public-monitoring-could-be-here-to-stay>.

Манипулятивные практики глобалистского дискурса реализуются через целый ряд концептов национальных культур, относящихся к категории **системоприобретенных**, то есть затрагиваемых глобализацией в некоторой степени.

В качестве примера рассмотрим изменения в концепте **hero – герой**. Данный концепт имеет положительную оценочную составляющую, относящуюся к признакам храбрости, смелости, способности спасти чью-либо жизнь и готовности рисковать своей жизнью, и является регулятивным концептом, так как определяет нормы поведения в лингвокультуре. В последнее время в англоязычных СМИ периодически появляются сообщения, вербализующие концепт, сохраняющий оценочность, но относящуюся к ряду других признаков: *SAS soldiers escaped Taliban by wearing burqas and claiming to be 'devout women'... The men managed to avoid capture by waving Taliban flags and claiming they were going to Kabul to welcome the rebels as "heroic liberators"*. Признак героизма в данном примере относится к умению убежать от опасности и спасти не чью-то, а свою жизнь, причем переодевшись в женскую одежду. Трансформации концепта «герой» подтверждают и другие исследования: «Героем нашего времени» становится “*personne chanceuse*” («удачливый индивидуум»), которого можно охарактеризовать словами: “*homme sans emotion*” – эмоционально холодный, “*sexu*” – сексуальный, “*très riche*” – очень богатый, “*sociable*” – общительный...» [3].

Наибольшую обеспокоенность вызывают трансформации в концепте **human being – человек**, в котором наблюдаются усиление биологического признака и снижение значимости признака субъектности: «*стадный иммунитет*»; “*we are now hackable animals*”⁴. Глобалистский дискурс все чаще актуализирует идею трансгуманизма, ведущего к интеграции человека и машины: «*Сейчас мозговые чипы в основном используются в клинических испытаниях для восстановления утраченных функций и ощущений у людей. Например, чипы вживляют пациентам с болезнью Паркинсона или травмами позвоночника*»⁵.

Ценностные изменения отражаются и в запретительных нормах. В ряду множества новых запретов, вызванных глобализацией вообще, следует отметить табу, возникшие в период кризиса, в частности запреты на появление в общественных местах без маски, на объятия и поцелуи. Многие ограничения были введены с началом пандемийного периода, и до сих пор еще не сняты в некоторых городах России и других странах, и, возможно, согласно глобалистской стратегии развития, должны остаться в качестве нормы навсегда. С другой стороны, кризисная ситуация способствует детабуизации, например снижению запрета на использование грубой и обценной лексики в институциональном дискурсе. В частности, для жанра публичной речи президента всегда была характерна сдержанность, связанная со стремлением избежать обострений в обществе. Следующие примеры иллюстрируют нарушение традиционных установок: “*French President Emmanuel Macron caused a furore this week by saying he wanted to "piss off" those who refuse to get vaccinated*”⁶.

Следует отметить, что оценочность в первом и втором периодах лингвокультурной стороны глобализации реализовывалась как прямо, так и косвенно. В кризисный период оценка характеризуется ярко выраженной прямолинейностью, актуализируемой через архетипическую дихотомию «свой» – «чужой», как, например: «*В рунете развился список «Люди / Не люди», в котором поделили знаменитостей на две колонки...*»⁷.

Таким образом, среди наблюдаемых трансформаций в ценностной составляющей концептосферы глобализации можно назвать следующие:

- снижение значимости ключевых концептов глобализации и усиление значимости концептов, им антонимичных;
- смена понятийных признаков концепта;
- сохранение оценочности, но реализуемой по отношению к понятийным признакам, отличающимся от традиционно содержащихся в концепте;
- прямолинейность и полярность оценки;
- неустойчивость оценки.

На данный момент анализ материала не показывает изменений в системонейтральных концептах глобализации, то есть в базовых концептах культуры, представляющих глубинные основы менталитета.

⁴ CNN. URL: <https://edition.cnn.com/videos/world/2019/11/26/youval-noah-harari-interview-anderson-vpx.cnn>.

⁵ РБК: Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/626bd0589a7947f1daf57fe2?page=tag&nick=ilon-mask>.

⁶ France 24. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220106-health-first-freedom-second-how-covid-is-changing-democracies>.

⁷ Medialeaks. URL: <https://medialeaks.ru/0104rgg-str-human-nohuman/>.

Литература

1. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
2. Тульнова М.А. Концепт unification – «объединение» в институциональном глобалистском дискурсе // Коммуникативные аспекты лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 8 февр. 2010. Волгоград, 2010. С. 267–271.
3. Газилов М.Г. Сопоставительное исследование концепта ГЕРОЙ в русском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. 2021. Том 14. Вып. 1. С. 175–178.

К.Г. Языков
Сибирский государственный медицинский университет
Томский государственный университет
г.Томск

И.В. Реверчук
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград

Времясвязывание в феноменологии психотелесности (эмпирический подход)

Аннотация. Эмпирическое исследование базируется на психосемантическом анализе жизненных событий. Психотелесность рассматривается на модели заболевания в спектре «психогенной – соматопсихогенной – непсихогенной» (атопической) бронхиальной астмы. Времясвязывающий контур определялся с помощью исследования нелинейной динамики фазовых пространств в бинарных свойствах рефлексии «прошлое-будущее» и эмоциональных оценках «позитивности-негативности». Показано, что при психогенной форме психологическое прошлое имеет более глубокую рефлексию прошлого. Позитивная и негативная оценка событий являются управляющими параметрами нелинейной динамики системы времясвязывания.

Ключевые слова: Времясвязывание, психотелесность, рефлексия, нелинейная динамика

K.G. Yazykov
Siberian State Medical University
Tomsk State University
Tomsk

I.V. Reverchuk
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Temporal Binding in the Phenomenology of Psycho-corporeality (Empirical Approach)

Abstract. Empirical research is based on a psycho-semantic analysis of life events. Psycho-corporeality is considered on the model of the disease in the form of “psychogenic – somatopsychogenic - non-psychogenic (atopic)” bronchial asthma. The time-binding circuit is determined by studying the nonlinear dynamics of phase spaces in the binary properties of the “past-future” reflection and emotional assessments of “positivity-negativity”. It is shown that in the psychogenic form the psychological past has a deeper reflection of the past. The positive and negative evaluation of events are the control parameters of the nonlinear dynamics of the temporal binding system.

Keywords: temporal binding, psycho-corporeality, reflection, nonlinear dynamics

Преамбула. Времясвязывание (ВС) рассмотрено как феномен «темпоральности» – «временной сущности явлений, порожденной динамикой их особенного движения». Темпоральность являет собой процессуальную характеристику существования человека. Поэтому в смысловом поле это сложное понятие испытывает определенную эволюционную динамику. В начальный период, связанный с формированием естественно-научной картины мира, этот термин представлял физикалистский, материальный взгляд на время, не соединенный с развивающимся в психологии понятием сознания, его сущностными свойствами. В этот период свойства темпоральности исторически представлены пространственно-временным континуумом материальных объектов. В физику новое измерение свойства вошло с изменением картины мира, представленной квантовой парадигмой. В науках о человеке время идентифицировалось с социально-исторической динамикой. Эта динамика уже приобретала свойства человекомерности в проекции этнической самоидентичности. Поэтому такое временное качество представлено мифами и информационно-событийной запутанностью осевого времени. Мифологическое время «фасеточно» и имеет «сетевидное» (net-like) строение; у него отсутствуют асимметричные осевые свойства. Такой мифологической картине присуща временная изотропность, где, в сущности, категория времени является избыточной.

Психология как наука о высших формах жизнедеятельности человека присваивала уже развитые к этому периоду эмпирические формы познания, развивая при этом собственные, уникальные, сообразные объектам исследования. На современном этапе с особенной фокусировкой гуманитарных наук на проблеме «человек» психология решает системные задачи. Время-связанность проявляет системные качества как аспект темпоральности. Они выражаются в актуальном взаимодействии временных параметров «прошлое-настоящее-будущее». Здесь важна область становления человека, его идентичности и квазиустойчивой самоорганизующейся самоидентичности (системная антропологическая психология уже располагает развитой структурой представлений, в том числе понятия транстемпоральности).

В психологии активность антропологических систем полностью проявляется в культурных формах. У Т. Лири понятие ВС-контур – это «уровень сознания – ВС семантического контура (интеллекта)» [1, с. 46]. В нем сознание «оперирует артефактами и создает “карту”, символы, проекты, слова, картины...» [2]. У Хайдеггера проблема ВС связана со смыслом человеческого бытия вообще, как связывание прошлого, настоящего и будущего – это отличительная черта человеческой личности. В терапии ВС это «способность привнести прошлое и будущее в настоящее, как часть всеобщей цепи причинности... это сущность разума, как и личности» [3].

Актуальность. Эмпирическое содержание ВС определяется его встроенностью в психотелесное, а также прерывностью/непрерывностью в самосознании. В Теории Сантьяго атрибуцией живых систем является когнитивность [4]. Очевидно, что ВС и есть когнитивная сущность антропологической системы (проективной модели человека). Однако эмпирические подходы ВС не разработаны.

В нашем исследовании присутствует, следуя терминологии О. Лукьянова, «рефлексия» объекта (эмпирический опыт) восприятия времени. Следуя логике означивания жизненных событий и придания им негативной/позитивной эмоционально-когнитивной оценки, можно конструировать жизненное пространство человека в субъективном времени в его объективной физической линейности. Можно видеть искажения, деформацию, деструктивные сингулярные точки. Прорывы в соматическое категоризуют время. Но это дает возможность использовать жизненное пространство как объект исследования пациентов, у которых присутствует психосоматическая ось функционирования заболевания.

Методология исследования представлена теорией системной антропологии, в аспекте трансспективного анализа, а эмпирически – компартмент-кластерной моделью, реализующей идеи теории самоорганизующихся систем [5]. Используемая модель адекватно воспроизводит фазовое пространство изменчивости временных параметров субъективного времени, выраженного в эмоционально-значимых событиях жизненного временного континуума. Обобщенный вектор флуктуирует в нем, а его многомерный объем характеризует его оценочные «границы».

Объем фазового пространства рассчитывается по оригинальной методике, представленной в биофизической модели Еськова [5]. Он представляет многомерный параллелепипед разниц крайних значений (размах: $d_i = x_{\text{макс.}} - x_{\text{мин.}}$). Выделяют два центра такого пространства, которые имеют стохастическую природу ($\{x_{\text{ср}}\}$) и хаотическую ($\{d_i/2\}$). Их различия указывают на выраженность асимметрии. Отметим, что модель позволяет выделить признак-параметр модели, в наибольшей степени влияющий на объем фазового пространства. Выделение такого параметра равносильно определению управляющего параметра синергетической модели. Как известно, управляющий параметр определяет свойства самоорганизации, темпоральной системы. В нашем случае эта система представляет взаимосвязанную структуру времен, в которой человек проживает напряженную историю, не обязательно насыщенную событиями, но переживаемую в той степени, что она включается в его физическое Я.

Решение проблемы осмысления жизненного пространства в событийном потоке времени является актуальной **задачей**.

Эмпирическое содержание исследования базируется на анализе жизненных событий в их психосемантическом аспекте. Психотелесность рассматривается в модели заболевания бронхиальной астмы (БА) в спектре «психогенной (БАПИ) – соматопсихогенной (БАСП) – непсихогенной (атопической) бронхиальной астмы (БАНП)». Источником информации относительно оценочных отношений ко временным интервалам служила методика Бурлачук А.Ф., Коржовой Е.Ю., примененная к соматически здоровым людям [6].

ВС контур определялся в категории психотелесности с помощью исследования фазовых пространств ВС контура в бинарных свойствах глубины рефлексии «прошлое (ретроспекции) – будущее» и эмоциональных оценках «позитивности-негативности».

Результаты. В целом отношение времени ретроспекции ко времени будущего в норме составляет 1,9, при данной же патологии – 9,4. Время ретроспекции при патологии в 2 раза удаленнее, чем в норме. Что касается среднего времени будущего, то оно в 2,6 раза короче для больных БА. Частота событий в прошлом у лиц с БА в 2,9 раз выше, чем у здоровых лиц, частота событий будущего времени, напротив, в 1,7 раз ниже. Дисперсионный анализ ANOVA выявил различие времени ретроспекции у пациентов с БА ($F=4,82$; $p=0,009$). Наибольшее время ретроспекции присуще больным психогенной БА (БАПИ), что указывает на «психологическое застревание» в прошлом (время «прошлого» в 2 раза удлинено по сравнению с нормой).

Таким образом, лица с БА обладают большей удаленностью переживания прошлого времени и его продуктивностью (количеством именованных событий прошлого). Эти данные указывают на большую актуализацию событий прошлого, их значимость и на слабую прогнозируемость событий будущего.

Каждая группа БА (кластер) представлена темпоральным аттрактором с собственным статистическим и хаотическим центрами в фазовом пространстве. Размерность фазового пространства определяется объемом многомерного параллелепипеда в гиперпространстве $m=25$ признаков (признаки выделены согласно методике Бурлачук А.Ф., Коржовой Е.Ю «Анализ жизненных ситуаций»). Объемы фазовых пространств VG составляли: для БАНП $VG=4,85*1025$, БАПИ $VG=4,71*1026$ и БАСП $VG=4,72*1025$. Таким образом, хаотичность кластера больных психогенно индуцированной БА на порядок выше для непсихогенной группы (1026 против 1025), а сопоставимыми между собой являются группы с соматопсихогенной природой БА (БАСП) и с атопической формой БА. Что характеризует более неустойчивый тип организации транстемпорального континуума в кластере психогенных форм БА.

Анализ фазовых пространств темпоральных свойств показал, что управляющими параметрами динамической самоорганизующейся системы является позитивно и негативно оцениваемое ретроспективное время. При последовательном снижении размерности КА (удалении параметров и изменении объема КА) были определены управляющие параметры динамической системы. Ими оказались: ретроспективное время, позитивно и негативно оцениваемое ретроспективное время. Именно эти параметры снижают расстояния между хаотическими центрами в ФП в наибольшей степени.

Обсуждение. Темпоральная идентичность формируется как «освобождение субъектом некоторого временного интервала» [7]. В системной антропологической психологии произошло «революционное» смещение акцента понимания времени как «формы субъективного присутствия времени... на понимание времени как продукта человеческого взаимодействия» [7, с. 28], что сближает эту позицию со взглядом когнитивных биологов У. Варелы и Ф. Матураны на живые системы как на системы познающие и коммуникативные. О. Лукьянов считает, что «коммуникация опосредуется темпоральной идентичностью» [7, с. 36]. В зонах психотравмирующего конфликта формируется своеобразное временное «сжатие». Время психотравмирующих событий становится своеобразным аттрактором траекторий оценочно формирующихся в образах переживаний, в том числе конвертируемых в органическую мишень. В нашем случае символизируется эпизодическая «нехватка» воздуха, которая постепенно обретает свойства закрепленного рефлекса. Повторяющиеся эпизоды апноэ коррелированы с рядом разворачивающихся в сознании отражений одного/нескольких психотравмирующих событий прошлого, резонирующих друг с другом и активирующих взаимные корреляции по типу обратной связи. Таким образом, формируются рефлексогенные аутокаталитические контуры. Контуры имеют взаимные психотелесные отображения и могут присутствовать в бессознательной сфере в эквиваленте тревоги. Тревожность, отраженная в телесном виде, приобретает вид стереотипных реакций в симптоме одышки. Стимул-реакция разворачивается системно и закрепляется в рецидивирующем функциональном состоянии.

Нашими исследованиями показано, что управляющие параметры нелинейной динамики жизненных событий временной ретроспекции являются также параметрами самоорганизации особой психосоматической конституции психогенно-индуцированной бронхиальной астмы (БАПИ).

В настоящее время только положено начало формированию методологических оснований психобиологических исследований соматических заболеваний. Пока исследователи еще находятся каждый в своей предметной области, а полученные результаты пока еще слабо координируются, но уже соответствуют принципам индивидуальной диагностики, эффективной терапии. А новый эмпиризм видится в консенсусе научных сообществ, основанном преимущественно на принципах постнеклассицизма.

Литература

1. *Лири Т.* Семь Языков бога. Пер. с англ. Киев; М., 2001.
2. *Уилсон Р.А.* Психология эволюции (Прометей восставший): Пер. с англ. Киев, 1998.
3. *Лукьянов О.В.* Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–171.
4. *Капра Ф.* Скрытые связи: Пер. с англ. М., 2004.
5. *Еськов В.М., Хадарцев А.А., Филатова О.Е.* Синергетика в клинической кибернетике: монография. Часть II: Особенности саногенеза и патогенеза в условиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Самара, 2007.
6. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций: Учебное пособие. М., 1998.
7. *Лукьянов О.С.* Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире. Автореф. ... дис. д-ра психол. наук. Томск, 2009.

*Раздел V. Особенности, характеризующие эмоциональные концепты:
кросс-культурный аспект рассмотрения*

А.А. Горностаева
*Московский государственный лингвистический университет
г. Москва*

*Этностилистические особенности
английского и русского иронического дискурса*

Аннотация. Статья посвящена иронии как категории дискурса, ее роли и месту в двух сопоставляемых культурах – англоязычной и русскоязычной. Цель исследования – рассмотреть особенности порождения и понимания иронии с точки зрения национального стиля коммуникации и проследить отражение этих особенностей в рамках функционально-прагматического аспекта. Предлагается новая методика анализа иронии в русле этностилистики. Устанавливается зависимость между определенной коммуникативной ценностью и ее отражением в ироническом национальном дискурсе, что находит воплощение в практическом аспекте: функциях, механизмах порождения иронии и языковых средствах ее репрезентации.

Ключевые слова: ирония, этностиль, коммуникация, коммуникативные ценности, дискурс

A.A. Gornostaeva
*Moscow State Linguistic University
Moscow*

*Ethnostylistic peculiarities
of English and Russian ironic discourse*

Abstract. The article is devoted to irony as discourse category, its place and role in the two contrasting cultures – English and Russian. The study aims at viewing the peculiarities of irony formation and interpretation from the point of national communicative style and revealing these features in the aspect of functions and pragmatics. The new methodology of irony analysis in the frame of ethnostylistics is suggested. The paper states the connection between a certain communicative value and its reflection in ironic discourse, which is demonstrated in functions, mechanisms of irony and language means of its representation.

Keywords: irony, ethnic style, communication, communicative values, discourse

Этностиль и коммуникативные ценности английской и русской культуры

В последнее время активно развивается новое междисциплинарное направление – коммуникативная этностилистика, целью которой является систематизация национально-культурных особенностей поведения в виде этнокультурных стилей коммуникативного поведения, или коммуникативных этностилей. В данной работе на базе идей этностилистики предлагается новая гипотеза о проявлении этностиля, а именно коммуникативных ценностей, в ироничности дискурса. Основная идея данного исследования заключается в том, чтобы проследить связь между стилем коммуникации и языковой репрезентацией иронии и создать новую методику анализа иронии в дискурсе на базе моделирования порождения иронии и ее функционирования. Отправной точкой анализа предлагается считать особенности этностиля, такие, как коммуникативные ценности культуры.

Культурные и коммуникативные ценности играют важную роль в формировании этнокультурного стиля коммуникации. Если под культурными ценностями традиционно понимается «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком», то коммуникативными называются ценности, «имеющие отношение к коммуникативному сознанию и обеспечивающие коммуникативную деятельность человека» [1, с. 67]. Они в наибольшей степени влияют на поведение народа, на формирование национального стиля коммуникации. Среди основных ценностей английской культуры исследователи чаще всего выделяют *индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм, соревновательность, равенство, традиционализм, толерантность* и

др. [2–5] Среди основных ценностей русской культуры исследователи называют прежде всего *соборность, общинность, коллективность, общительность, гостеприимство, искренность, эмоциональность, духовность (непрагматизм), скромность* и др. [1; 6; 7]

Для построения моделей иронии коммуникативные ценности рассматриваются попарно, в сопоставительном аспекте. Наиболее важные, на наш взгляд, ценности образовали следующие пары для англо-саксонской и русской коммуникативной культуры соответственно: зона личной автономии – соборность, прагматизм – непрагматизм, соревновательность – скромность. Данные пары представляют собой противоположности, заявленные ценности демонстрируют кардинально различное мировоззрение в рассматриваемых культурах. Последняя пара (равенство – искренность) не содержит противоположности, эти ценности рассматриваются по отдельности.

Термины “irony” и «ирония»

Одной из главных сложностей анализа иронии в сопоставительном аспекте в английском и русском дискурсах является несовпадение семантики слов *irony* и *ирония*. Лексико-семантический анализ этих слов показывает, что есть ряд существенных различий, главное из которых заключается в следующем: если в английских словарях ирония (*irony*) часто связывается с такими понятиями, как *смешное, забавное, юмористический эффект*, и определяется как вид юмора, в котором используются слова с противоположным значением, то в русских словарных дефинициях иронии присутствуют слова *насмешка, поношение, осмеяние*, т. е. ирония определяется главным образом как скрытый инструмент осуждения. Английская *irony* ближе по смыслу к таким синонимам, как *incongruity, paradox* и *absurdity*, в то время как русская *ирония* приравнивается к издевательству, глуму, ерничанью.

Такое различие в семантике дает возможность говорить о разной иронической модальности, которая в английском дискурсе приближается к позитивной, то есть включает в себе положительный настрой автора, а в русском дискурсе стремится к негативному полюсу, так как выражает критическое отношение к объекту иронии. Модальность находит выражение в функциях, выполняемых иронией в дискурсе.

Ирония как категория дискурса

Рассмотрение иронии как категории дискурса необходимо проводить с учетом трех сторон, участвующих в ироническом общении: объекта, над которым иронизируют, автора иронического высказывания и адресата (который тоже может являться объектом). Для иронической коммуникации, проходящей в публичном пространстве, нужно учитывать и косвенного адресата – аудиторию.

Принимая во внимание необходимость расширения традиционного определения иронии, мы учли следующие факторы: 1) иронический смысл совсем не обязательно является обратным буквальному, а может быть преувеличением или преуменьшением реального свойства объекта, корректированием буквального смысла; 2) функция иронии не сводится к выражению скрытой насмешки; 3) ирония не всегда обладает негативной модальностью. Таким образом, предлагается новое расширенное определение *иронии как категории дискурса*: это речевое взаимодействие между автором и адресатом, имеющее в основе импликацию (скрытый смысл), реализуемое за счет сочетания высказанного и невысказанного и, как правило, нарушающее коммуникативные ожидания собеседника.

Функции иронии в дискурсе

Ирония служит эффективным тактическим приемом реализации коммуникативной стратегии, способствуя, при адекватном ее использовании, осуществлению коммуникативной цели и реализации намерения автора, а при неадекватном использовании – уклонению от исходной коммуникативной цели. Поскольку ирония обладает как негативной, так и позитивной модальностью, ее функции также можно расположить на шкале от «плюса» к «минусу», крайне негативной точкой которой будет агрессия, тогда как позитивный полюс выражен функцией гармонизации межличностных отношений. При применении моделей функционирования иронии в дискурсе мы отметили, что одно и то же ироническое высказывание может выполнять одновременно несколько функций, как положительного, так и отрицательного характера. Нами выделены функции иронии, которые могут быть представлены в виде парадигм, противоположные полюса которых не противоречат друг другу,

но могут объединяться и действовать совместно. Это нападение – защита, сближение – дистанцирование, самовозвышение – самопринижение, сглаживание конфликтов – обострение конфликтов.

Таким образом, ирония имеет двоякую природу: с одной стороны, она создает условия для сближения говорящего с аудиторией и установления неформальной доброжелательной атмосферы общения, с другой стороны, устанавливает дистанцию и обеспечивает неприкосновенность личного пространства автора.

Механизмы и языковые средства выражения иронии

В связи с разнообразием подходов к изучению иронии определение такого понятия, как «механизм иронии», с последующей классификацией этих механизмов представляется довольно сложным вопросом. С лингвистической точки зрения этой проблемой занимались многие исследователи [8–10], выделяя такие механизмы, как различные типы повторов, цитирование, аллюзии, комментирование, введение в текст модальности и модальных слов, утверждение абсурда, ироническое соответствие и сравнение, риторический вопрос и другие. На наш взгляд, *механизм иронии* можно определить как способ построения высказывания путем употребления языковых средств для реализации одной или нескольких функций иронии. Наиболее удачной представляется классификация, предложенная нами для иронических механизмов, действующих в дискурсе: сопоставление несопоставимого; ирония парадокса; двусмысленность; механизм абсурдного вывода; открытие очевидного; отрицание очевидного; категорическое противоречие; неожиданная смена стилевого регистра [11].

Механизмы иронии и средства ее выражения разнообразны, они часто пересекаются и действуют совместно, не противореча друг другу, или могут существовать по отдельности. Выбор определенного механизма зависит от коммуникативной цели говорящего и обуславливает оптимальное воздействие на адресата при помощи адекватно выбранных языковых средств.

Говоря о языковых средствах, необходимо отметить, что ирония, как правило, не имеет своих способов выражения, а выводится из контекста. Тем не менее, в лингвистической науке представлена классификация инструментов реализации иронии, из всего обилия которых наиболее продуктивными для моделирования иронии представляются ироническая метафора, ироническое сравнение, цитирование, гипербола и ироническая игра слов.

Моделирование иронии в дискурсе

Материалом исследования послужили выступления английских, американских и российских политиков и деятелей культуры в период с 2009 по 2022 гг. С целью выявления закономерностей использования иронии и анализа ее функционально-прагматического аспекта в каждом из дискурсов из этих устных и письменных текстов были выделены иронические высказывания, а также фрагменты диалогов, относящихся к ироническому речевому жанру; общее количество фрагментов – 350 единиц, с равным количеством английских и русских высказываний, а также около 500 слов и словосочетаний, употребленных в ироническом значении.

Моделирование иронии проводилось поэтапно по схеме:

1. Порождение иронии: *Коммуникативная интенция говорящего + коммуникативные ценности национальной культуры + индивидуальные особенности говорящего + ситуативный контекст* → *ирония в дискурсе*.

2. Функционально-прагматический аспект: *Ирония в дискурсе* → *функция иронии + механизм иронии + языковые средства выражения иронии*.

Использование предложенных моделей позволяет установить связь между этностилем (коммуникативными ценностями) и параметрами функционирования иронии в дискурсе (функции, механизмы, языковые средства).

Рассмотрим моделирование иронии в англоязычном политическом дискурсе. В следующем примере ирония представлена во фразе Дэвида Кэмерона в ответ на критику его оппонента Эда Миллибанда. Из речи Д. Кэмерона, адресованной партии консерваторов, следует, что он полон сил и готов к борьбе за процветание страны. Пафос речи смягчается шутливым отступлением:

If you saw me in these pictures of me on the beach this summer in Cornwall you know one thing: I've got the stomach for the fight. In his speech last week Ed Milliband promised he would never be photographed with his shirt off

in public. After hearing this speech, Ed, here is the deal: you keep your shirt on – I keep the lights on [YouTube. 2013 Tory party conference. PM David Cameron keynote speech, 02.10.2013]¹.

Для глубинного понимания этой иронической фразы необходимо знание экстралингвистической ситуации: фотографии Д. Кэмерона с обнаженным торсом во время отдыха на пляже были опубликованы в газетах, за что политик (в то время Премьер-министр Великобритании) подвергся насмешкам со стороны оппозиции, которая критиковала его неидеальную фигуру (склонность к полноте) и распущенность (тот факт, что он позволил фотографировать себя в раздетом виде). Это вторжение в зону личной автономии повлекло необходимость отреагировать и защититься. Используя иронию в защитной функции, Д. Кэмерон одновременно самовыражается, противопоставляя себя противнику. Во фразе три раза используется игра слов: выражение *I've got the stomach* употребляется сразу в двух значениях – в прямом («у меня есть живот»), намек на полноту, и в переносном («я имею смелость сделать что-либо»); обыгрывается выражение *keep one's shirt on* («сохранять самообладание», букв. «носить рубашку»); и выражение *keep the lights on* (контролировать все). Самоирония премьер-министра предупреждает возможные насмешки, символически поднимает его над политическими противниками и выставляет в наилучшем свете – как неутомимого борца за общее дело. Укол в адрес оппонента совершен весьма умело: Кэмерон подчеркивает, что пока сам он занимается важными делами, его политический противник обращает внимание на ерунду. Весь этот подтекст становится понятным только при глубоком анализе имплицитной иронии с учетом всех параметров предложенной модели:

коммуникативная интенция говорящего (прекратить обсуждение фотографий) + коммуникативные ценности национальной культуры (зона личной автономии, соревновательность) + индивидуальные особенности говорящего (готовность к ироническим экспромтам, самоироничность, быстрота реакции) + ситуативный контекст (необходимость отреагировать на критику оппонента и сохранить лицо) → ирония в ПД; ирония в ПД → функционально-прагматический аспект (защита личной автономии, самовозвышение) + механизм иронии (двусмысленность) + языковые средства выражения иронии (ироническая игра слов).

При помощи иронии говорящий достигает своей цели: нападки на него прекращаются, тема опубликованных фотографий больше не поднимается.

Пример (2) представляет собой ответ С.В. Лаврова на вопрос журналиста, в котором глава российского МИД заявил, что полное прерывание контактов между Россией и Западом в эпоху глобализации невозможно. И добавил про своих западных коллег, что *если [они] будут опускать железный занавес, то ненароком могут себе чего-нибудь прищемить* [youtube.com/watch?v=dEMmZ7JdRjc]. Простая, фамильярно-неофициальная манера является иронической маской и намеренно используется в данном контексте для акцентирования мысли. Таким образом работает иронический механизм смены регистра, когда необходимо привлечь внимание собеседника и аудитории. По схеме формирования иронии:

коммуникативная интенция оратора (реакция на угрозу – ответная угроза) + коммуникативные ценности национальной культуры (коллективизм, соборность) + индивидуальные особенности (решительность и категоричность на фоне тактичности и дипломатичности) + ситуативный контекст (неформальная обстановка, довольно агрессивный тон журналиста, задавшего вопрос) → ирония в ПД.

В данном случае коммуникативная ценность русской культуры – коллективизм (в противовес индивидуализму западной культуры) – выражается в иронической аллюзии, основанной на ответном нападении.

Итоги и выводы

Функционально-прагматический аппарат иронии в англоязычном и русскоязычном дискурсе различен и определяется коммуникативными ценностями. Анализ англоязычного материала показал, что в большинстве случаев ирония служит оптимизации межличностных отношений (то есть обладает позитивной модальностью) и чаще выполняет функцию защиты, чем нападения; в русскоязычном дискурсе ирония – это скорее насмешка, средство нападения, способ проявления

¹ Если вы видели мои фотографии этим летом на пляже в Корнуолле, вы знаете, что я готов к борьбе (букв: у меня есть живот). В своей речи на прошлой неделе Эд Миллибанд обещал, что его никогда не сфотографируют без рубашки. Я слышал эту речь. Хорошо, Эд, договорились: ты сохраняй хладнокровие (букв: не снимай свою рубашку), а я буду все контролировать (букв: не выключать свет).

агрессии (в этом проявляется ее негативная модальность). Результаты исследования позволили сделать следующие обобщения и выводы.

1. Установлены некоторые закономерности между определенной коммуникативной ценностью культуры и ее воплощением в политическом дискурсе, а именно:

– зона личной автономии находит проявление в имплицитной иронии, часто выполняющей функцию защиты;

– соборность и искренность могут проявляться в эксплицитной иронии, часто выполняющей функцию критики и нападения;

– зона личной автономии часто отражена в функции дистанцирования;

– соборность часто отражена в функции сближения (с аудиторией).

2. Установлены некоторые закономерности между взаимоопределяющими параметрами анализа языковой репрезентации иронии в дискурсе (функции, механизмы, языковые средства), а именно:

– преобладание защитной функции иронии, механизма двусмысленности и парадокса в английском дискурсе и преобладание иронии в функции нападения с использованием механизма открытия очевидного и смены стилового регистра в русском дискурсе;

– преобладание иронической метафоры, иронического сравнения и иронической языковой игры как языковых средств и приемов выражения иронии в обоих дискурсах.

3. Установлены следующие тенденции употребления иронии в сопоставительном аспекте:

– имплицитная ирония часто реализуется за счет механизма двусмысленности;

– эксплицитная ирония может реализовываться за счет механизма открытия очевидного и механизма смены стилового регистра;

– в английском языке, где само понятие “irony” близко по смыслу к понятию «парадокс», популярен механизм иронии «сопоставление несопоставимого», который часто обеспечивается за счет иронической игры слов;

– в русском языке, где понятие «ирония» близко к понятию «насмешка, глумление», популярен такой механизм иронии, как смена стиливых регистров, который часто обеспечивается за счет иронической метафоры.

В ходе исследования подтвердилось предположение о проявлении этнокультурных особенностей иронии в дискурсе, что было отражено в моделях построения иронии, различных для сопоставляемых дискурсов.

Литература

1. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

2. Павловская А.В. Англия и англичане. М., 2004.

3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

4. Jandt F. An introduction to intercultural communication. Identities in a global community. Thousand Oaks, CA, 2013.

5. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford, 2006.

6. Деметьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М., 2013.

7. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. М., 2002.

8. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.

9. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.

10. Пчелинцева М.А. Ирония как форма языковой оценки в творчестве русских писателей-эмигрантов // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 6. С. 106–110.

11. Горностаева А.А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации. М., 2013.

Сенсорная поддержка эмоций в русском и английском языках

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сенсорного сопровождения эмоции «страх» в русском и английском языках. Материал исследования – фразеология и художественные тексты – позволяет раскрыть закономерности сенсорной поддержки указанной эмоции, а также выявить нетрадиционные соматические решения, связанные в том числе и с национальной спецификой сенсорных переживаний.

Ключевые слова: эмоция, перцепция, сенсорная поддержка, фразеология, страх

Yu.N. Mukhina
Saratov State University
Saratov

Sensory support of the emotion in Russian and English

Abstract. The article focuses on the peculiarities of the sensory support of the emotion “fear” in Russian and English. Phraseology and fiction that are under study make it possible to reveal certain pattern in the way the emotion is framed as well as non-traditional sensory solutions. The latter can result from the specific character of national sensory experience.

Keywords: emotion, perception, sensory support, phraseology, fear

Интерес со стороны лингвистики к изучению сенсорного оформления и сопровождения эмоций объясняется антропоцентризмом современной гуманитарной научной парадигмы, ориентацией на выявление, наряду с индивидуальными и универсальными, национально-специфических сенсорных переживаний, основополагающим характером перцепции по отношению к эмоции и обращенностью и эмоции, и перцепции к языковому сознанию, а также той ролью, которую выполняет перцепция, репрезентируя эмоцию как абстрактную сущность. Тесная взаимосвязь перцептивного и эмоционального признается и подчеркивается в работах ряда исследователей, указывающих, в частности, на то, что результаты восприятия становятся основой для формирования эмоций [1], сенсорный образ лежит в основе и когниции, и эмоции [2], осознание специфического соматического компонента эмоции может происходить и без осознания самой эмоции, специфические телесные сигналы соотносятся с эмоцией ретроспективно [3].

Изучение сенсорной поддержки эмоции представляется результативным с опорой на триаду, взаимообусловленность и взаимосвязь между компонентами которой в самом общем (и упрощенном) виде можно представить схемой: перцепция ↔ эмоция ↔ концепт ↔ перцепция.

Каждая составляющая этой триады выступает в качестве самостоятельного предмета исследования соответствующей области лингвистики. Так, взаимосвязь эмоции и концепта раскрывается при изучении эмоционального концепта, формирование которого происходит по той же схеме, что и формирование особого рода «наглядно-чувственных» концептов – на основе чувственного опыта, результатов деятельности (мыслительной и предметно-практической), опыта вербального и невербального общения, поступающих в мыслительное поле человека и хранящихся в памяти [4]. И. А. Стернин отмечает, что без чувственного образа, без конкретизации концепт остается бедным; это происходит в случае, если концепт формируется о том, что мы еще чувственно не воспринимали [5]. Привлечение сенсорной компоненты, по мнению В. К. Харченко, способствует системному оживлению концептов в богатстве сопутствующих им ощущений и представляет идею «возвращенной лингвистики» (возвращенной именно к языку перцепции) [2]. Таким образом, возникновение и формирование концепта из сенсорного опыта естественным образом приводит к его вербальному осознанию и описанию средствами сенсорики. При этом речь идет не только об эмоциональных концептах, хотя на примере последних взаимосвязь эмоции и концепта представляется более очевидной.

Взаимосвязь перцепции и эмоции обоснована природой эмоции, которая может возникать в результате сенсорного контакта с окружающей действительностью, с одной стороны; с другой –

эмоция выражается внешне в виде телесных проявлений. На языковом уровне в проявлении эмоций как наименее автономной и сложной системы, в обслуживании которой принимают участие лексические и грамматические единицы других систем, факультативно участвуют физиологические реакции, физические действия, речь [1]. Например, базовая эмоция «страх» на сенсорном уровне «традиционно» проявляется в непроизвольных (неконтролируемых) физиологических состояниях и контролируемых физических и речевых действиях. К неконтролируемым проявлениям страха можно отнести отток крови к мышцам и сердцу и, как следствие – охлаждение поверхности кожи и выступание «холодного» пота, усиленная работа сердца, поверхностное дыхание, расширение зрачков, дрожь и др. [6]. Подобное сближение физиологических реакций и эмоции Ю. Д. Апресян называет принципом парности телесного и духовного. С точки зрения лингвистики подобные сближения позволяют увидеть глубинное сходство внешне разнородных лексических единиц, что способствует систематизации и унификации их семантических описаний [1]. Контролируемые физические и речевые действия проявляются в бегстве, отступлении, жестикуляции, желании сжаться или закрыть лицо руками, выкриках или молчании.

Часть этих действий и состояний на вербальном уровне представлена во фразеологическом фонде языка, что объясняется особенностями механизма формирования фразеологии, при котором первичным оказывается сенсорный опыт, и принадлежностью данного лексического пласта не отдельному индивиду, а лингвокультуре с акцентом на значимых ценностях и накопленном опыте (в данном случае связанных с сенсорной сферой носителя языка и культуры). Хорошим иллюстративным материалом являются и тексты художественной литературы, имитирующие жизнь «чрезвычайно напряженно» (по словам Ю. М. Лотмана в передаче «Беседы о русской культуре»).

Рассмотрим особенности сенсорного оформления эмоции на примере эмоции «страх/fear» в русском и английском языках.

Фразеологизмы как в русском языке, так и в английском часто носят конкретизированный характер и содержат лексические элементы, относящиеся к физиологической стороне жизнедеятельности человека: наименования частей тела, органов чувств, внутренних органов и систем. При этом, сообщая эмоцию, фразеологизмы не всегда ее называют, чаще эмоция узнается через характерные вербализованные соматические проявления: дрожь, вздрагивание, перебои в работе сердца, оцепенение, нарушение ритма дыхания, мурашки, внешние изменения, изменение цвета лица, ощущение холода, осязательные ощущения, бегство.

Сопоставление наиболее распространенных фразеологизмов в русском и английском языках, в целом, демонстрирует универсальность эмоции «страх» в плане лингвистического представления, одним из объяснений чего является обращение фразеологии к непроизвольным физиологическим проявлениям данной эмоции. В качестве некоторых примеров можно привести: *his heart leapt into his mouth/throat – сердце в пятки ушло; the legs got numb – ноги подкосились; his face grew white – лицо побелело; to be paralysed with fear – застыть от страха.*

К данным примерам можно добавить и некоторые частотные словосочетания, не имеющие статуса идиомы: *to feel fear, to smell fear, fear gripped smb., growing fear, чувствовать страх, страх охватил, болезненный страх, нахлынувший страх, леденящий страх* и пр.

Страх оказывается той эмоцией, обозначение которой средствами языка не обходится без перцептивной компоненты, его «обслуживают» лексические единицы систем физического восприятия, физиологического состояния, физиологических реакций и действия. Наиболее отчетливо это наблюдается именно на фразеологическом уровне в силу природы самой эмоции – универсального психологического переживания с универсальными физиологическими проявлениями.

Приведенные примеры фразеологизмов лишь частично совпадают с традиционной Аристотелевской пятичастной моделью сенсориума, в которой ощущения соответствуют пяти органам чувств – зрению, слуху, обонянию, осязанию и вкусу. На фразеологическом уровне не представлены слуховые и вкусовые ощущения, но при этом преобладают так называемые interoцептивные (связанные с обменными процессами) и proprioцептивные (связанные с движением различных частей тела).

Перцептивный опыт во многом культурно опосредован и в разной степени представлен на вербальном уровне. Это связано со специфическим набором аффордансов (спектром возможных телесных взаимодействий с окружающей средой в разных культурах), неравномерностью распределения нагрузки на перцептивные каналы, регулированием объема сенсорного опыта, неравным аксиологическим статусом ощущений в определенной культуре, а следственно, и в языке [3].

Примеры фразеологизмов из русского и английского языков демонстрируют большое количество совпадений, однако есть и некоторые различия, касающиеся, например, обращенности к определенным сенсорным симптомам. Так, русские фразеологизмы, содержащие компонент 'дрожать' (*дрожать/трепетать от страха, страх заставил содрогнуться, дрожь как осиновый лист, поджилки трясутся*), уступают в количественном отношении соответствующим английским; в английском языке развит синонимический ряд с общим лексическим значением 'дрожь' (*shiver, quake, shake, shudder, start, tremble*), все лексические единицы которого выступают в составе фразеологизмов: *a cold shiver ran down the spine, to quake in one's boots, to shake/shiver from fear, I shudder to think, to give smb. a start, to tremble at fear*.

Однако представляется, что не все сводимо к определенной формуле, схеме, на основе которых происходит формирование фразеологического фонда. Фразеологизмы, обозначая эмоцию с опорой на перцептивные переживания, фиксируют таким образом нечто повторяемое, закономерное, стереотипное. Закономерности, как правило, привлекают научное внимание, но и «случайности», на наш взгляд, этого внимания заслуживают. Художественные тексты (обладая экспрессивностью, эмоциональностью, образностью, в том числе сенсорной) выводят читателя на дискурсивный уровень, предоставляя возможность для выявления и систематизации языковых ресурсов, связанных с вербализацией эмоциональных состояний. В отличие от фразеологических единиц, содержащих мнения и оценки, выработанные лингвокультурным сообществом, единицы дискурсивного уровня, к которым относятся и художественные тексты, содержат не только универсальные оценки, но и индивидуальные. Эвристика художественного текста вскрывает потенциал языка и речи.

Рассмотрим следующие примеры.

For an instant, for ever, Melanie was bound in timeless fear. Her eyes were **forced open, rigid and unblinking**, her **mouth hung open**, the **rigid lips stretched in a terrible grin**, **all her being was rigid** with unimaginable terror.¹

Hewson shuddered and **fidged with his feet**.²

He closed the book suddenly over his fingers and looked round quickly and awfully over his right shoulder. He **had neither seen nor heard a movement**, but it was as if some sixth sense had made him aware of one. – **Silent unrest** about him.³

It was bad enough that the waxwork effigies of murderers should move when they weren't being watched, but it was intolerable that they should breathe. Somebody was breathing. Or was it his own breath which sounded to him as if it came from a distance?⁴

Я повторял это слово, и почему-то становилось тревожно, даже страшно – словно я летел не по надежному, гладкому, залитому солнцем шоссе, отчетливо представляя все его изгибы на много километров вперед, а в **сплошном тягучем тумане**, в котором движение заведомо губительно, потому что **я ничего не вижу** перед собой.⁵

За шиворотом, будто вошки, копошились кусачие страхи.⁶

Теперь он ведал этот страх, всю его мучительность: **слабый отблеск** уличного фонаря на треснувшем наружном зеркале старого шкафа, **колыханье выцветшей занавески**, **ночные шаги** старенького подслеповатого сторожа и **тяжелое дыхание** дряхлой овчарки Лады, **горячую подушку** и **гулкое пространство** вокруг кровати.⁷

В приведенных примерах концепт страха оживает в языковом сознании и через именование эмоции (*страхи, тревожно, страшно, fear, terror, unrest*), и через вербализованную перцепцию. В некоторых случаях именно обращение к перцептивной составляющей способствует осознанию эмоции как страха. Так, персонаж рассказа «Музей восковых фигур» А.М. Баррэджа, намеревавшийся провести ночь в музее, переживает данную ситуацию в страхе, который не получает прямого вербального обозначения, а осознается читателем через обращение к характерным для страха физическим переживаниям и действиям (His soul sickened at the prospect even while he smiled casually upon the manager. ... He could not have said precisely why the mild-looking face seemed to him so repellent, but he had already recoiled a step and, even in the manager's company, it cost him an effort to look again. ... Hewson shuddered and fidged with his feet. ... with a catch in his voice... he was almost lighthearted, but when the attendant's footfalls had died away and a deep hush stole over the chamber he realized that he had no slight ordeal before him. ... the silence and the stillness seemed unnatural and even

¹ Laski M. The Victorian Chaise-Longue. London: Persephone Books, 1999.

² Burrage A.M. The Waxwork // Шевцова С.В. Учебное пособие по английскому языку. М., 1999.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Волос А. Недвижимость // «Новый Мир», 2001. № 1.

⁶ Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001. № 8.

⁷ Варламов А. Купавна // «Новый Мир», 2000. № 10.

ghastly ... The eyes of the little Frenchman's effigy haunted and tormented him ... He was going. He wasn't going to spend the night with a lot of waxworks which moved while he wasn't looking. ... His own [eyes] were dilated, and his mouth, at first set in a grin of terror, lifted at the corners in a snarl).

Ценностью художественного текста можно считать его способность представить и процесс, и результат, а также его существование на разных уровнях системы чувств. Создаваемый перцептивный образ полимодален, обращен к нескольким модусам перцепции одновременно, за счет чего приобретает качества многомерности и динамичности. Полиmodalность при этом является результатом одновременной актуализации опыта, связанного как с неприятными ощущениями (что характерно и ожидаемо для эмоции страха; фразеология практически полностью основана на такого рода ощущениях), так и с нейтральными и даже приятными ощущениями, не связанными со страхом в других контекстах. К таким ситуативным маркерам страха можно отнести визуально воспринимаемые образы неяркого света, выцветшей занавески, приятного лица, а также мимические реакции в виде широко раскрытых глаз, открытого рта или улыбки и движения тела в виде переступания на месте или отступления. Указанные мимические и физические проявления эмоции обладают универсальным характером, поскольку соотносятся с рядом других эмоций (радость, удивление, волнение). Кроме того, художественные тексты предлагают нетрадиционные соматические решения (например, актуализация страха через слепоту и ослабление остроты восприятия или, напротив, обострение некоторых чувств, специфическое воздействие на тело, чрезмерную подвижность и пр.).

Основные наблюдения над сенсорным сопровождением данной эмоции сводятся к следующему: 1) страх в разной степени характеризуются основными признаками, восходящими к традиционной пятичленной модели сенсориума, но не ограничивается ей (при этом не представлены слуховые и вкусовые ощущения); 2) наряду с частичными совпадениями в сенсорном оформлении страха в русском и английском языках наблюдаются и различия, в том числе собственно культурного характера; 3) отрицательная по модальности эмоция «страх/fear» сопряжена как с неприятными, так и с приятными ощущениями, однако связь приятных ощущений со страхом имеет ситуативный характер.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. *Харченко В.К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М., 2012.
3. *Нагорная А.В.* Метафтонимия в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2003. № 11-2 (29). С. 128–134.
4. *Лаенко Л.В.* Восприятие – сознание – язык: проблема взаимосвязи // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 5–15.
5. *Стернин И.А.* Об образном и рефлексивном сознании // Язык – Сознание – Культура – Социум. Сб. докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 99–104.
6. *Ильин Е.П.* Психология страха. СПб., 2017.

Е.В. Федяева
А.А. Тарабакина
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск

Этнокультурная специфика концептуализации эмоций и ее репрезентация в языке

Аннотация. В статье рассматривается влияние этнокультурного контекста на выбор мотивирующей основы для концептуализации эмоциональных состояний. Особое внимание уделяется роли культурно маркированного знания в процессах метафорического осмысления эмоций.

Ключевые слова: эмоции, этнокультурный контекст, интерпретация, концептуальная метафора

E.V. Fedyaeva
A.A. Tarabakina
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk

Culture-specific conceptualisations of emotions and their linguistic expression

Abstract. The article examines the impact of the cultural context on interpreting emotional states. Special attention is paid to the role of culturally constructed knowledge in the process of metaphorical conceptualisation of emotions.

Keywords: emotions, cultural context, interpretation, conceptual metaphor

Познание человеком окружающей действительности и своего внутреннего мира, как известно, осуществляется в рамках определенного этнокультурного пространства, что оказывает существенное влияние на процессы интерпретации переживаемого опыта. Следствием принадлежности индивида к какому-либо национальному или этническому сообществу становится формирование культурно маркированных единиц знания, встраивающихся в индивидуальную концептуальную систему конкретного человека и предопределяющих ее структурные и содержательные особенности.

Понимание языка как особой знаковой системы, в символической форме отражающей знания человека о мире, обусловило необходимость подробной разработки проблем взаимосвязи когниции, культуры и языка. Так, Ф. Шарифьян акцентирует внимание на конституирующей роли различных форматов культурно обусловленного знания – когнитивных схем (cultural schemes), категорий (cultural categories), метафор (cultural metaphors) – в процессах формирования концептуальной и языковой картин мира [1, р. 7–9]. Иными словами, этнокультурный контекст в равной степени оказывает влияние на когнитивную обработку информации, поступающей извне, и на избираемые человеком формы языковой интерпретации переживаемого опыта. Неотъемлемой составляющей опыта взаимодействия с окружающей действительностью являются эмоциональные состояния как естественные реакции человека на события внешнего и внутреннего мира.

Язык эмоций, как отмечает З. Ковечеш, метафоричен по своей природе [2, р. 1], что обусловлено в первую очередь сложной, многокомпонентной структурой эмоционального опыта. С точки зрения американского психолога К. Изарда, эмоциональное переживание представляет собой многоуровневый феномен, в котором выделяются нейрофизиологический, когнитивный, экспрессивный и моторный аспекты [3, р. 56]. В связи с этим представляется закономерным тот факт, что осмысление эмоциональных состояний, как правило, осуществляется посредством механизма концептуальной метафоры, подробно описанного в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Напомним, что, согласно когнитивной теории метафоры, абстрактные сущности интерпретируются в терминах более конкретных сущностей, чаще всего принадлежащих материальному миру и непосредственно доступных человеческому восприятию [4]. Особый интерес представляет роль культурно маркированного знания в процессах метафорического осмысления переживаемых эмоций.

Необходимо подчеркнуть, что роль этнокультурного контекста не ограничивается формированием специфического знания, распределенного между членами данного коллектива. Осмысление нового опыта с привлечением универсальных концептуальных структур осуществляется

через призму ценностей, норм и стереотипов, присущих данному лингвокультурному сообществу [5]. Поскольку знания человека о мире представляют собой систему взаимосвязанных когнитивных структур, становится очевидным, что конвенциональные эталоны сравнения не используются изолированно. Напротив, по словам З. Ковечеша, универсальные метафорические модели, характеризующиеся высокой степенью обобщенности, в своей конкретной реализации получают определенное содержательное наполнение (т. н. «культурно маркированный компонент»), что приводит к модификации первоначального значения, закрепленного за конвенциональным эталоном [6, р. 68]. Среди базовых образно-схематических когнитивных структур, составляющих основу метафорического осмысления эмоций, особый интерес представляет когнитивная схема ЧЕЛОВЕК – КОНТЕЙНЕР [7], обуславливающая формирование конвенциональной метафорической модели ЧЕЛОВЕК – ВМЕСТИЛИЩЕ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ. Рассмотрим на примере ее специфическую реализацию, отражающую особенности менталитета русской нации:

(1) А по временам, видя, что в ней мелькают не совсем обыкновенные черты ума, взгляды, что нет в ней лжи, не ищет она общего поклонения, что **чувства в ней приходят и уходят просто и свободно**, что нет ничего чужого, а все свое, и это свое так смело, свежо и прочно – он недоумевал, откуда далось ей это, не узнавал своих летучих уроков и заметок.¹

В представленном фрагменте человек, как и во многих других культурах, концептуализируется как вместилище чувств, однако чувства, наполняющие его, рассматриваются в качестве автономных сущностей, не поддающихся каким-либо манипуляциям. Данная национально специфическая форма переосмысления универсального эталона соответствует таким мировоззренческим установкам, как смирение с естественным и неотвратимым течением событий, вера в решающую роль судьбы и случайности.

Отметим также, что представителям других лингвокультурных сообществ, например американского, менее свойственна интерпретация внутренних переживаний в связи с представлениями о внешней силе, наполняющей человека чувствами:

(2) I liked standing just outside the couches and watching them – it was **a kind of sad I didn't mind**, and so I just listened, **letting all the happiness and the sadness of this ending swirl around in me**, each sharpening the other².

В примере (2) человек представлен активным участником событий своей внутренней жизни, способным контролировать чувства, допускать их возникновение или противодействовать этому, вследствие чего переживание эмоций (в т. ч. интенсивных, усиливающих друг друга) приобретает интенциональный характер.

В процессах интерпретации эмоциональных состояний значительная роль также отводится ключевым концептам культуры – единицам культурно маркированного знания, аккумулирующим в себе специфические черты мировосприятия, ценностные ориентации и убеждения, свойственные определенному этносу или нации. Данные когнитивные структуры вербализуются в так называемых «ключевых словах культуры», которые, по мнению А. Вежбицкой, «отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого общества, но и образ мышления» [8, с. 19].

(3) We were **in the business of mutual amusement**, and we were reasonably **prosperous**³.

В данном случае концепт BUSINESS, отражающий ключевые ценности американской культуры (личная инициатива, предприимчивость, прагматичность, ориентация на успех), используется для структурирования опыта в сфере эмоционально окрашенных отношений между людьми, выступая в качестве мотивирующей основы для формирования метафоры EMOTIONALLY CHARGED INTERACTIONS ARE BUSINESS RELATIONS. Вследствие этого высвечиваются такие характеристики эмоционального взаимодействия, как его результативность, степень успешности и выгода, полученная каждым из участников.

Представителям британской лингвокультуры, как известно, не свойственно вербальное выражение испытываемых чувств, а при необходимости охарактеризовать переживаемое эмоциональное состояние британцы склонны к преуменьшению, что продиктовано значимостью концепта UNDERSTATEMENT. Феномен языковой сдержанности, определяющий специфику повседневного межличностного общения и социальных отношений в целом, по словам К. Фокс, обусловлен тем, что излишняя искренность, сентиментальность и эмоциональность в британском обществе признаются неуместными [9]. Эта черта британского менталитета находит отражение в

¹ Гончаров И. А. Обломов. М., 2019. С. 580.

² Green J. Paper Towns. Washington, 2009. P. 215.

³ Там же. P. 17.

метафорических формах осмысления эмоций за счет актуализации соответствующих концептуальных признаков:

(4) Between them, the wriggling blur of a child – Amelia, aged two. There is **a murmur of feeling** from the women in the audience⁴.

В предложенном фрагменте сдержанность в проявлении чувств ассоциируется с шепотом, что приводит к формированию интерпретирующих характеристик ‘трудно уловимый’, ‘неопределенный’, ‘доступный ограниченному кругу лиц’. Отметим также, что данная форма языковой интерпретации эмоционального состояния, получившая в рамках британской культуры статус конвенциональной, отражает такие ценностные ориентации и принципы британцев, как стремление к сохранению самообладания и неприкосновенности внутренней жизни.

Одним из ключевых концептов русской лингвокультуры считается концепт ДУША, ассоциирующийся с нравственными качествами и эмоциональными переживаниями [10, p. 48–55]. Носителям русской культуры свойственны представления о душе как о сущности, противоположной разуму и рациональному мышлению, что обуславливает приписывание ей таких признаков, как субъективность, непредсказуемость и непостоянство, отражающих специфические черты русского национального характера. Обращение к концептуальной области ДУША в процессах интерпретации эмоциональных состояний представляется естественным:

(5) Она испытывала восторг. **Душа ее была переполнена счастьем**⁵.

(6) Она открыто глядела в его душу, видела, **как рождалось чувство на дне его души**, как играло и выходило наружу⁶.

(7) – Но, Костя, ты преувеличиваешь, – говорила Кити, **в глубине души радуясь** той силе любви к ней, которая выражалась теперь в его ревности⁷.

Приведенные фрагменты произведений русских классиков демонстрируют разные способы структурирования концепта ДУША в процессе метафорического осмысления внутренних переживаний и профилирование разных концептуальных признаков. Так, в примере (5) интерпретация чувства основана на метафорической модели ДУША – ВМЕСТИЛИЩЕ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ, являющейся национально специфической вариацией вышеупомянутой универсальной метафоры ЧЕЛОВЕК – ВМЕСТИЛИЩЕ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ. Во фрагменте (6) реализуется концептуальная метафора ДУША – ИСТОЧНИК ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ.

Представляет интерес и следующая закономерность, на которую обращали внимание А. Вежбицкая и К. Годдард в статье, посвященной анализу ключевых слов разных культур. По мнению авторов, во взаимосвязи с концептом ДУША чаще осмысляются «глубинные» чувства, не получающие явного внешнего выражения («Feelings [...] have a certain profundity and spiritual quality» [11, p. 47]). Эта особенность выражается в конвенциональных формах языковой интерпретации внутренних переживаний. К таким языковым формам относится представленный в примере (7) фразеологический оборот *в глубине души*, метафоричный по своей природе, используемый носителями русской культуры для описания чувств, сознательно скрывааемых человеком от окружающих.

Подводя итог, отметим, что этнокультурный контекст оказывает существенное влияние на метафорическое осмысление эмоциональных состояний. Следствием привлечения культурно маркированных единиц знания в процессе метафоризации становится модификация универсальных эталонов сравнения, мотивированных опытом непосредственного взаимодействия человека с окружающей действительностью. Роль ключевых концептов культуры – содержательно насыщенных когнитивных структур – состоит в высвечивании определенных концептуальных характеристик эмоционального состояния, соответствующих ценностным ориентациям, принятым в данной культуре, что обуславливает широкую кросс-культурную вариативность языковой интерпретации эмоционального опыта.

Литература

1. *Sharifian F.* Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical framework and applications. Amsterdam, PA, 2017.
2. *Kövecses Z.* Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge, 2003.

⁴ *Setterfield D.* Once Upon a River. New York, 2019. P. 363.

⁵ *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М., 2015. С. 53.

⁶ *Гончаров И. А.* Обломов. М., 2019. С. 294.

⁷ *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М., 2015. С. 604.

3. *Izard C. E.* The Psychology of Emotions. New York, 1991.
4. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
5. *Gibbs R. W.* Taking metaphor out of our heads and putting it into the cultural world // Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997. Amsterdam, PA, 1999. P. 145–166.
6. *Kövecses Z.* Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge, 2005.
7. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.
8. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
9. *Fox K.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London, 2005.
10. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford, 1992. P. 48–55.
11. *Goddard C., Wierzbicka A.* Key words, Culture and Cognition // Philosophica. 1995. № 1. P. 37–67.

Раздел VI. Исследования в области аргументирования, зрительного восприятия и социальной когниции

Л.М. Алексеева
С.Л. Мишланова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь

Моделирование коллаборативного перевода

Аннотация. Статья посвящена раскрытию наиболее актуальных вопросов, связанных с моделированием когнитивных процессов, к числу которых относится перевод. Выявляется особенность коллаборативного перевода в аспекте лингводидактики. Характеризуются основы модели и разрабатываются принципы, в соответствии с которыми осуществляется процесс моделирования. Производится описание этапов циклической модели перевода, имеющей универсальный характер.

Ключевые слова: коллаборативный перевод, моделирование, циклическая модель, цифровые технологии, локализация

L.M. Alekseeva
S.L. Mishlanova
Perm State University
Perm

Modeling of collaborative translation

Abstract. The article highlights one of the most pressing issues related to the modeling of cognitive processes, including translation. The peculiarities of collaborative translation in the aspect of linguo-didactics are revealed. The authors describe theoretical foundations of the model and characterize principles of its building and the stages of the cyclic model of translation, which has a universal character.

Keywords: collaborative translation, modeling, cyclic model, digital technologies, localization

Необходимость моделирования когнитивных процессов связана с новой постнеклассической парадигмой науки, характеризующейся сетевыми свойствами, признаками соорганизации, саморазвития и соконструирования получаемого знания [1–4] и др.

Постмодернистские тенденции развития переводоведения находят выражение в том, что происходит своеобразное «размывание» устойчивых традиционных понятий и отношений между «своим и родным», «чужим и переводимом», «индивидуальным и социальным», характерных для перевода.

Начиная с конца 1980-х гг. переводоведение наполняется новым контентом за счет компьютерных и цифровых технологий. Наибольший интерес исследователей перевода в конце 2000-х годов вызывает понятие *crowdsourcing* (*краудсорсинг*), соотносимое с открытыми платформами разрабатываемых проектов. В это время Facebook и многие другие социальные сети начали практическое внедрение принципа «открытых ресурсов». Приведем одно из известных высказываний в отношении данного понятия: “Open Source means that anyone is freely licensed to use, copy, and edit the software. Furthermore, the source code is made available, is openly shared and users are encouraged to improve the code” [3, p. 149–173].

Термин «краудсорсинг» (термин Джеффа Хоу) первоначально означал определенный вид работы, выполненной экспертами, для большой (чаще всего виртуальной) группы. В дальнейшем работы по предварительному заказу стали выполняться не-экспертами, что значительно удешевляло заказ. Помимо этого, в краудсорсинге сократился разрыв между экспертами и не-экспертами. Ряд исследователей отмечает, что с учетом данного фактора в настоящее время непрофессиональные переводчики представляют серьезную конкуренцию переводчикам-экспертам (см. [5; 6] и др.). При этом наблюдается невысокое качество выполненных локализерами, т. е. авторами, переводов, что в сочетании с низкой оплатой результатов труда компрометирует всю переводческую деятельность.

Цифровые технологии нашли отражение в переходе от компьютеров к смартфонам и планшетах с целью быстрого доступа к веб-контенту. Статистика за 2021 г. показывает, что из 7,83 миллиарда жителей Земли 4,66 миллиарда являются активными пользователями Интернета¹. Эти данные демонстрируют рост потребности в переводной информации, объясняемый слиянием в техническом плане мобильных приложений и веб-локализаций. В этой ситуации в роли заказчиков перевода выступают пользователи социальных сетей, владельцы разнообразных гаджетов, для которых главным требованием к переводу является скорость получения, тогда как экспертный уровень качества переводного текста необязателен.

Очевидно, что характеристики современного заказчика перевода изменились за счет свойств коллективности пользователя. Феномен групповой рефлексивности исследуется в работе [7] А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика «Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований» (2011).

В этой связи профессия переводчика оказывается чрезвычайно востребованной с учетом ее многопрофильного характера [8].

Индустрия перевода стала ориентироваться на профессионалов с новыми навыками, связанными с созданием и управлением большими объемами данных (Big Data), совершенствованием продукта машинного перевода (постредактирование), с автоматизацией оценки качества перевода, с производством мультимодальных текстов и др. При этом учитывается еще один фактор: технологии Web 2.0 предоставляют не-экспертам платформу для демонстрации своих умений.

Отсюда возрастает роль университетов, обеспечивающих подготовку студентов в сфере перевода, которые имели бы представление о настоящих и будущих требованиях потенциальных работодателей. В связи с этим студенты получают возможность приобрести широкий спектр лингвистических и переводческих навыков, а также знания CAT-инструментов и навыки управления проектами перевода.

Исследователи переводческого процесса высказывают идею о рефрейминге перевода, основанную на понятии технологической революции в сфере индустрии перевода, влекущей за собой изменение в профессии переводчика [9, p. 514].

Так, И. Гарсия делает вывод о том, что эра профессиональных переводчиков в настоящее время завершается, а понятие перевода как определенного профессионального навыка, вырабатываемого в результате обучения, постепенно исчезает. В результате этого, рано или поздно, профессионал-переводчик неизбежно столкнется с непрофессионалом, занимающимся компьютерным переводом [10].

Понятие рефрейминга перевода связано с новыми формами переводческой деятельности, включающей коллаборативный перевод. Интерес к нему мотивирован громадным объемом цифровой информации, подлежащей переводу. При этом отмечается, что количество экспертов-переводчиков недостаточно для удовлетворения потребностей заказчиков.

Цель проводимого нами исследования заключается в обобщении результатов моделирования коллаборативных переводческих действий. Коллаборативный перевод (в нашей терминологии *troud-sourcing*) понимается нами как коллективные переводческие действия, основанные на принципах социального конструктивизма, рефлексивной практики и локализации, направленных на создание коллективного продукта совместной деятельности [11–13]. Для нас коллаборативный перевод не просто относится к пространству перевода, включающего текст, переводчиков и электронные ресурсы, но представляет собой комплексную сетевую деятельность, предполагающую разработку студентами тактики совместных действий.

Коллаборативный перевод является одним из новых направлений современной переводческой лингводидактики (см. [10; 14–19] и др.). Так, американские исследователи Дональд Де Палма и Натали Келли вводят в оборот новый термин «коллаборативный перевод» (*collaborative translation*), трактуемый ими как такой вид перевода, который осуществляется параллельно несколькими людьми без публикации и предварительной правки за счет локализации в сети [20]. По их мнению, данный вид перевода намного эффективнее классического, поскольку он предполагает меньше количество ресурсных затрат.

Основываясь на данных представлениях о коллаборативном переводе, мы разрабатываем принципы и критерии его моделирования, обращая особое внимание на факторы, которые оставались в стороне в традиционном переводоведении.

---

¹ <https://websitesetup.org/news/internet-facts-stats>.

Моделирование коллаборативного перевода осуществляется с учетом характера деятельности (коллективного взаимодействия, самоорганизации и др.) и затрачиваемых ресурсов (цифровых технологий, краудсорсинга, метода TAP и др.) [12]. В данных исследованиях отмечается роль и значение моделирования коллаборативного перевода для теории и практики перевода, а также для сопоставительного направления переводоведения.

При моделировании мы учитываем следующие принципы: 1) отказ от традиционной *линейной* модели и переход к *циклической* модели перевода, 2) акцент на взаимодействии между субъектами в процессе совместной переводческой деятельности, 3) возможность множественных обращений к финальному продукту и доработки его качества, 4) использование цифровой платформы.

Известно, что в традиционной методике процесс перевода моделировался при помощи линейной модели, основанной на бинарных оппозициях: исходный текст – переводной текст, автор – переводчик, буквальный перевод – вольный перевод и др. Принцип циклической модели предусматривает тесную взаимозависимость всех элементов процесса перевода, а также переход (трансфер) от низших форм мышления (прототипическое знание – понимание) к высшим формам (анализ – критическое мышление – креативное моделирование). В циклической модели каждый этап дополняет следующий. Поэтому можно войти в цикл на любой стадии и проследить его логическую последовательность. Отметим большое значение для проектирования модели трансфера знания, разработанное в трудах В.З. Демьянкова [21; 22].

Еще одним критерием моделирования является предполагаемая самоорганизация обучаемых, позволяющая ответить на вопросы о том, каким образом группа переводчиков вырабатывает коллективные стратегии перевода, как они производят переводной текст, каким путем у них формируется и развивается переводческая компетенция.

Принцип множественного обращения к коллективно создаваемому продукту выстраивается на его понимании как постоянно изменчивого, без жестких границ, текста. В этом случае каждый из участников проекта имеет возможность добавить в него свой вариант, выступая в качестве просюмера (продюсер + консюмер).

Данная модель разрабатывалась и реализовалась при попытке описать ряд факторов, которые мы выявили на основании своего опыта в качестве преподавателей-переводчиков. Во-первых, студенты, обучаемые в группе, обладали разной степенью сформированности языковой, терминологической и переводческой компетенций. Во-вторых, многие из них ранее не обучались работе с текстом как определенной целостностью. Помимо этого, студенты не владели активными навыками формирования переводческой стратегии.

Анализ выявленных факторов привел нас к мысли о том, что обучение студентов переводу традиционными методами будет неоправданно затратным, т. е. наши дидактические усилия не дали бы эффективных результатов.

Для разработки более подходящей для подобных групп студентов методики мы остановили свой выбор на коллаборативном переводе, обращая внимание на то, чтобы у каждого обучаемого была возможность заниматься так, как ему больше всего подходит. Разработанная нами методика коллаборативного перевода задействовала и формировала способности каждого студента на всех этапах обучения переводу.

В основу коллаборативного перевода положены идеи Л. С. Выготского о развитии мышления в процессе сотрудничества и подражания, т. е. тех двух факторов, которые демонстрируют более высокий интеллектуальный уровень в сравнении с самостоятельной работой обучаемых [23]. Л. С. Выготский назвал подобные условия зоной ближайшего развития, характеризующейся переходом от самостоятельных действий к сотрудничеству, способствующему динамике развития и успешности умственной деятельности обучаемых [23, с. 218–219].

Процесс мышления рассматривался Л. С. Выготским как сложный акт *обобщения*, выражающийся в последовательном переходе от одной структуры обобщения к другой (*синкрет, комплекс, предпонятие, понятие*) [23, с. 164–165].

Исследования Л. С. Выготского показывают, что образование понятий, как и всякая высшая форма интеллектуальной деятельности, представляет собою качественно новый процесс, основанный на операциях со знаками, которые изменяются при переходе из одной формы в другую. Данный процесс Л. С. Выготский назвал *живым знанием*, которое развивается, проходя путь через *ворота научных понятий* [23, с. 193–194].

Понимая перевод как мыслительную деятельность, связанную с освоением нового знания, т. е. с развитием понятия, мы считаем описанные основы психологии познания вполне подходящими для разрабатываемой модели перевода. Отмечая универсальный характер психологической

деятельности, мы усматриваем это свойство в циклическом характере перевода и соотносим его с возможностью применения как к индивидуальным, так и к коллективным переводческим действиям.

Разработанная нами циклическая модель коллаборативного перевода основана на двух типах знания – внутреннем и внешнем (см. рис. 1).

Рис. 1. Циклическая модель перевода

Отметим, что в отличие от традиционного переводоведения, в рамках которого перевод рассматривался как двухэтапный процесс, протекающий на внутреннем и внешнем уровнях, мы рассматриваем эти уровни комплексно как единый цикл развития понимания ИТ и вербализации исходного смысла [24]. Процесс обдумывания, т. е. планирования стратегии переводческих действий, мы связываем с интериоризацией (внутренним знанием), а этап непосредственной вербализации обдуманного мы соотносим с выводным знанием (внешним знанием). Понятие внутреннего знания, свойственного отдельной личности, разработано М. Полани [25]

На нашей модели цикл перевода начинается с нижней левой секции и развивается вверх, затем вправо по кругу. Это обозначено цифрами.

Как показано на модели, первая стадия цикла связана с процессом восприятия знака с помощью сложных когнитивных усилий, обозначенных нами понятием *когниция*.

По Л.С. Выготскому, внутренняя речь представляет собой максимально свернутую, сокращенную, стенографическую речь [23, с. 211]. По своему синтаксическому строению она исключительно предикативна. Это выражается в приписывании различных свойств, признаков или характеристик осваиваемому переводчиком объекту или явлению. В этом случае мышление (внутренняя речь) объединяет автора и переводчика текста в единое целое, называемое познавательной ситуацией.

Второй этап связан с процессом осмысления воспринимаемого смысла, понимаемым как выведение знания. Результатом первых двух этапов является движение (*трансфер*) от нерасчлененного смысла (*синкреты*, по Л.С. Выготскому) к формированию комплексного понятия основного смысла исходного текста (*комплексу*). В применении к переводческим действиям это значит, что переводчик выводит новое знание с помощью аналогий, сравнений и ассоциаций с уже имеющимся у него знанием.

В ходе третьего и четвертого этапов цикла формируются новые *предконцепт* и непосредственно *концепт*, репрезентирующиеся в переводном тексте. Работа переводчика на данных этапах связана с текстовыми компетенциями, т. е. умением развертывать смысл исходного текста.

Специфика циклической модели коллаборативного перевода заключается в том, что переход от внутреннего знания к внешнему поддерживается понятием самоорганизации, формирующейся на двух первых стадиях цикла переводческих действий. Данное понятие играет главную роль в процессе коллаборативного перевода, способствуя образованию новой социо-когнитивной формации, обладающей особым информативным пространством, в рамках которого реализуется образовательная цель [26].

Методика коллаборативного перевода использовалась нами при обучении студентов-бакалавров научному переводу. В целях выявления результативности данного метода проводился мониторинг качества выполненных переводов на основе анализа допущенных языковых ошибок, а также когнитивных и коммуникативных неудач. Помимо этого осуществлялось сопоставление двух видов перевода научного текста – индивидуального и коллаборативного (см. рис. 2).

Как можно заметить, при переводе текста методом коллаборации студенты допустили на 25% меньше когнитивных ошибок, чем при индивидуальном переводе. Коммуникативных неудач при коллаборативном переводе оказалось меньше примерно на 30%, чем при индивидуальном переводе. Студенты допустили также намного меньше языковых ошибок при коллаборативном переводе.

Результаты мониторинга показали, что применение методики коллаборативного перевода способствует более глубокому освоению специального знания студентами и повышению качества переводческого онлайн-продукта. В основе данной методики лежат принципы коллективного взаимодействия, интерактивности, самообучения, предполагающие появление новой модели обучения переводу с использованием современных технологий.

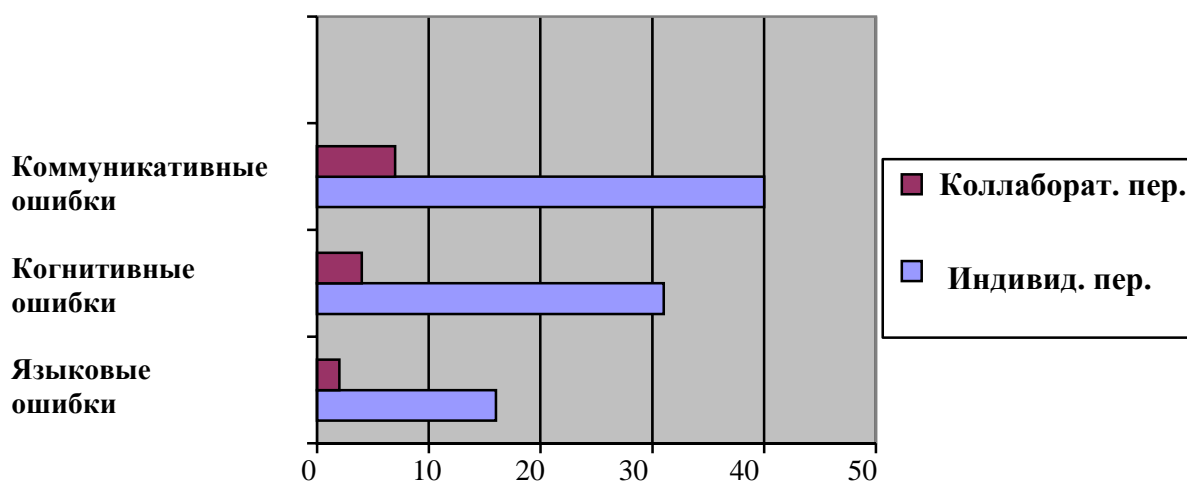

Рис. 2. Сопоставление индивидуального и коллаборативного видов перевода

Таким образом, коллаборативная методика обучения переводу предполагает возможность студентов самообучаться, т. е. корректировать собственные действия в ходе коллективной деятельности. Приведем конкретный пример перевода предложения индивидуальным и коллаборативным методами с целью демонстрации высокого уровня качества коллективной работы:

Оригинал:

“Cognitive, social, and neuropsychological studies of apparent mental causation suggest that experiences of conscious will frequently depart from actual causal processes and so might not reflect direct perceptions of conscious thought causing action”.

Индивидуальный перевод:

«В когнитивных, социальных и нейропсихологических исследованиях видимой психической причинности подразумевается, что ощущения сознательной воли часто расходятся с реальными причинными процессами и поэтому могут не отражать непосредственного восприятия сознательных мыслей, определяющих поступок».

Коллаборативный перевод:

«Согласно когнитивным, социальным и нейропсихологическим исследованиям ментальной каузальности, ощущение осознанной воли часто расходится с реальными каузальными процессами и,

таким образом, вряд ли способно отражать непосредственное восприятие осознанной мысли, вызывающей действие».

Перспективы использования циклической модели разнообразны. С ее помощью можно проводить внутренний экспертно-аналитический мониторинг уровня сформированности коллаборативной переводческой компетенции студентов вуза. Данная модель может послужить инновационной лингводидактической основой учебных программ, УМК, методических указаний и др.

Литература

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Бурдина О.Б. Антропологический аспект перевода: к вопросу о переводческой компетенции // Когнитивные исследования языка. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Москва; Тамбов, 2016. № 27. С. 694–700.
2. Alekseeva L., Mishlanova S. Knowledge Transfer in the Process of Translation of Scientific Texts // Proceedings of SGEM Conference on Anthropology, Archeology, History, Philosophy. 1–10 September, Albena, Bulgaria, 2014. P. 115–122.
3. Flanagan F. Cause for concern? Attitudes towards translation crowdsourcing in professional translators' blogs // The Journal of specialised translation. 2016. № 25. P. 149–168.
4. Pym A. Exploring translation theories. L.; NY. 2010.
5. Garcia I. Cloud marketplaces: Procurement of translators in the age of social media // The Journal of specialized translation. 2015. № 23. P. 18–38.
6. Pym A. The translator as non-author, and I am sorry about that // Eds. Claudia Buffagni, Beatrice Garzelli, Serenella Zanotti. The Translator as Author. Perspectives on Literary Translation. Münster, 2011. P. 31–44.
7. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Проблемы педагогики и психологии. 2011. № 3. С. 212–221.
8. Valero-Garcés C. Approaches to didactics for technologies in translation and interpreting. Introduction to the special issue of *trans-kom*, Part II // *Trans-kom*. 2019. № 12 (1). P. 27–33.
9. Minako O'Hagan, Mangiron C. Game localization: Translating for the global digital entertainment industry. Amsterdam, 2013.
10. Garcia I. Cloud marketplaces: Procurement of translators in the age of social media // The Journal of Specialised Translation. 2015. № 23. P. 18–38.
11. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Социо-когнитивные основы коллаборативного перевода // Когнитивные исследования языка. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года. Москва; Тамбов, 2018. № 24. С. 945–948.
12. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Коллаборативный перевод // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 5/2. С. 77–82.
13. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Когнитивные основы локализации в переводе // Когнитивные исследования языка. Вып. № 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: Материалы Междунар. науч. конф. по когнитивной лингвистике. 2–4 июня 2021 г. М., 2021. С. 748–751.
14. Cheong Ch. Bruno V., Cheong F. Designing a Mobile-app-based Collaborative Learning System // Journal of Information Technology Education: Innovations in Practice. 2012. Vol. 11. P. 97–119.
15. Cronin M. The translation crowd // Revista Tradumática. 2010. № 8. P. 1–7.
16. Jiménez-Crespo M.A. The intersection of localization and translation: A corpus study of Spanish original and localized web forms // Translation and Interpreting Studies. 2010. № 5 (2). P. 186–207.
17. Jiménez-Crespo M.A. Translation and Web Localization. London; New York, 2013.
18. Jiménez-Crespo M.A. Collaborative and volunteer translation // Angelelli C.V., Baer B.J. (eds). Researching translation and interpreting. New York – London, 2015. P. 58–70.
19. Sosoni V. Casting some light on experts' experience with translation crowdsourcing // The Journal of Specialised Translation. 2017. № 28. P. 362–384.
20. DePalma D.A., Kelly N. Translation of, by, and for the People. Common Sense Advisory, Inc. Lowell, Massachusetts, 2008.
21. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М., 2015. С. 17–29.

22. *Демьянков В.З.* Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М., 2016. С. 36–43.
23. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934.
24. *Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Формирование переводческой компетенции в обучении профессиональной коммуникации // Индустрия перевода: Материалы VII Междунар. науч. конф. (Пермь, 1–3 июня 2015 г.) Пермского нац. исслед. политехн. ун-та. Пермь, 2016. С. 126–130.
25. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.
26. *Майцер К.* Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков. URL: <https://spkurdyumov.ru/what/slozhnost-i-samoorganizaciya-vozniknovenie-novoj-nauki> (дата обращения 08.01.2022).

Метаязыковые операторы как средство манипулятивной апелляции говорящего к когнитивной базе языкового сообщества

Аннотация. В центре настоящего исследования – рефлексив в известном смысле (слова). В реальном речевом взаимодействии его эксплицированная установка на апелляцию ко всем известной информации приходит в противоречие с асертивным смыслом комментируемого слова, выражения или высказывания, которые актуализуют «под маркой общеизвестности» подчас небесспорные или сомнительные суждения либо дезавуируют или подвергают сомнению как раз те самые «общеизвестные истины», которые, казалось бы, призваны утверждать. В подобных случаях имеет место перекатегоризация явления/события или переинтерпретация факта/суждения в нужном для говорящего ключе – с точки зрения когнитивной, и использование манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto* – с точки зрения коммуникативно-прагматической.

Ключевые слова: метаязыковые операторы, рефлексив в известном смысле (слова), языковое манипулирование, когнитивная перекатегоризация, речевая стратегия *de re*

Т.В. Radbil
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod

Meta-language operators as a means of speaker's manipulative appeals to the cognitive base of the language community

Abstract. The focus of this study is the reflexive in a certain sense (of the word). In real speech interaction, its explicated attitude to appeal to all known information comes into conflict with the assertive meaning of the commented word, expression or statement as a whole, which does not at all express known information to everyone, but, on the contrary, either actualizes “under the brand of common knowledge” sometimes non-controversial or doubtful assertions, either disavow or question the very precisely the very “generally known truths” that, it would seem, are called upon to affirm. In such cases there is a re-categorization of a phenomenon/event or a re-interpretation of a fact/assertion in the way necessary for the speaker – from a cognitive point of view, and the use of a manipulative communicative strategy *de re* instead of a cooperative strategy *de dicto* – from the communicative-pragmatic point of view.

Keywords: meta-language operators, reflexive in a certain sense (of the word), language manipulation, cognitive re-categorization, speech strategy *de re*

Работа продолжает наши исследования в области когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-прагматического потенциала метаязыковых операторов по модели в *X* смысле (слова) в речевой практике носителей современного русского языка. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка.

Метаязыковой комментарий имеет в речевой практике огромное значение, поскольку, во-первых, он выступает как объективный индикатор языковой рефлексии носителя языка, показатель ее приоритетов и скрытых тенденций, а во-вторых, посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т. д. Автореферентный характер метаязыкового комментария снимает возможные семантические, стилистические, категориальные, формально-структурные ограничения на сочетаемость: он сочетается со словами любой тематической группы и части речи, с выражениями любой протяженности и пр. Рефлексивы являются метаязыковыми операторами модальных, смысловых и оценочных преобразований комментируемых выражений, причем с разнообразными интенциями говорящего, не всегда направленными на коммуникативное сотрудничество.

В центре настоящего исследования – рефлексив в известном смысле (слова). Эксплицитная семантика данного метаязыкового комментария ориентирует адресата на актуализацию

определенного пресуппозитивного фона высказывания в двух направлениях: (1) на отсылку к общеизвестной информации в пределах когнитивной базы языкового сообщества. Это находит свое выражение в таких производных значениях слова *известный*, как 'такой, о котором знают, имеют сведения' (ср. *известное всем событие*); 'общеизвестный (в сочетании с существительными оценочного, характеризующего значения)' (ср. *известный женолюб*); (2) на отсылку к информации, известной говорящему и слушающему «по умолчанию». Это находит свое выражение в таком производном значении слова *известный* эвфемистического характера как 'некоторый, подразумеваемый (но в данном случае прямо не называемый)' (ср. *девицы известного поведения*).

Однако, как мы покажем далее, некооперативность употребления рефлексивов, потенциально могущая привести к манипулятивности, заключается в дискурсивной актуализации противоречия между тем, что эксплицируется в рефлексиве, и тем, что реально подразумевается при его употреблении. В частности, в ряде примеров то, что якобы общеизвестно или известно по умолчанию коммуникантам, посредством употребления рефлексива *в известном смысле слова* в действительности выражает неочевидность комментируемого явления, события или состояния для говорящего: *Эта мера была вынужденной и в известном смысле оправдала себя*, – т. е. не в полном смысле оправдала, говорящему неочевидно, что полностью оправдала; *Этим в известном смысле компенсировалась вынужденная «горизонтальная» замкнутость, в которой евреи веками жили в инокультурном и иноконфессиональном окружении*, – т. е. явно не полностью компенсировалась; *Человек в известном смысле и с некоторой точки зрения, так сказать, лишь частица живого вещества, покрывающего планету; поэтому нам интересна и важна не личность, а это самое живое вещество, которое называется человечеством*, – здесь эксплицируется установка на некоторую «неполноценность» явления, именуемого комментируемым выражением, посредством использования *с некоторой точки зрения*.

С позиции когнитивной лингвистики, с употреблением метаязыкового комментария *в известном смысле (слова)* связано модальное эпистемическое преобразование, эксплуатирующее якобы общеизвестную или известную адресату информацию в комментируемом выражении. Манипулятивность в использовании данного метаязыкового комментария заключается в том, что зачастую в реальном речевом взаимодействии эта установка на апелляцию ко всем известной информации приходит в противоречие с асертивным смыслом комментируемого слова, выражения или высказывания в целом, которые вовсе не выражают всем известные сведения, а напротив:

(1) они актуализуют «под маркой общеизвестности» подчас небесспорные или сомнительные суждения: *Время было выбрано очень удачное – программирование начало бурно развиваться[,] и ему, как любой в известном смысле словесной деятельности, понадобились определенные стилистические ограничения*, – программирование ни в каком смысле, тем более в «известном», не является словесной деятельностью; *Страшна не столько смерть сама по себе (она-то в известном смысле грозит всем, поэтому биологически ее бояться невыгодно), а именно возможность «подхватить» что-то вредоносное*, – вообще говоря, смерть грозит всем не в каком-либо «известном», а в самом что и на есть прямом смысле.

(2) они дезавуируют или подвергают сомнению как раз те самые «общеизвестные истины», которые, казалось бы, призваны утверждать: *Наверное, мы посчитали, что если существует в известном смысле «деревенская» проза, то почему бы не быть и «городской»? – нетрудно видеть, что явление, для обозначения которого существует общепринятый и общеизвестный термин «деревенская проза», как бы подвергается сомнению, ироническому острашению, снижению, эффект которого усиливается за счет употребления в иронических кавычках прилагательного «деревенская»; *Наша история в известном смысле миф, тем более что сам Аксенов вымышленные имена дал персонажам*, – в этой ситуации очевидна манипулятивная установка автора на снижение ценностного регистра при восприятии аудиторией комментируемого выражения.*

Использование указанного метаязыкового комментария в целях реализации установки говорящего на снижение общепринятого ценностного регистра явления, обозначенного комментируемым выражением, ярко проявляется в следующих примерах: *Александр Александрович, преследуя определенную цель, не побоялся надеть Мечика положительными, в известном смысле, чертами*, – значит, все-таки не вполне положительными, не однозначно положительными; *Что же, в известном смысле Солженицына можно действительно назвать идеальной личностью*, – и здесь идеальная личность – не вполне идеальная.

Снижение ценностного регистра может использоваться и для создания иронического эффекта: *Ведь почтенный профессор как-никак не выгнал строптивого посетителя, а счел за благо в известном смысле пожертвовать собой*, – профессор здесь пожертвовал собой как бы не всерьез,

что и маркирует ввод в дискурс рефлексива *в известном смысле*.

В подобных случаях имеет место перекатегоризация явления/события или переинтерпретация факта/суждения в нужном для говорящего ключе – с точки зрения когнитивной, и использование манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* (как приема «языковой демагогии») вместо кооперативной стратегии *de dicto* – с точки зрения коммуникативно-прагматической. Указанный прием рассматривается в работе Булыгиной и Шмелева [1, с. 437–477]. Его суть заключается в том, что адресату навязываются некоторые мнения, позиции, трактовки, которые не предполагают дальнейшего обсуждения как раз в силу того, что говорящий, в рамках стратегии *de re*, использует универсальную оправдательную и усиливающую значимость сказанного формулу, которая взывает к неким исходным, базовым, первоначальным понятиям, к общеизвестным истинам. На этом фоне провоцируются и различные отклонения от логики и здравого смысла.

В частности, явное логическое противоречие состоит том, что рефлексив *в известном смысле слова* эксплицитно выражает мысль об общеизвестности того, о чем говорится, однако реально под марку *в известном смысле слова* закладывается смысл, известный только для говорящего: *Ученые говорят, что каждый человек в известном смысле слова по природе своей гений*. – В данной фигуре речи намеренно не эксплицируется, в чем именно состоит «известный смысл» и кому имен он известен (предполагается – всем). Здесь манипулятивность состоит в апелляции к неопределенному кругу референтов.

В этих случаях очень часто (намеренно или ненамеренно) комментируемое выражение как бы дезавуируется, потому что данный оператор способствует восприятию его референта как «ненастоящего», «второсортного» – не на самом деле, а только «в известном смысле», как в следующем примере: ... *ребенок сам делает то, что от него хотят, в этих случаях он в известном смысле слова воспитывается и обучается сам*.

Особенно это эффект усиливается, когда комментарий *в известном смысле слова* употребляется применительно к выражению, в принципе не подлежащему вероятностной или эпистемической оценке: ... *американское правительство стремилось скрыть правду так же, как оно не начинало уголовного расследования в известном смысле слова*. – Здравый смысл предполагает, что уголовное расследование может однозначно оцениваться как начатое или как не начатое, но никак не «в известном смысле» начатое. Здесь возникает импликация, дезавуирующая само проводимое расследование в зоне адресата в ценностном плане, т. е. перед нами снова не дескрипция или номинации события, а скрытое воздействие.

Аналогично: *Микробы в известном смысле регулируют не только состояние здоровья, но и поведение людей*. – Непонятно, как можно регулировать поведение людей «в известном смысле»? По сути, здесь утверждается, что микробы могут регулировать поведение людей, но не полноценно, не совсем по-настоящему.

Наиболее ярко алогизм проявляет себя в сочетании выражения *в известном смысле* с бытийными глаголами, которые не имеют валентности на сочетание с показателями градуируемости, параметричности (в смысле – едва ли можно существовать в большей или меньшей степени, в определенном смысле): *Но такого рода «народный суверенитет», который в известном смысле всегда существовал, не означает демократии* [Н.А. Бердяев. Новое средневековье (1924)]. Здесь рефлексив *в известном смысле*, комментируя словосочетание *всегда существовал*, прочитывается в режиме косвенного речевого акта, небуквально, в значении ‘существовал неполноценно, не по-настоящему’.

Именно установка на неподлинность, неочевидность комментируемого явления или факта приводит к их перекатегоризации, т. е. к смысловому преобразованию по модели метафоры: *Постовым в известном смысле приходится быть и физиономистами, и психологами*. – Здесь благодаря этому метаязыковому выражению включается «модальность кажимости», т. е. постовые на самом деле не являются ни физиономистами, ни психологами, они остаются работниками ГИБДД.

Люди Ренессанса не просто знали биографии и творчество выдающихся представителей античности, в известном смысле они жили среди них (см. переписку Петрарки). – Получается, что люди Ренессанса не в прямом смысле жили среди представителей античности, а в «известном».

Аналогично – выражение *в известном смысле* маркирует явный алогизм: *Ревность, упакованная в слове «соревнование», в данном случае имела существенную силу: он именно ревновал, не допуская мысли, чтобы кто-то превзошел его в чувстве к Москве, в сочувствии с Москвой, которая в известном смысле заменила ему родителей*. – Алогизм, вызванный сопряжением явлений из несочетающихся областей (Москва = родители), некоторым образом смягчается выражением *в известном смысле*, так как оно предполагает как раз установку на неточность, неполноту номинации.

Подводя итоги, отмечу, что с помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл исходного выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего. Перед нами – явления семантического преобразования особого типа, которое можно в целом определить как операция манипулятивной субституции узуального смысла в языковом высказывании.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики М., 1997.

Культура и когнитивные стили: в поисках агента влияния

Аннотация. Культурный контекст рассматривается как фактор формирования превалирующего когнитивного стиля индивидов: отбираемые культурной средой когнитивные процессы, обеспечивающие адаптацию, формируют аналитический или холистический когнитивный стиль. Концепция не объясняет диахронических изменений в культуре и присутствия в синхронном срезе культуры представителей обоих когнитивных стилей. В исследовании предлагается альтернативный взгляд на взаимовлияние культуры и когнитивных стилей. Данные серии лонгитюдных и экспериментальных исследований дошкольников подтверждают достоверные различия в показателях формирования высокоуровневых дифференциальных характеристик когнитивных стилей. Авторская модификация теории «невидимой руки», описывающей культурные изменения как результат совпадения индивидуальных действий, обосновывает последнее совпадением в синхронии превалирующих у индивидов корковых конфигураций более и менее развитых когнитивных процессов. Формирование синхронических характеристик культуры обусловлено превалированием носителей корковых конфигураций, формирующих аналитический или холистический стиль.

Ключевые слова: кросс-культурные различия, культурный контекст, когнитивные стили, корковые конфигурации обеспечения когнитивных процессов, изменения в культуре, социуме и языке

O.B. Sizova
Psychological and Pedagogical Center for Social Adaptation
of Children with Severe Speech Disorders
Saint-Petersburg

Culture and cognitive styles: in search an agent of influence

Abstract. The cultural context is considered as a factor in formation of prevailing cognitive style of individuals. Culturally selected cognitive processes that provide adaptation form an analytical or holistic cognitive style. The concept doesn't explain diachronic changes in culture and the presence of both cognitive styles representatives in the synchrony of culture. The study offers an alternative view of mutual influence of culture and cognitive styles. Data from studies of preschool children confirm significant differences in the formation of high-level differential characteristics of cognitive styles. The author's modification of the "invisible hand" theory, which describes cultural changes as a result of unintentional consilience of individual actions, substantiates this consilience by the coincidence in synchrony of the prevailing cortical configurations of more and less developed cognitive processes in individuals. The formation of culture synchronic characteristics is due to the prevalence of carriers of cortical configurations that determine the formation of analytical or holistic style.

Keywords: cross-cultural differences, cultural context, cognitive styles, cortical configurations of cognitive processes, culture, social and language changes

Каузальные связи между культурой и когнитивными стилями ее носителей в направлении «снизу вверх», понимаемые как влияние изменений в генотипе на формирование у индивидов качественно новых когнитивных процессов, определяющих изменения в социуме и культуре, отвергаются в современной антропологии. Скорость социокультурных трансформаций не соотносима со временем, необходимым для закрепления в популяции генотипических изменений [1]. Культурный контекст рассматривается как фактор влияния «сверху вниз», определяющий формирование превалирующей когнитивной стратегии представителей соответствующей культуры. Ранее в рамках антропологической концепции, основанной на Луриевской школе, предполагалось, что культурой обусловлен опыт, формирующий определенные функциональные системы головного мозга, преобладание которых в когнитивных процессах определяет мышление и поведение носителей культуры [1]. Более поздние исследования отказываются от рассмотрения физиологических коррелятов когнитивных стилей, представляя культуру как среду, подкрепляющую и таким образом осуществляющую отбор определенных «культурно-специфических» модусов поведения [2]. Наконец, исключается ситуационное взаимодействие как фактор влияния, социальное устройство через формирование представлений о мире определяет развитие соответствующих когнитивных процессов

и их выбор в текущей ситуации [3]. Описанный подход связывает формирование двух основных противопоставляемых когнитивных стилей индивидуумов – холистического и аналитического – с влиянием соответствующих культур – восточноазиатской и западной (восходящей к древнегреческой). Коллективистская азиатская культура, реализуясь в философии конфуцианства, формирует у индивидуумов полезависимость на основе представлений о важности контекста/поля/фона как причины трансформаций объекта, что ведет к преобладанию эмпирического знания над вербально-логическим. Стремление к гармонии в социальном взаимодействии обуславливает склонность к поискам компромисса при возникновении любого противоречия, в том числе и логического. Социальное устройство древнегреческого полиса предполагает независимость индивида, что реализуется в полнезависимости носителя западной культуры и представлении об обусловленности трансформаций внутренними свойствами объекта; социальная практика обсуждения законов в диспутах формирует важность вербально-логического знания, уверенность в истинности лишь одной из альтернатив и представление о принципиальной возможности постижения законов мироустройства.

Однако анализ предложенной концепции демонстрирует ее проблематичность предложенной концепции по целому ряду параметров. Прежде всего, исследовательская установка ведет к, возможно, умышленной неполноте описания социокультурного контекста: узаконенное рабство в Древней Греции не коррелирует с представлениями о независимом индивиде, свободно познающем мир. Интерпретация результатов тестирования такого дифференциального признака когнитивных стилей, как полезависимость/полнезависимость, также весьма проблематична. Неожиданно обнаружив в тесте включенных фигур полнезависимость представителей азиатской культуры, авторы исследования предположили, что высокий уровень выполнения обусловлен сходством стимульного материала методики с иероглифической письменностью. Результаты малазийцев, использующих латиницу, подтвердили ожидаемую полезависимость представителей именно этой культуры [3]. Определенно, подобная интерпретация ведет к парадоксальному выводу: большинство предположительно полезависимых носителей азиатской культуры тысячелетиями пользуются письменностью, сходной со стимульным материалом теста, успешное выполнение которого подтверждает полнезависимость. Обнаружен целый ряд противоречий эмпирического уровня при использовании методов дифференциации аналитического и холистического стилей путем выявления полнезависимости/полезависимости их носителей, что связывается с игнорированием проблемы исследования механизмов, порождающих эти когнитивные стили [4]. Также выявляются теоретические противоречия в описании культурного контекста как фактора формирования когнитивных стилей. Во-первых, помимо межкультурных, существуют внутрикультурные различия индивидов по показателям аналитичности – холистичности, которые могут быть инвертированы относительно различий, обнаруженных на межкультурном уровне [5]. Обоснование внутрикультурных стилевых различий принадлежностью индивидов к разным субпопуляциям [5, с. 82] представляется неудовлетворительным, поскольку выбор профессиональной деятельности и региона страны является скорее выбором носителя стиля, чем фактором, определяющим его формирование; принадлежность же к определенному классу или воспитание в гуманитарной или технической среде – это результат ряда выборов родителей и более отдаленных предков индивидуума, что в конечном итоге может актуализировать версию о факторе генетического наследования, а не о культурной обусловленности когнитивного стиля. Наконец, культура находится в непрерывном развитии при несинхронной динамике изменений в разных сферах [6], следовательно, не соответствует действительности и представление об аналитичности или холистичности культуры как ее стабильной характеристике, являющейся неизменным фактором формирования соответствующего когнитивного стиля носителей культуры. Для подтверждения факта влияния культурных изменений на когнитивные процессы необходимо лонгитюдное исследование, позволяющее сопоставить эти явления в динамике.

Таким образом, концепция культурного контекста как основного фактора, определяющего выбор когнитивного стиля, не объясняет механизмов формирования когнитивных стилей, присутствия представителей обоих когнитивных стилей в синхронном срезе любой культуры, а также причин изменений и развития культуры в диахронии. Методом, позволяющим получить необходимые объяснения, является внутрикультурное лонгитюдное исследование, позволяющее выяснить: 1) какие различия в индивидуальных когнитивных стратегиях соответствуют признакам, дифференцирующим противопоставляемые модусы культуры и общества; 2) каковы механизмы взаимосвязи, правила перехода между индивидуальными и коллективными уровнями и направление влияния. В предпринятом лонгитюдном исследовании, продолжавшемся от 12 до 48 месяцев, принял

участие 41 ребенок дошкольного возраста, среди которых 23 ребенка демонстрировали признаки аналитического стиля, 18 детей – холистического стиля. Принадлежность к когнитивному стилю определялась в соответствии с концепцией стилей раннего освоения языка Э. Бэйтс [7]. Исследование включало ежегодное тестирование развития моторных и языковых способностей информантов. Необходимо отметить, что характеристики стилей освоения языка, полученные при сопоставлении данных онтолингвистики и логопатологии [8], демонстрируют наличие основных дифференциальных признаков когнитивных стилей. Так, дети аналитического стиля склонны к точному воспроизведению языковых единиц – фонем и лексем; преобладание номинативов в начальном лексиконе и длительный период однословных высказываний также свидетельствуют о фокусе внимания на объекте и его внутренних свойствах. Дети холистического стиля внимательны к контексту, они раньше сверстников осваивают прагматические функции языка и однословные высказывания как языковые инструменты воздействия на целостную ситуацию. При этом языковые функции, преимущественно осваиваемые носителями аналитического стиля, обеспечиваются задней корой головного мозга, преимущества холистического стиля опираются на функции передней коры [8]. Это значит, что, вопреки мнению об одинаковой потенциальной доступности стилевых особенностей познания для представителей любой культуры, выступающей как ключевой фактор выбора когнитивного стиля посредством механизма средовой преднастройки [2], имеются основания для предположения об обусловленности механизма формирования реализуемого субъектом когнитивного стиля функциональным превалированием передней или задней коры. В этом случае стилевые особенности оказываются стабильной характеристикой индивида в лонгитюдном наблюдении и закономерно развиваются от физиологических до когнитивных характеристик. Результаты экспериментальных исследований подтверждают статистически достоверные различия (t-test) в исследованных группах: дети, демонстрирующие признаки аналитического или холистического стиля раннего освоения языка, надежно дифференцируются и по высокоуровневым характеристикам соответствующих когнитивных стилей. Исследование способности к категоризации у детей младшего дошкольного возраста (средний возраст 4 года 1 месяц) подтвердило, что обозначение ряда объектов гиперонимом с обобщающим значением раньше формируется у детей аналитического стиля, средний показатель адекватных реакций у них достоверно выше, чем у сверстников холистического стиля ($3.56 > 2.06$; $p < 0,1$). Уверенность в достоверности транслируемого суждения, являющаяся признаком аналитического стиля, исследовалась в старшем дошкольном возрасте (средний возраст 6 лет 1 месяц) на основе количественного и качественного анализа употребления предикатов знания в элицитированных высказываниях. Выявлено, что среди предикатов детей холистического стиля преобладают маркеры проблемной достоверности: «не знаю, не понял, забыл» (95% всех употреблений), в то время как в речи детей аналитического стиля 40% всех употреблений составляет маркер достоверного знания «знаю», свидетельствующий об уверенности в достоверности содержания суждения. Поскольку анализируемые предикаты не имели непосредственного отношения к теме диалога между взрослым и ребенком и относились к модальной рамке высказывания, выраженная склонность детей-аналитиков к подчеркиванию истинности транслируемого ими знания должна расцениваться как стилевой признак. Исследование понимания текста старшими дошкольниками продемонстрировало способность детей-аналитиков к более точному воспроизведению при пересказе двух ключевых компонентов текста ($1.83 > 1.4$; $p = 0,2$). При этом использование смысла ключевых слов при ответах на вопросы к тексту оказывается у этой группы значимо хуже, чем вербальная точность пересказа ($1.83 > 0.91$; $p < 0,1$). Дети холистического стиля, опираясь на смысл ключевых слов, актуализируют контекстную пресуппозицию, позволяющую верно ответить на вопрос при том, что ответ не содержится непосредственно в словах текста, и делают это даже при пропуске ключевого слова в пересказе. Опора на вербально-логическое знание не позволяет аналитикам выйти за пределы значений слов, составляющих текст, в то время как склонные к опоре на эмпирическое знание и учету контекста дети холистического стиля оказываются успешнее аналитиков в понимании прагматики текста. Таким образом, высокоуровневые признаки когнитивных стилей уже в дошкольном возрасте последовательно соотносятся с обусловленными конфигурациями корковых функций особенностями аналитического или холистического стилей раннего освоения языка за счет единства физиологического механизма, обеспечивающего проявления стилей на всех уровнях психической деятельности.

Теория «невидимой руки» Р. Келлера описывает правила и механизмы перехода с уровня индивидуальных особенностей на коллективный уровень. Диахронические изменения в языке, культуре и социуме являются высокоуровневыми незапланированными, но закономерными последствиями совпадения интенциональных индивидов, обусловленных сходством индивидуальных

намерений [9]. Обосновывая направление вектора влияния «снизу вверх», от индивидуального уровня к уровню социума и культуры, теория «невидимой руки», однако, является только дескриптивной, но не прогностической концепцией. Фиксируя уже произошедшее совпадение намерений индивидов и его последствия, теория не объясняет причин: 1) сходства индивидуальных намерений, 2) смены одного преобладающего способа действия другим при том, что оба способа доступны на любом этапе развития. Полученные в представленном исследовании данные позволяют объяснить совпадение индивидуальных намерений преобладанием в синхроническом срезе носителей определенных корковых конфигураций, формирующих превалирование соответствующего когнитивного стиля (вероятно, выраженного в различной степени в разных сферах культуры). Совпадение индивидуальных намерений и действий носителей определенной корковой конфигурации не предполагает осознанного контроля выборов свойственных когнитивному стилю способов действия, формирующихся еще в раннем детстве. Носители каждой корковой конфигурации более приспособлены для принятия и воспроизведения мемов [10], порожденных носителями той же конфигурации. Следовательно, циркуляция аналитических или холистических мемов поддерживается не культурным контекстом как таковым, а преобладанием соответствующих корковых конфигураций, формирующих путем порождения и воспроизведения мемов тенденции культурного контекста. Таким образом, преобладание носителей определенной корковой конфигурации приводит на микроуровне к совпадению индивидуальных намерений и действий, порождаемых преобладающей корковой конфигурацией. На макроуровне по правилам теории «невидимой руки» это количественное преобладание ведет к формированию культуры и социума, описываемых как «аналитические» или «холистические». Смена преобладающих корковых конфигураций приводит к постепенным и не всегда синхронным в разных сферах изменениям характеристик культуры, языка и социума. Таким образом, предлагаемая обратная перспектива «снизу вверх» подразумевает обоснование формирования синхронических характеристик культуры превалированием носителей определенных корковых конфигураций, определяющих формирование аналитического или холистического стиля, как основных агентов влияния.

Литература

1. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.
2. Oyserman D., Lee S.W.S. A situated cognition perspective on culture: Effects of priming cultural syndromes on cognition and motivation // Ed. by R. Sorrentino, S. Yamaguchi. Handbook of Motivation and Cognition across Cultures. San Diego, CA, 2008. P. 237–265.
3. Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 55–86.
4. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004.
5. Апанович В.В., Знаков В.В., Александров Ю.И. Апробация шкалы аналитичности-холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
7. Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.
8. Сизова О.Б. К вопросу об иерархии механизмов речи // Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. АСГА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды ИЛИ РАН Т. XIII. Ч. 3. СПб., 2017. С. 741–773.
9. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Самара, 1997.
10. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 1976.

Раздел VII. Прагматика метафоры и процессы понимания в разных культурах

А.П. Миньяр-Белоручева
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва

Концептуальная метафора как инструмент реконструирования исторического прошлого в разных культурах

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные метафоры, посредством которых историки реконструируют картину исторического прошлого. В задачи данной работы входит выявление особенностей использования концептуальных метафор в англоязычном историческом дискурсе. Решение этой задачи осуществлялось на основе применения метода концептуального анализа. Методологической базой исследования послужила теория концептуальных метафор, позволившая установить, что для реконструирования исторического прошлого историки используют разные типы концептуальных метафор. В заключение отмечается, что анализ концептуальных метафор, функционирующих в историческом дискурсе, может внести определенный вклад в развитие теории концептуальных метафор.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, исторический дискурс, историческое прошлое

A.P. Min'yar-Belouchcheva
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Conceptual metaphor as a tool of reconstructing the historical past in different cultures

Abstract. The article discusses conceptual metaphors in historical discourse, which are used to reconstruct the life of the historical past. To achieve the objective of the research dealing with the features of the mentioned metaphors, the investigation has been carried out within the framework of the conceptual metaphors analysis. As a result of the study, it has been established that historians use different types of conceptual metaphors to reconstruct the historical past. In conclusion, it is noted that the analysis of the conceptual metaphors, which function in historical discourse can make a certain contribution to the development of the theory of conceptual metaphors.

Keywords: conceptual metaphors, historical discourse, historical past

В современной когнитивно-дискурсивной парадигме существенное место отводится концептуальной метафоре. Метафора как форма мышления и способ концептуализации мира, существуя в двух мирах одновременно – реальном и виртуальном, создает образы, подводящие к конкретной мысли. Пройдя длинный путь в своем развитии, испытав взлеты и падения, метафора обрела новую жизнь благодаря теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой, понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по своей природе метафорична [1, с. 25]. Это относится ко всем сферам жизнедеятельности человека, включая историю. Метафора играет определяющую роль в историческом дискурсе, позволяя познавать неперцептивную историческую действительность в доступных для восприятия современного человека категориях. Специфика концептуальной метафоры проявляется в том, что при одновекторном проецировании конкретных понятий из сферы-источника на абстрактные понятия сферы-цели возникают новые образы, идеи, оценки. При этом сфера-источник оставляет свой след в сфере-цели, обуславливая искомые выводы [2]. Особенность метафор заключается в том, что они имплицитно задают определенное видение мира, которое осуществляется в рамках конкретной культуры [3, с. 162]. Лингвистический поворот в исторической науке предоставил историкам возможность подойти к истории с позиций языка, поскольку только через язык можно познать историю развития человеческого общества, которая не дана историкам в непосредственном восприятии.

Концептуальная метафора, будучи универсальной категорией не только языка, но и мышления, позволяет историкам структурировать мир исторического прошлого. Как было

установлено, в основе концептуальных метафор лежит физический и культурный опыт человека, который посредством определенных ассоциаций «активно конструирует ментальные модели на основе а) восприятия, б) опыта, в) уже существующих моделей и г) общего социокультурного знания» [4, с. 26].

В историческом дискурсе функционируют как уникальные метафоры, характерные для отдельно взятой культуры, так общие и универсальные. Уникальность концептуальных метафор исторического дискурса обусловлена спецификой развития отдельно взятой страны; их понимание недоступно другим культурам без толкования. Общие метафоры характерны для народов, имеющих единые культурные корни. К универсальным концептуальным метафорам относятся антропоморфные, зооморфные и архетипичные метафоры, объединяющие разные культуры. Важнейшее достоинство концептуальных метафор, функционирующих в историческом дискурсе, согласно Ф. Анкерсмицу, заключается в преобразовании незнакомого исторического прошлого в знакомую и узнаваемую действительность. Метафоры всегда позволяют «рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Трансформация по-настоящему в знакомое – сущность метафоры» [5, с. 17]. Некоторые историки понимают это буквально – нивелируя пространство и время, они проецируют канувшие в Лету события исторического прошлого на политические события, известные их современнику-реципиенту. Во второй половине XX века одним из знаковых событий стала холодная война, продолжавшаяся сорок шесть лет. Для того чтобы продемонстрировать сложные отношения, сложившиеся между королем Англии Генрихом VIII и Ватиканом, в качестве исходного концептуального поля историк выбирает затянущееся событие XX столетия: “For three years Henry waged his ‘cold war’ with Rome” [6, p. 90]. Вопрос о корректности и допустимости использования подобного приема в историческом дискурсе остается открытым. Единственным его оправданием является максима, согласно которой история рассматривается как политика прошлого, которую нельзя изменить, но переосмыслив, возможно воспринять по-иному.

К универсальным метафорам Европейской цивилизации относятся метафорические образования, восходящие к античности. Европейские культуры, вышедшие из греко-римского наследия, сохраняют приверженность к метафорам, ядром которых являются мифонимы, теонимы, поэтонимы, историонимы [7] античности. К таким метафорическим единицам относятся: Achilles’ heel, ‘for a vulnerable spot’; the Gordian knot, ‘for an intractable problem’; Pandora’s box, ‘for a source of extensive but unforeseen troubles or problems’, частое использование которых перевело их в разряд стертых. Однако в историческом дискурсе, не утратив своей образности, они оживают, предвещая сложные времена: “...naming a Tsar was not maintaining him, force would be required to insure the succession for Peter and the invocation of force opened a Pandora’s box that would take eight years to close” [8, p. 55].

Концептуальные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, подразделяются на структурные, онтологические и ориентационные. Каждый тип концептуальных метафор доносит определенное знание об историческом прошлом. В англоязычном историческом дискурсе концептуальные метафоры структурного типа предоставляют «возможность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [1, с. 98], что позволяет осмыслить и реконструировать события эпохи Елизаветы I через призму медицинских метафор. Как известно, больного человека можно вылечить посредством лекарств, какими бы горькими они не были. Так, концептуальная метафора из области медицинских лекарственных средств позволяет достроить намерения английской королевы и ее последующие действия при принятии решения, касающегося дальнейшего направления развития ее королевства, которое находилось на грани гражданской войны вследствие непримиримых разногласий между католиками и протестантами, обострившихся после разрыва отношений Генриха VIII с Папским Престолом. Пять веков спустя для того, чтобы реципиент мог понять, какая ответственность была возложена на королеву при принятии ею эпохального решения после ее восшествия на престол, историк предлагает следующую метафорическую форму: “She (Elizabeth I) had to choose and she chose against Rome. Elizabeth always hated medicine of any kind and Papal Supremacy, however, diluted, would have been a bitter draught, too bitter, perhaps, for this daughter of Henry VIII and Anne Boleyn to swallow. The doctrinal issue was less clear-cut. She had been the Protestants’ hope. She could not desert them” [6, p. 191]. Однако изолированная концептуальная метафора, функционирующая в историческом дискурсе, не всегда достаточна для создания целостной картины происшедшего. Это приводит историка к необходимости обращаться к метафорическим системам, кластерам, каждая из которых опирается на отдельные концепты исходного поля [1], т. е. сферы-источники близкие и понятные современникам историка. Концептуальные метафоры парадигмально обусловлены, они теряют свой смысл и

значение с переходом истории на новый виток развития. Невозможность примирения протестантской Англии с католическими державами представлена лавиной метафор, нисходящих на реципиентов XX в., сферы-источники которых были понятны им в силу их физического и политического опыта: “To reconcile the Catholic Powers might have seemed then, as to reconcile the Axis was to seem later, the way to pluck the flower safety from the nettle danger. But what would this safety cost, and what would it be worth? The road which led to Rome was certainly broad and in some respects inviting, so too, the Queen’s Bible told her, the road which led to destruction” [6, p. 191]. В данном высказывании посредством концептуальных метафор подчеркивается судьбоносность принятия решения Елизаветой I, явившемся прологом к Елизаветинской эпохе – золотого века английской истории. Следует отметить, что структурные метафоры позволяют увидеть историю *per se*, которая метафорически воспринималась с древнейших времен [4], в неожиданном ракурсе. Восходящее к Древнему Риму осознание истории как потока отражается в таких метафорических образованиях, как ‘in the course of centuries’, ‘a historical current’, ‘the flood of events’ и т. д. Рассмотрение ИСТОРИИ КАК ДЕРЕВА – HISTORY AS A TREE, предложенное Франком Анкерсмитом [5, с. 336], проявляется в следующих метафорических образованиях: ‘the family tree’, ‘common cultural roots’, ‘to root out heresy’, ‘trunk events of the epoch’, ‘the two branches of the Plantagenet line’ и др.

Онтологические метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, позволяют историку воспринимать неодушевленные объекты с позиций их деятельности как живых существ [1, с. 59]. Персонафикация государств, веков, периодов войн, битв, восстаний, междуцарствий делает их активными участниками исторических событий, на которых можно возложить ответственность за дальнейшее развитие исторического процесса. Следующие онтологические метафоры свидетельствуют об этом: Germany declared war on...; Britain showed solidarity with...; the armed insurrection showed...; the imperial period saw...; the years watched...; the century witnessed. Посредством персонафикации историк создает яркие, эффектные образы, позволяющие выстраивать дальнейший ход исторических событий: “Rome successively reduced all the Greek successor states of the former Macedonia empire” [9, p. 139]. “The Kingdom of France, hopelessly overrun by the Hundred Years War against England, did not recover until the middle of the fifteenth century” [ibid., p. 394]. “The Hundred Years War first re-knit and then again snapped the political tie between England and France” [6, p. 43]. “The interregnum, which met its nadir with the execution of Cardinal at Naples, ushered in decades of chaos” [6, p. 395]. Из приведенных примеров следует, что абстрактные понятия концептуализируются как живые существа, участвующие в сложных межгосударственных или внутригосударственных отношениях.

Выстроенные на пространственных оппозициях ориентационные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе, свидетельствуют о победах и поражениях, удачах и крушениях, положении в обществе участников конкретных событий, отражая ценности, принятые в определенной культуре на конкретном этапе ее развития. Как правило, в большинстве культур восходящее ‘up’ ассоциируется с удачей, победой, а нисходящее ‘down’ соотносится с неудачей, низким положением, падением, крахом и гибелью. Оппозиция ‘up – down’ наблюдается в следующих метафорах: to obtain high state office и to be subjected to the harsh forms of disgrace. Ориентационная метафора ‘upward trend’ свидетельствует о начале экономического подъема ‘up’ английского королевства в конце XV века: “...England of 1485 was an England which was already beginning to feel the quickening effect of an upward trend in its population-curve” [6, p. 15]. В ориентационном метафорическом образовании: “An evil end fell upon the all the first three Visigothic kings who ruled Spain” [10, p. 20] – заложена идея падения ‘down’, которая ведет к краху захватчиков чужих территорий. Для носителей английского языка ориентационные метафоры воспринимаются через призму идеологической нагрузки. В историческом дискурсе сословная иерархия lords and vassals, freemen and serfs представлена метафорической оппозицией как superior and inferior. Таким образом, принадлежность к более высокому классу по сравнению с нижестоящим воспринимается как высокий статус – ‘up’, низкий статус рассматривается как ‘down’. Концептуальные метафоры позволяют создавать простые представления о сложных явлениях.

В заключение следует подчеркнуть, что в историческом дискурсе функционируют концептуальные метафоры разных типов, позволяющие осмыслить конкретные события исторического процесса и избежать их однозначных эксплицитных оценок. Концептуальные метафоры, будучи культурно обусловленными и амбивалентными по своей природе, позволяют по-разному истолковывать одно и то же историческое событие. Посредством создания эффектных образов они влияют на изменение восприятия неперцептивного исторического прошлого. Эффект использования концептуальных метафор в историческом дискурсе может быть непредсказуем. Это

приводит к необходимости их дальнейшего исследования, что, представляется, позволит внести определенный вклад в развитие теории концептуальной метафорики.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.
2. *Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1 (1). P. 39–74.
3. *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 2: Конфигурация в вынужденном рассказе. М., СПб., 2000.
4. *Заботкина В.И.* Междисциплинарный дискурс и знание // Материалы XII международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2015. С. 24–31.
5. *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М., 2003.
6. *Bindorff S.T.* Tudor England. London, 1983.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
8. *Oliva J.* Russia in the Era of Peter the Great. New Jersey, 1969.
9. *Davies N.* Europe: A History of Europe. London, 1997.
10. *Oman Ch.* The Dark Ages 476–918 AD. Independently Published, 2017.

Б.Д. Ныгметова
Павлодарский педагогический университет
г. Павлодар, Казахстан

Ж.Т. Оспанова
Евразийский гуманитарный институт
г. Нур-Султан, Казахстан

Прагматический аспект метеорологической метафоры

Аннотация. В данной статье рассматриваются прагматические особенности метафорических единиц. Объектом исследования является метеорологическая метафора в текстах метеопрогнозов. В статье раскрываются прагматические особенности функционирования метеорологической метафоры в современном языке средств массовой информации.

Ключевые слова: метеорологическая метафора, дискурс, прагматическая функция, метафорическая модель, эмоциональное воздействие.

B.D. Nygmetova
Pavlodar pedagogical University
Pavlodar, Kazakhstan

Zh.T. Ospanova
Eurasian Humanities Institute
Nur-Sultan, Kazakhstan

Pragmatic aspect of meteorological metaphor

Abstract. Pragmatic features of metaphor are presented in this work. The object of research is a meteorological metaphor in weather forecast texts. The article investigates pragmatic peculiarities of a meteorological metaphor functioning in present-day language of mass media.

Keywords: meteorological metaphor, discourse, pragmatic function, metaphorical model, emotional impact.

На современном этапе развития лингвистики значительное внимание уделяют исследованию прагматических аспектов функционирования языка [1–3]. Анализ литературы по данной проблеме свидетельствует о прямой связи прагматики с семантикой и грамматикой. Исходя из понимания Ф. Кифера, «описание прагматики предваряется описанием семантики, а поскольку описание семантики предваряется описанием синтаксиса, то и прагматика тем самым опирается на синтаксис» [4, с. 333]. Считаем, что определенный интерес может вызвать прагматический аспект метеорологической метафоры, в частности в связи с ее возможной экспрессивностью. Категория экспрессивности выражается в усилении выразительности, изобразительности, степени воздействия сказанного, то есть в том, что делает речь более яркой, впечатляющей. Перечисленные качества речи свойственны и метеорологическим сообщениям.

При рассмотрении прагматического аспекта в сфере метеорологической метафоры мы решаем такие задачи, как выявление связей между употреблением определенных метафор в процессе общения и теми ситуациями, в которых эти языковые единицы используются, выявление возможных правил и норм для типичных случаев исследуемой сферы практического общения.

Вопрос о прагматическом исследовании языка волновал не одно поколение лингвистов. Прагматика – это новая область лингвистических исследований, изучающая внеязыковое значение речевого выражения в определенных речевых ситуациях, это «отношения между выражениями, объектами, с которыми семантически связаны эти выражения, и теми ситуациями, в которых они используются» [5, с. 15]. Кроме того, прагматика, как и семантика, исследует значение выражения, но исследует понимаемое и передаваемое собеседниками значение в определенной речевой ситуации.

При передаче метеорологических сообщений наблюдается отсутствие оперативной обратной связи, что лишает журналистов и комментаторов возможности учесть реакцию аудитории,

следовательно, воздействие на массовую аудиторию должно опираться на заранее сформированные установки восприятия сообщения. Язык средств массовой информации (СМИ) характеризуется повышенным использованием изобразительных средств для выражения экспрессивности и оценки.

Употребление в метеорологических сообщениях метафорических высказываний является для слушающих сигналом принадлежности к данному обществу, данной культуре и т. д. Метафоры из разных областей-источников часто используются журналистами, чтобы придать своей информации экспрессивность, например: «Снегопад на юго-западе страны сдает свои позиции, однако на север надвигается ураган, наступление которого может повлечь за собой жертвы и разрушения» (Телеканал НТВ, Прогноз погоды, 25.11.20), где слушающий получает информацию о прекращении снегопада (*сдавать свои позиции*), предупреждение об опасности для жизни (*надвигается, наступление*). В данном случае наблюдается перенос знаний из области-источника «война» в область-мишень «погода». В следующем примере «Погода в Забайкалье капризничает третий день» (Телеканал НТВ, Прогноз погоды, 14.10. 2020) наблюдается перенос знаний из области-источника «Человек». Использование метафоры закрепляет ее за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность метеорологического сообщения, придает ему новые смысловые оттенки. При этом главная задача – понимание текста – достигается путем актуализации уже известных семантических полей. В этом случае важной оказывается не сама метафора, а ее функция, заключающаяся в процессе узнавания, когда слушающий / читатель воспринимает сообщение как нечто знакомое.

В приведенных примерах нашел отражение прагматический аспект языковых средств, когда скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение. Эффективное воздействие метеорологических сообщений, передаваемых посредством СМИ, напрямую зависит от выбора языковых средств, позволяющих извлечь дополнительную информацию из метеопрогноза с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний.

Из вышеизложенного следует, что наряду с семантическим анализом для всестороннего понимания языковых особенностей метеорологической метафоры необходимым представляется выделение прагматического аспекта ее использования. Это позволяет рассматривать речевую коммуникацию в аспекте общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения).

Таким образом, мы признаем, что речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, основой которого является выбор оптимальных языковых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации при этом может быть рассмотрена как серия решений говорящего. В когнитивистике значение высказывания определяется, прежде всего, способом «ментального конструирования» говорящим той или иной ситуации, а эти способы в метафорических и неметафорических высказываниях принципиально различны. Сила метафоры – в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира.

В прагматическом аспекте метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия, она позволяет трансформировать представления адресата об окружающей действительности. Например, ассоциируя погоду с образом войны, люди переносят на нее традиционное восприятие «войны-разрушительницы», несущей много лишений и горя всему человечеству, либо «войны-командира», обладающей огромной властью.

Мы полагаем необходимым ввести теоретически значимое для нашего исследования понятие «метеорологическая метафора» и определить его признаки. Термин «метеорологическая метафора» мы встретили в работах российской исследовательницы Ю. А. Ольховиковой [6]. Однако хотелось бы подчеркнуть тот факт, что она рассматривает метеорологическую метафору как сферу-источник метафорического моделирования политической действительности. Мы считаем возможным использовать сочетание «метеорологическая метафора» в терминологическом смысле по аналогии с сочетанием «политическая метафора» (А.П. Чудинов), «медицинская метафора» (О.С. Зубкова), «спортивная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), в которых прилагательное называет область-мишень.

Мы предлагаем следующее определение метеорологической метафоры: это концептуальная метафора, в основе которой лежит когнитивный механизм переноса человеком знаний из разных областей-источников на сферу знаний о погоде и различных погодных явлениях; иными словами, это метафора, в которой областью-мишенью является погода. Для нашего исследования важно также

определение термина «метеорологический дискурс». В 60–70-е годы дискурс понимался преимущественно как связанная последовательность предложений или речевых актов, что сближало его с термином «текст». Однако в современной лингвистике понятия дискурса и текста разграничиваются по нескольким параметрам: категория дискурса относится к области лингво-социального (значимым является лингвистический и экстралингвистический контекст), а текст относится к области лингвистического.

В концепции Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7, с. 8]. Ср. определения Н.Д. Арутюновой: дискурс – это «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [8, с. 137]. В состав дискурса включают также множество текстов, которые актуализуются в сознании автора и адресата при создании и восприятии нового текста. Свое определение дискурса вводит и казахстанский исследователь В.С. Ли: «Включение в понятие дискурса категорий социально-психологического характера, связанных со “взаимодействием людей”, с миром их ментальной деятельности, свидетельствует о естественном сближении дискурсивной теории и антропоцентрической парадигмы языка, поскольку дискурс – это целенаправленное коммуникативное действие говорящего субъекта, мировидение и миропонимание которого проявляется именно в дискурсивной деятельности. Поэтому исследование дискурса предполагает включение в его предметно-содержательную область личности автора дискурса, то есть дискурсивной личности» [9, с. 87–88].

При этом Г.Ю. Аманбаева определяет «внутренние рычаги порождения дискурса» в зависимости от его автора: «...интенциональные мотивации, личностные концептосферы обуславливают интерпретацию дискурса как модуса отражения авторского сознания, складывающегося на основе общечеловеческих констант, национальных и индивидуальных переменных. В данном ракурсе конструируются метадескрипции, отражающие образы языка как “пространства и дома духа”, элиминирующие духовный, ментальный, личностный механизмы дискурсии» [10, с. 14].

Итак, мы принимаем следующее рабочее определение: метеорологический дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, с одной стороны, совокупность всех речевых актов, представляющих процесс метеорологической коммуникации, а с другой – всю сумму знаний о погодных явлениях, необходимую для понимания указанных речевых актов, так называемый социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В нашей работе используется предложенное А.П. Чудиновым понятие прагматического потенциала метафорической модели – возможности типового эмоционального воздействия на адресата [11]. Под прагматическим потенциалом метафорических моделей мы понимаем, во-первых (в узком смысле), возможность соответствующих данной модели метафорических выражений оказывать эмоциональное воздействие на адресата: призывать к определенным действиям, провоцировать определенное состояние и т. д.; во-вторых, способность оценки характеризуемого метафорой предмета речи повышать или понижать его значимость в сознании адресата; в-третьих (в широком смысле), тенденцию к моделированию соответствующего образа реальности (в нашем случае складывающейся в определенный период метеорологической ситуации).

При использовании метафорических образов в сознании адресата формируются типовые прагматические смыслы. Прагматический потенциал метафорической модели может быть различным. Например, у метафорической модели [война] → [погода] часто формируется негативный, а порой и агрессивный потенциал, при употреблении М-модели [театр] → [погода] наблюдается сатирический потенциал и т. д. Здесь интересны примеры: «Третий день погода продолжает свой спектакль: снег и ветер никак не покидают регион» (Телеканал НТВ, Прогноз погоды, 09.01.2020), «Вторую неделю в снежном плену находится Приуралье» (Телеканал НТВ, Прогноз погоды, 15.01.2020).

Итак, одной из важнейших функций метафорического моделирования в метеорологическом дискурсе является прагматическая функция – воздействие на адресата, формирование у него необходимого для говорящего мировосприятия. Возможность типового эмоционального воздействия на адресата посредством метафорических высказываний составляет прагматический потенциал метафорической модели.

Литература

1. Будаев Э.В. Могут ли метафоры убивать? Прагматический аспект политической метафоры // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 67–74.
2. Немец Г.П. О прагматике модальности полипредложного // Прагматика и текстуальные характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Сб. научн. трудов. Краснодар, 1987. С. 13–18.
3. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
4. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
6. Ольховикова Ю.А. Концепт «ветер» как средство метафорического моделирования политической действительности в печатных СМИ Германии и США // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. С. 116–122.
7. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. М., 1989. С. 5–11.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
9. Ли В. С. Парадигмы знания в современной лингвистике. Алматы, 2003. С. 87–88.
10. Аманбаева Г.Ю. Дискурсивное направление и современная лингвистическая методология // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30.06–5.07.2003. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В. П. Казакова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. СПб., 2003. С. 9–17.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Прагматическая роль смешанной метафоры в креативном англоязычном дискурсе

Аннотация. Статья посвящена смешанной метафоре как лингвокогнитивному феномену в широком его понимании. Ранее подобный тип метафор практически не исследовался, однако появление инструментов когнитивной лингвистики позволяет изучать свойства данного феномена. Целью данной статьи является всестороннее рассмотрение смешанной метафоры, олицетворяющей собой одно из природных проявлений человеческого коммуникативного потенциала и креативности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, смешанная метафора, лингвокогнитивный феномен, когнитивный диссонанс

M.P. Taymour
Moscow State Linguistic University
Moscow

The pragmatic role of metaphor in creative multimodal English discourse

Abstract. The article is devoted to the mixed metaphor as a linguo-cognitive phenomenon in its broadest sense. Previously, this type of metaphors was practically not studied, but the emergence of the tools of cognitive linguistics allows us to study the properties of this phenomenon. The purpose of this article is a comprehensive examination of the mixed metaphor, which embodies one of the natural manifestations of human communicative potential and creativity.

Keywords: conceptual metaphor, mixed metaphor, linguo-cognitive phenomenon, cognitive dissonance

Смешанная метафора может быть определена как две и более логически несовместимые (или плохо совместимые) метафоры, обладающие разными когнитивными основами, но расположенные в едином контексте, характеризующимся непосредственной близостью [1]. Данный феномен продолжительное время не находился в фокусе широких научных исследований по совокупности причин: смешанные метафоры часто рассматривались или как примеры плохого стиля, или как примеры грубого нарушения узуса, некачественного использования языка; декодирование значения практически любой смешанной метафоры – это значительно более многосложный процесс, чем инферирование смысла простой метафоры, поскольку сочетание нескольких идиоматических выражений в едином метафорическом элементе дискурса требует размышлений о нескольких предметных областях.

С развитием когнитивистики в литературе стали появляться комментарии, подобные следующим: “to use a mixed metaphor” (использовать смешанную метафору), “if you forgive a mixed metaphor” и т. п. [2]. Примеры намеренного употребления смешанных метафор стали фиксироваться корпусами английского языка, а некоторые исследователи стали утверждать, что отрицание смешанной метафоры в исследованиях метафоры недалёковидно [3]. Креативная природа смешанной метафоры прослеживается во многих ранних работах, например *This, as you know, was a burning question; and its unseasonable introduction threw a chill on the spirits of all our party* [4]. В данном примере вопрос характеризуется как «горячий» (т. е. животрепещущий), но провоцирующий «холодное» настроение всей партии (т. е. вызывает метафорический озноб). Противоречие, эксплицитно отмечаемое в работе самим автором, здесь очевидно, однако контекст позволяет инферировать тот факт, что настроение членов партии омрачилось важной, но неприятной проблемой. В данном случае в создании смешанной метафоры участвуют две концептуальные метафоры (сложные вопросы – hot objects / неприятные эмоции – cold objects), а также то, что составляющие смешанную метафору компоненты не обозначают реальное изменение температуры, являясь только ссылкой на исходные фреймы.

Однако многие ученые до сих пор относятся к смешанной метафоре довольно скептически. Напр., Л. Розакис в своей работе по грамматике и стилю рекомендует «не смешивать напитки и метафоры, чтобы быть способным достичь успеха» [5]. Тем не менее можно согласиться с тем, что

постоянное следование данному правилу и проявление подобной осторожности может снизить уровень креативности индивида. Кроме того, с когнитивной точки зрения смешанные метафоры необходимы и полезны, и ограничивать себя в употреблении данного феномена представляется стратегией не только непродуктивной, но часто и невозможной, поскольку смешанные метафоры олицетворяют собой одно из природных проявлений человеческого коммуникативного потенциала и креативности [6]. Существует мнение, что смешанные метафоры нужно воспринимать естественно, а также что сам по себе термин «смешанная метафора» является неприемлемым и уничижительным, так как использование нескольких метафор в одном отрезке дискурса является абсолютно естественным стилистическим приемом [7]. Появление и развитие инструментария когнитивного направления в лингвистике позволило изучать смешанную метафору как лингвокогнитивный феномен, а с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы учеными стала допускаться возможность целенаправленного употребления смешанной метафоры как способа выражения лингвокреативности для создания определенного эффекта как в мономодальном (вербальном), так и в мультимодальном дискурсе. На современном этапе развития когнитивной лингвистики ряд зарубежных и отечественных ученых проводит исследования смешанной метафоры (Anita Naciscione, Charles Denroche, Cornelia Müller, Elena Semino, Gerard Steen, Karen Sullivan, Michael Kimmel, Raymond W. Gibbs, Tom McArthur, Zoltán Kövecses, Е.Е. Голубкова, А.В. Нагорная, Д.С. Солобуто, М.П. Таймур и др.). Как показало настоящее исследование, термин «смешанная метафора» не имеет одной общепринятой формулировки. Можно выделить следующие наиболее распространенные варианты дефиниции данного феномена: кластеры метафор, существующие в тесной контекстуальной смежности, но имеющие различную когнитивную основу; две метафоры в одном выражении, где смешанные сценарии обычно появляются внутри фразовых единиц, таких как предложения, но это не всегда верно, поскольку смешанная метафора может объединять два предложения; нелогичное сравнение двух объектов; две и более метафоры, различающиеся по каким-либо признакам; две (или более) метафоры, различающиеся по каким-либо признакам, которые должны находиться в пределах части предложения, всего предложения или иной ограниченной части дискурса; одна метафора, разнесенная по разным предложениям; метафора, состоящая из нескольких метафор, разнесенных по разным предложениям; несколько метафорических выражений, границами контекста которых является цепочка высказываний, в пределах которой они разворачиваются [8].

В дискурсах разных типов (в особенности устных) практически неизменно присутствуют смешанные метафоры, что может иметь следующее объяснение – индивидуальное представление концептуальных метафор, как правило, сохраняется не полностью в ментальном лексиконе и активном словаре языковой личности, и некоторые составляющие части концептуальных метафор имеют различные механизмы восстановления и использования в тех или иных жизненных ситуациях. Поэтому даже те концептуальные метафоры, которыми говорящий хорошо владеет на подсознательном уровне, не всегда могут быть оперативно восстановлены для понимания и воспроизведения в режиме онлайн общения, и смешанные метафоры могут появляться как результат «неудачной» активации тех или иных концептуальных метафор. В подобных случаях можно говорить об ошибках на концептуальном уровне. Помимо этого, смешанная метафора является определенным индикатором выражения экспрессивности индивида для выделения из общего потока речи какой-то идеи или важной мысли. Экспрессивность как выражение ряда субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к означаемому имеет своим истоком определенное языковое искажение действительности и очень часто присутствует при смешении фразеологических единиц языка, в том числе задействующих смешанные метафоры. Это может объясняться тем, что основу идиоматической креативности составляет осознанное поведение индивида, которое строится на общих когнитивных процессах и принципах, когда языковая личность в процессе создания дискурса опирается на свою концептуальную систему как «сосредоточение всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [9]. И.В. Варфоломеева, рассматривающая различные типы метафор как средства языка, создающие образность и экспрессивность при репрезентации фикционального мира художественного текста, подчеркивает, что при создании концептосферы текста языковая личность неизбежно ее меняет, при этом экспрессивная лингвокреативность проявляется на основе интерпретации элементов концептуальной системы посредством обращения к различным типам метафор: концептуальным (конвенциональным и индивидуально-авторским) и собственно языковым (тропам) [10].

Существует мнение, что компоненты смешанной метафоры обычно рассогласованы, поскольку составляющие смешанную метафору элементы имеют разную онтологию, т. е. происходят от различных концептуальных метафор. Однако мы не вполне соглашаемся с данным мнением,

поскольку сама принципиальная возможность инферирования значения смешанной метафоры является зависимой от наличия в ней хотя бы некоторой степени когерентности, где разные уровни когнитивной структуры могут представлять собой источник(и) данной согласованности. Кроме того, возможно, согласованность основывается на общих для составляющих бленд компонентов ограничениях. На основании этого можно с определенной уверенностью утверждать следующее: составляющие смешанную метафору компоненты обладают определенным уровнем когерентности, даже когда они не создают единый образ, если они имеют хотя бы какое-то общее ограничение. В то же время эти элементы, очевидно, обладают логическим соответствием, когда они представляют один и тот же аспект концепта или используются с идентичной целью. Вероятно, в таких случаях (как и в случаях с другими конструкциями) проходит процесс т. н. коэрации, т. е. уподобления одной метафоры другой в пределах одного отрезка дискурса. Идеи грамматики конструкций по отношению к образованию идиоматических выражений (таких, например, как смешанная метафора) совпадают с широко известным принципом «штамповки» (coining) Филлмора, описываемый ученым как использование существующих в языке моделей для создания новых ресурсов, где новая конструкция всегда создается по уже существующему образцу и потому обладает предсказательной силой. То есть составляющие смешанной метафоры, очевидно, приспособляются друг к другу, подчиняясь единой цели и распределяя между собой функции при согласовании собственных действий для решения имеющейся коммуникативной задачи [11].

Предыдущие исследования выявили несколько основных причин смешения метафор: например, желание казаться более красноречивым или проявить развитое чувство юмора. Одной из причин, по которой индивид, как правило, способен расшифровать подобные «столкновения» метафор, является то, что инференция значений имеет место в определенный момент речи в конкретном контексте. Помимо этого, для успешного декодирования смешанной метафоры часто необходимо учитывать человеческий фактор и различие фоновых знаний реципиентов, поскольку это непосредственно влияет на восприятие метафорического языка – то, что для одного человека является смешанной метафорой, требующей повышенных когнитивных усилий для ее расшифровки, для другого адресата может таковой не являться из-за легкости понимания элемента дискурса. В результате проведенных исследований можно выделить несколько ключевых параметров смешанной метафоры: 1) в ней наблюдается высокая степень контекстной «кластеризации» метафор, их столкновение и / или их смешение на ограниченном отрезке дискурса, предложения или даже слова (случаи контаминации); 2) исходные домены составляющих смешанную метафору компонентов представляют различные когнитивные реальности; 3) смешанные метафоры более когнитивно требовательны по отношению к адресату, вызывая повышенный уровень ментального напряжения или когнитивный диссонанс.

Литература

1. Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well) // Journal of pragmatics. 2009. № 42. P. 97–115.
2. Semino E. A corpus-based study of ‘mixed metaphor’ as a metalinguistic comment // Ed. R. W. Jr. Gibbs. *Mixing Metaphor*. Amsterdam – Philadelphia, 2016. P. 203–222.
3. Lee M.G., Barnden J.A. Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system // *Metaphor and Symbol*. 2001. № 16 (1–2). P. 29–42.
4. Fowler H.W. *The King’s English*. 2nd edn. UK: Oxford, 1906.
5. Rozakis L.E. *The complete Idiot’s Guide to grammar and style*. 2nd edn. New York, 2003.
6. Таймур М.П. Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.
7. Naciscione A. Extended metaphor in the web of discourse // Ed. by R.W. Jr. Gibbs. *Mixing Metaphor*. Amsterdam – Philadelphia, 2016. P. 241–266.
8. Таймур М.П. Классификация смешанных метафор: когнитивные предпосылки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 176–178.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
10. Варфоломеева И.В. Метафора как отражение действия механизмов экспрессивности при создании фикционального мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 437–447.
11. Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка). М., 2022.

Метафоризация и деме́тафоризация в английской литературной сказке
на примере повести «Мэри Поппинс» П.Л. Трэверс

Аннотация. Настоящий доклад посвящен анализу жанра сказки через призму метафор и использованию концептуальных и языковых метафор в авторских сказках на примере повести «Мэри Поппинс» П.Л. Трэверс. Рассматриваются многочисленные функции, которые выполняют метафоры в книге (текстообразующая, характеризующая, функция разграничения различных пластов в тексте). Также анализируются примеры деме́тафоризации, способствующие созданию волшебного мира в данной литературной сказке.

Ключевые слова: литературная сказка, концептуальная метафора, деме́тафоризация

Yu.I. Shcherbinina
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Metaphors and demetaphorization in English-language literary fairy tales
(based on “Mary Poppins” by P.L. Travers)

Abstract. The given talk is devoted to the use of conceptual metaphors and their linguistic manifestations in “Mary Poppins” by P.L. Travers as a text-structuring tool, as well as a means of portraying the characters and distinguishing between the children’s and the adults’ perception of reality. It also demonstrates how demetaphorization works in literary fairy tales, with orientational and structural metaphors being employed literally to create the book’s imaginary world.

Keywords: literary fairy tale, conceptual metaphor, demetaphorization

The study of metaphors within the framework of cognitive linguistics, and, specifically, Conceptual Metaphor Theory (CMT) presupposes its dual – conceptual and linguistic – nature. In accordance with this theory, laid down in the seminal work “Metaphors We Live By” [1] and later on developed by George Lakoff and Mark Johnson’s disciples and proponents, metaphors are defined as understanding one conceptual domain in terms of another. Thus, metaphors are not regarded as a stylistic or rhetorical device but as a cross-domain mapping in the conceptual system, a set of correspondences between entities in a source domain and entities in a target domain. Evidence for the existence of conceptual metaphors is inferred from metaphorical expressions, or linguistic metaphors.

The cognitive linguistic view of metaphor covers a large number of issues including its types (structural, ontological, orientational; conventional versus original, etc.); the place of metaphor among other tropes; universal and culture-specific metaphors; the application of metaphor theory to different kinds of discourse (media, scientific, political, economic, pedagogical, etc.); the acquisition of metaphor; metaphor in foreign language teaching, and, of course, literary metaphor, its interpretation and evaluation. The way metaphors are used by creative writers has long been the subject of investigation [2] and, one might say, fascination to those engaged in metaphor studies. Yet the way metaphors function in fairy tales has not been given that much attention so far.

One may begin by turning to the anthology “English Fairy Tales” by the folklorist Joseph Jacobs [3], who collected, edited and popularized English tales at the end of the 19th century, the time when most collections featured tales of German and French origin. Interestingly enough, one is bound to discover that metaphors are few and far between in these folk tales, apart from primary metaphors, although the genre itself is highly metaphorical, since in tales, parables and fables we often talk about something concrete that stands for something more abstract. Yet linguistic metaphors as such are scarce. According to Teresa Dobrzynska [4], a Polish researcher, the fairy tale world is so full of magic that it doesn’t need to be embellished with the help of metaphor. Moreover, it is often the case that within this genre those expressions that would have to be interpreted as metaphors elsewhere are often used literally, thus making demetaphorization one of the frequent features of fairy tales. Dobrzynska singles out several ways of interpreting metaphorical expressions in fairy tales: 1) we are dealing with metaphors, which can be deduced

from the broader context of the tale; 2) we are dealing with instances of demetaphorization, whereby expressions need to be taken literally within the magical universe of this tale (e.g. people levitate, trees dance, a person's shadow lives a life of its own, etc.); 3) we may not be sure whether this particular expression should be taken literally or figuratively, since the context doesn't allow us to establish this conclusively.

Literary fairy tales, as opposed to folk tales, offer a rich material in terms of how metaphors can be used creatively for various purposes. In my talk, I will focus on one literary fairy tale in particular, namely "Mary Poppins" by P.L. Travers.

First of all, if we look at the definition of the term "fairy tale", we find that it is a story that features fanciful and wondrous characters. The term "fairy" tale seems to refer more to the fantastic and magical setting or magical influences within a story, rather than the presence of the character of a fairy within that story. A significant difference between a literary fairy tale and a folk tale is that in folklore the protagonists are mostly adults (and the target audience was adult), whereas in children's books they are children.

A book written by an adult but intended for children inevitably combines these sensibilities and portrays the two different worlds: of adults and children. It is particularly evident in "Mary Poppins", where we face several generations of the Banks family: the youngest children – the twins, their elder siblings Jane and Michael, their parents, and Mary Poppins herself, who is an adult with magical powers, which gives her a foothold in both, the world of children and that of adults. It is to a large extent through metaphors that these worlds are kept apart. One can also identify a number of other functions that metaphors fulfill in this text.

We come across numerous instances of personification, but also demetaphorization from the first page, which helps to turn a realistic setting into a magical one. The trees turn and bend in the half light, dancing their roots out of the ground. Mary Poppins sets off walking very quickly afraid that the afternoon will run away from her if she doesn't keep up with it. Hills and lakes, mountains and forests go waltzing round to unheard music. And in all these cases the reader is left wondering whether these descriptions should be perceived figuratively or literally. The boundary between the real and the imaginary is blurred. The personified wind becomes one of the characters in the story and is mentioned whenever an important change is about to take place in the narrative: "The wind... went puffing and whistling down the chimneys, slipping in through the cracks under the windows, turning the Nursery carpet up at the corners"; "the wind whistled and cried about the house"; "she smiled as though she and the wind understood each other"; "a light wind... was whispering gently to the cherry-trees in the Lane" [5].

In some chapters metaphors become a text-structuring device, as in "Laughing Gas", where Mary Poppins takes Michael and Jane to her uncle Albert's place on his birthday and they find him literally hanging in the air. The text is built around a conventional orientational metaphor HAPPY IS UP/SAD IS DOWN (as seen in the following everyday expressions: *I'm feeling up. My spirits rose. You are in high spirits. I am feeling down. My spirits sank.*) Throughout the whole chapter it is played upon, since the author uses it literally to show how happy people rise to the ceiling and descend only when they think of something sad: "...a round, fat, bald man who was hanging in the air..."; "...he appeared to be sitting on the air..."; "...whenever my birthday falls on a Friday, well, it's all up with me. Absolutely U.P."; "as she laughed she felt herself growing lighter and lighter, just as though she were being pumped full of air"; "Michael, to his astonishment, saw her go soaring up through the room." [5]

But what is even more interesting, we may consider metaphors as an instrument that helps to delineate several strata in the fairy tale: the world as seen by the younger twins, older children (Jane and Michael) and adults. Mary Poppins – "the Great Exception" – acts as an intermediary between them all. The twins take everything literally, Jane and Michael are in-between childhood and adulthood (they take some things metaphorically, like adults, and some things literally, e. g. the fact that their father makes money: "...and while he was there he sat on a large chair in front of a large desk and made money. All day long he worked, cutting out pennies and shillings and half-crowns and threepenny-bits.") [5, p. 2] The appearance of Mary Poppins in their lives makes them rediscover the magic of dead metaphors because through her magic power dead metaphors come alive or, rather, get a literal meaning.

These findings are substantiated by research carried out by cognitive linguistics who specialize in the developmental dimension of metaphor variation, e. g. Christopher Johnson. It has been proved that age is closely correlated with metaphor comprehension. Scholars point out that the onset of metaphor comprehension can be placed at the age of 4, and the full-fledged use of some key conceptual metaphors begins at the age of 5 [6, p. 105].

In the chapter "John and Barbara's Story" we see the twins in the nursery, literally talking to the sunlight and the starling. In children's world everything is alive. They pity their elder siblings and adults who cannot understand "what other things say". Barbara wonders about her aunt Flossie's words, "She said I was

so sweet she would like to eat me. Isn't it funny – when I say I'd like to eat something I really mean it. Biscuits and Rusks and the knobs of beds and so on. But Grown-ups never mean what they say, it seems to me. She couldn't have really wanted to eat me, could she?" [5, p. 39] The conventional metaphor THE OBJECT OF LOVE IS FOOD (that is made manifest in such everyday affectionate terms of address as *sweetie-pie, honey, sugar, bun, pumpkin*, etc.) is taken literally by the child. Her elder sister Jane has already moved to the stage where “she wishes she knew what language the Wind spoke”. But to her it is more of a metaphor. That is what growing up is about.

To sum up, metaphors in “Mary Poppins” have a number of functions to perform, are an essential part of the magical universe created by the author and help to show the difference between the way children and adults perceive the world. Yet at the same time they blur the boundary between the real and the imaginary, the people and the animals, the animate and the inanimate, and serve to prove the point made by the Hamadryad (King Cobra), who says to Jane and Michael Banks, “We are all made of the same stuff, remember, we of the Jungle, you of the City. The same substance composes us – the tree overhead, the stone beneath us, the bird, the beast, the star – we are all one, all moving to the same end.” [5, p. 50]

References

1. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago, 1980.
2. *Lakoff G., Turner M.* More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago, 1989.
3. *Jacobs J.* English Fairy Tales. Pennsylvania State University, 2005.
4. *Добжиньская Т.* Метафора в сказке // Теория метафоры. М., 1990.
5. *Travers P.L.* Mary Poppins. Harcourt, Inc., 1981.
6. *Kövecses Z.* Metaphors in culture. Cambridge, 2005.

Раздел VIII. Обзоры

Л.А. Козлова

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

Способы репрезентации культурно-специфического в лексиконе языка и их учет при переводе

Аннотация. Определение языка как результата взаимодействия трех составляющих – когниции, культуры и коммуникации – означает, что особенности мировосприятия и культуры, культурные ценности нации и ее менталитет находят свою манифестацию в языковых единицах различных уровней, но при этом формы этой манифестации и степень ее проявления могут быть различными. Наибольшей степенью культурной чувствительности обладают лексикон языка и его фразеологический фонд. В статье рассматриваются три способа отражения культурно-специфического в лексиконе языка: наличие слов-реалий, различия в семантическом объеме слов, различия в культурных коннотациях. Как показано в статье, каждый из этих способов оказывает существенное влияние на выбор переводческих решений.

Ключевые слова: культурная специфичность, слова-реалии, семантический объем слова, культурные коннотации, эмоционально-ассоциативная аура

L.A. Kozlova

Altai State Pedagogical University
Barnaul

Ways of representing culture-specific in the lexicon of a language and the problem of translation

Abstract. The definition of language as a result of the interaction of three components – cognition, culture and communication – means that the specificity of the worldview and culture, the cultural values of a nation and its mentality find their manifestation in language units of different levels, but the forms of this manifestation and its degree may vary considerably. It is lexicon and phraseology that are believed to be most culture-sensitive. The article presents three ways of representing culture-specific in lexicon: realia words, the semantic volume of a word and cultural connotations. As the author shows, each of these ways predetermines the translator's solution.

Keywords: cultural specificity, realia words, the semantic volume of a word, cultural connotations, emotional-associative aura

Статья относится к исследованиям в области когнитивно-культурологического направления, предметом которого является этнокультурная обусловленность процессов мировосприятия и ее отражение в языке. Этнокультурная детерминированность когниции находит свою манифестацию на всех уровнях языка, но наиболее полно и непосредственно это представлено в словарном составе языка, при этом способы этой манифестации могут значительно различаться.

Во-первых, культурная специфика находит свое отражение в словах-реалиях. Поскольку такие единицы приходят в другой язык вместе с самими реалиями и их усвоение основано на непосредственном опыте общения с самими артефактами, они не требуют перевода в принимающем языке, а заимствуются вместе с самим артефактом. Наличие подобных слов является закономерным следствием взаимодействия культур, а также содержит информацию о стране – источнике той или иной реалии. Заимствование подобных слов является вполне естественным и закономерным и способствует обогащению как принимающего языка, так и знаний о культуре других народов. Это такие слова в русском языке, как, например, *румба*, *танго*, *суши*, *виски* и т. п. В связи с проблемой заимствований неизбежно встает вопрос о целесообразности заимствования и вторичной номинации явлений и сущностей, которые уже имеют названия в языке и не связаны с новыми реалиями. Так, сегодня нередко приходится слышать и видеть такие «инновации», как *байер* (покупатель), *ургентный* (срочный, безотлагательный) и даже *бирдом* (название пивного бара). Внедрение подобных единиц, «навеянных» популярностью английского языка и англоязычной культуры, приводит лишь к засорению языка и остро ставит вопрос о языковой экологии.

Особую группу слов в составе любого языка представляют т. н. ключевые слова культуры, которые служат именами базовых культурных концептов [1]. Подобные единицы представляют наибольшую сложность как для полного осмысления, так и для перевода, поскольку для их полной концептуализации необходим опыт освоения той культуры, в контексте которой они появились. Так, билингвы, ретроспективно оценивающие свой опыт освоения английского языка, отмечают, что одним из наиболее сложных слов для них была лексема *privacy*, что обусловлено местом и значимостью концепта PRIVACY в англоязычной культуре. Перевод подобных единиц представляет значительные сложности и нередко приводит к неточностям и даже курьезам. Так, перевод одного из ключевых слов англоязычной культуры *challenge* на русский язык как *вызов* звучит естественно в политическом дискурсе, но его использование в рекламе моющих средств в таком контексте, как «*А вот и новый вызов – пятно от свеклы!*» звучит довольно курьезно и требует поиска иных эквивалентов, более соответствующих данному типу дискурса, например «*А вот еще одна проблема!*» или «*А вот задача посложнее!*»

Во-вторых, слова, близкие по своему лексическому значению, могут отличаться по объему семантического пространства, покрываемого ими, что указывает на различия в содержании и объеме концептов, именуемых данными словами. Классическим примером такого различия являются слова *счастье* в русском и *happiness* в английском и стоящие за ними концепты в русской и англоязычных культурах. В англоязычной культуре данный концепт охватывает более широкое ментальное пространство, включая в себя как эмоциональное состояние, так и материальное благополучие; в традиционной русской культуре счастье – это прежде всего эмоциональное состояние человека. Это различие в объеме данных концептов и семантическом пространстве именуемых их лексем необходимо учитывать в переводе. Так, стандартная фраза “*Are you happy with my answer?*”, которую можно часто услышать в американской школе или университете, соответствует русской «*Вы удовлетворены моим ответом?*»

Третий способ кодирования культурной информации в семантике лексических единиц находит свою манифестацию в приращении семантики слова за счет добавления в нее культурно-обусловленных коннотаций. Знание таких коннотаций играет важную роль в межкультурной коммуникации, а их незнание несет в себе опасность возникновения конфликтов в коммуникации. По словам С.Г. Тер-Минасовой, культурные коннотации представляют собой «изысканный вид оружия» [2, с. 148–163]. Очевидно, что в подобных случаях переводчику необходимо искать наиболее близкие эквиваленты в принимающем языке или использовать комментарий, указывающий на наличие коннотаций в языке-оригинале.

Помимо культурных коннотаций, закрепленных в семантике слов, существует особый вид коннотаций, связанных с высокой культурой. Этот вид коннотаций, возникающих на основе знаний и эмоционально-эстетических реакций, связанных с произведениями искусства, способствует формированию т. н. эмоциональной [3], а точнее, эмоционально-ассоциативной ауры слова [4], включающей в себя сложный комплекс эмоций и ассоциаций, связанных со стоящим за словом культурным концептом, который, как отмечал Ю.С. Степанов, представляет собой «сгусток культуры» в нашем сознании [5, с. 43]. Эмоционально-ассоциативная аура – это тот комплекс эмоций и ассоциаций, который индуцируется словом в сознании, но он относится не к самому значению слова, а к стоящему за словом концепту, а потому и не находит отражения в словарных дефинициях или сопровождающих дефиниции словарных пометах. Такие фразы, как *мимолетное виденье*, *калина красная*, *клен ты мой опавший* и т. п. не имеют коннотаций, отраженных в словарях, но при этом несут в себе мощный эмоциональный заряд, активируя в нашей памяти ставшие прецедентными строки из известных произведений русской культуры. Этот способ манифестации культуры в лексиконе языка вызывает наибольшие сложности при переводе и часто требует принятия нестандартных, творческих решений, позволяющих передать такие культурные коннотации в процессе перевода. Так, в одном из своих выступлений Д.И. Ермолович говорил о том, что при переводе на английский язык есенинских строк «*в тоске по гречневым полям*» он выбрал вариант “*yearning for the white and pink expanse*”, что, на наш взгляд, может служить прекрасным примером стремления переводчика передать эмоционально-ассоциативную ауру слова языка-оригинала в принимающем языке.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что особенности культуры и менталитета нации могут находить различные способы своей репрезентации в лексиконе языка, что следует учитывать в процессе перевода и принятия наиболее приемлемых переводческих решений.

Литература

1. *Вежбицка А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. Учеб. пособие. М., 2007.
3. *Лихачев Д.С.* Концепосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 280–288.
4. *Козлова Л.А.* Эмоционально-ассоциативная аура слова и ее учет при переводе // Филология и человек. 2007. № 3. С. 41–48.
5. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Кросс-культурные аспекты рассмотрения эмоциональных концептов в процессе изучения иностранных языков

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эмоциональных концептов в когнитивной лингвистике. В статье анализируются общие характеристики эмоционального концепта, подчеркивается необходимость понимания культурного разнообразия и языковых особенностей. Эмоциональные концепты имеют особую значимость в сфере человеческого мышления и языка, находят свое отражение в вербальной и невербальной коммуникации. Исследование эмоциональных концептов в процессе изучения иностранных языков позволяет выявить эмоциональные особенности национальной лингвокультуры, способствует формированию представления об иноязычной действительности. В статье акцентируется внимание на важности междисциплинарного подхода к изучению кросс-культурных аспектов рассмотрения эмоциональных концептов.

Ключевые слова: эмоциональные концепты, лингвистика, культура, иностранные языки

I.P. Kuznetsova
Russian State University for the Humanities
Moscow

Cross-cultural aspects of considering emotional concepts in the process of learning foreign languages

Abstract. The article is devoted to the consideration of emotional concepts in cognitive linguistics. The article analyzes the general characteristics of the emotional concept, emphasizes the need to understand cultural diversity and linguistic features. Emotional concepts are of particular importance in the sphere of human thinking and language, they are reflected in verbal and non-verbal communication. The research of emotional concepts in the process of learning foreign languages makes it possible to identify the emotional features of national linguistic culture, contributes to the formation of an idea of foreign languages reality. The article focuses on the importance of an interdisciplinary approach to the study of cross-cultural aspects of the consideration of emotional concepts.

Keywords: emotional concepts, linguistics, culture, foreign languages

Сегодня актуальность рассмотрения эмоциональных концептов объясняется необходимостью более углубленного изучения способов концептуализации эмоций в рамках когнитивной лингвистики. Сложность изучения эмоционального концепта связана с эмоциональной характеристикой слова и текста, влиянием культуры, способов мышления и восприятия. Изучение эмоций входит в сферу интересов различных наук: психологии, культурологии, философии и лингвистики. Междисциплинарные области, такие как нейролингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, исследуют эмоциональную составляющую психологии человека. Продолжаются исследования по определению эмоций человека. В то же время необходимо отметить, что не уделяется должного внимания изучению эмоциональных аспектов в процессе обучения иностранным языкам.

Известные психологи, такие как Пол Экман, выделяют шесть основных эмоций, присущих всем человеческим культурам: счастье, печаль, отвращение, страх, удивление и гнев. Через некоторое время к ним добавляются следующие эмоции: гордость, стыд, смущение, волнение и удовлетворение. По мнению Экмана, процессы распознавания эмоциональных проявлений включают в себя универсальные принципы, которые являются общими для всех человеческих культур и связаны с общими нейрофизиологическими последствиями переживания базовых эмоций [1].

Другой известный американский психолог Роберт Плутчик в своей теории эмоций обозначил восемь основных эмоциональных состояний человека, а также связанные с ними дополнительные эмоции. Основными эмоциями по его теории считаются гнев, страх, печаль, отвращение, удивление, предвкушение, доверие и радость. Все остальные эмоции являются производными состояниями и возникают как комбинации, соединения первичных эмоций. Эмоции человека являются важнейшей частью эволюционного развития, помогают участвовать в коммуникации и адаптации, передают информацию о психологическом состоянии индивида [2].

В последнее время продолжают исследования в области эмоций человека. Эмоциональное состояние, которое способна испытывать личность, может иметь довольно широкий спектр эмоциональных переживаний. Согласно ученым Алану С. Ковену и Дачеру Келтнеру и проведенному ими исследованию, было определено 27 эмоциональных состояний. В исследовании использовались более 2000 коротких видеороликов, на основе просмотра которых учитывались эмоциональные переживания человека. Исследователи пришли к выводу, что каждое эмоциональное состояние человека не является чем-то отдельным, а все взаимосвязано, одни эмоции комбинируются с другими [3]. Эмоциональный опыт личности, ее внутренний мир оказался намного богаче, чем считалось ранее. Эмоции в своей основе конструктивны. Как известно, большинство психологов и лингвистов признают общечеловеческий характер эмоций, так как это относится к общей психической деятельности человека вне зависимости от культурных традиций, обычаев, национальной или этнической принадлежности. Считается, что эмоция по своей сути невербальна, но в то же время в рамках различных научных дисциплин, в частности в эмотиологии, рассматривается вербализация эмоций.

Согласно российскому лингвисту В.И. Шаховскому, можно выделить две семиотические системы эмоций: *verbal language* (вербальный язык) и *body language* (невербальные средства коммуникации). Эмоция выражается невербально, непосредственно при ее переживании и обозначение эмоций в языке нередко оказывается затруднительным, показывая несоответствие между сложностью эмоциональных переживаний и экспрессивностью художественного текста. Важно понять, как в слове аккумулируются смыслы, отражаются культурные особенности [4]. Другой лингвист Н.А. Красавский определяет эмоциональные концепты как структурно смысловые образования, имеющие лексическую и фразеологическую вербализацию. По мнению Красавского, среди факторов, определяющих принадлежность эмоциональных концептов к этносу, можно указать традиции, обычаи, стереотипы мышления и поведения. Эмоциональные концепты, такие как удивление, страх, гнев, отвращение, радость, печаль, гордость, смущение, имеют общую когнитивную базу для любого языка и культуры [5]. Известный лингвист А. Вежицкая в своих работах акцентирует внимание на том, что именно язык является ключевым вопросом в понимании человеческих эмоций. Согласно Вежицкой, эмоции человека являются результатом лингвистической и культурной интерпретации, зависят от субъективного опыта индивида и имеют определенную лингвокультурную специфику [6]. И действительно, в процессе межличностного общения, межкультурной коммуникации именно язык позволяет индивиду выражать не только свои мысли, идеи, но и показывать широкий диапазон собственных эмоций, присущих и закрепившихся в конкретном лингвокультурном социуме.

В процессе изучения иностранных языков на основе художественных текстов важно понимание эмоциональных состояний главных персонажей произведения, раскрытие их психологии посредством эмоциональных концептов. Общеизвестно, что к основным вербальным способам передачи эмоций относятся лексические и синтаксические средства. Как правило, в художественной литературе широко представлены разнообразные эмоционально насыщенные ситуации и диалоги персонажей произведения. Специфика художественного текста предполагает воздействие своим концептуальным содержанием, направленным на ассоциативно-образное мышление читателя, на его эмоциональную сферу, используя эмотивную лексику произведения.

В то же время возрастает интерес ученых к исследованиям роли эмоций и их воздействию в средствах массовой информации. Возникает вопрос о том, в какой степени эмоции, генерируемые средствами массовой информации, влияют на то, как медиасообщения воспринимаются и запоминаются, какие основные эмоциональные концепты используются для привлечения внимания читателей и как это можно использовать в процессе изучения иностранных языков. Эмоции помогают выборочно направлять внимание на определенные части информации. В последнее время некоторые исследователи считают, что необходимо более подробное изучение того, как определенные эмоции из средств массовой информации могут влиять на критическое осмысление информации, познание и память. Важно понять воздействие положительных и отрицательных эмоций на личность, способность к критическому мышлению и обучению [7]. Эмоциональная вовлеченность стимулирует более глубокое познание иностранного языка, позволяет создавать визуальные образы, словесные ассоциации, активировать нейронные связи и способствует лучшему запоминанию материала. Кросс-культурные исследования положительных и отрицательных эмоций, культурных различий, стереотипов имеют теоретическое и практическое значение в современном мире, так как способствуют улучшению коммуникации и взаимопониманию.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- основные эмоции универсальны, так как относятся к общей психической деятельности человека и не зависят от национальности, расы или географического местонахождения;
- спектр человеческих эмоций намного шире, чем было признано ранее;
- эмотивные концепты в иностранных языках отражают реалии, присущие той или иной национальной культурной среде;
- важно использовать междисциплинарный подход к изучению кросс-культурных аспектов рассмотрения эмоциональных концептов;
- эмоциональные концепты необходимо не только исследовать в художественной литературе, но и обратить внимание на их присутствие в средствах массовой информации.

Литература

1. *Ekman P.* Emotional Revealed Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. Times Books, 2003.
2. *Plutchik R.* Emotions and Life. Perspectives from Psychology, Biology and Evolution. Washington, DC: American Psychological Association. 2002.
3. *Cowen Alan S., Dacher Keltner.* Self-report. Captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients // Proceedings of National Academy of Science. N.Y. September 5, 2017.
4. *Шаховский В.И.* О лингвистики эмоций // Язык и эмоции. Волгоград, 1995.
5. *Красавский Н.А.* Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Волгоград. 2000.
6. *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures. Diversity and Universals. Cambridge, 1999.
7. *Katrin Doeveling, Christiom von Scheve, Elly A Konijn.* The Routledge Handbook of Emotions and Mass Media Publisher London, 2010.

Концептуализация эмоций в разных языках

Аннотация. В статье предлагается антропоцентрически-ориентированный подход к концептуализации эмоций в разных языках и культурах. Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики, реализуемая на стыке с другими дисциплинами, предопределяет междисциплинарный статус категории эмоционального концепта. Его специфика обуславливается отражением в языке фрагментов картины мира, представляющих собой когнитивно-эмоциональное освоение действительности. Эмоциональный концепт – это многомерный вербализованный мыслительный конструкт человеческого сознания. Эмоции выражают наше субъективное отношение к миру и разнообразным событиям, которые в нем происходят. Познавая мир при помощи мышления, человек использует язык с самого первого момента появления у него речи для того, чтобы выразить свои впечатления, мнения, особенности восприятия объектов окружающего мира. Таким образом, в основе сознания, мышления и социального поведения лежат эмоции. В статье внимание фокусируется на параллелях и расхождении концептуализации эмоций контрастивных лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, этномаркированный, контрастивность, универсальный, картина мира

V.A. Tyryguina
Nizhny Novgorod State Linguistics University
Nizhny Novgorod

Conceptualization of emotions in different languages

Abstract. The article proposes an anthropocentric approach to the conceptualization of emotions in different languages and cultures. The anthropocentric orientation of modern linguistics, implemented at the junction with other disciplines, predetermines the interdisciplinary status of the category of the emotional concept. Its specificity is due to the reflection of the world picture fragments in the language, reverberating the cognitive-emotional experience. The emotional concept is a multidimensional verbalized mental construct of human consciousness. Emotions express our subjective attitude to the world and various events that occur in it. Cognizing the world with the help of thinking, a human uses language (from the moment he/she learned to speak) in order to express his impressions, opinions and peculiarities in perception of surrounding world objects. Thus, at the heart of consciousness, thinking, and social behavior emotions lie. The article focuses on parallels and differences in the conceptualization of emotions in contrastive linguistic studies.

Keywords: emotional concept, ethno-labeled, universal contrastivity, picture of the world

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики, приводящая к исследованиям, реализуемым на стыке ее с другими дисциплинами, предопределяет междисциплинарный статус категории эмоционального концепта.

Различные подходы к исследованию эмоциональной сферы человека

С *нейробиологических* позиций эмоция – это специфический универсальный сигнал, который появился в эволюции для информирования особей своего вида о том, что случилось с переживающим: о его психологическом и физиологическом состоянии, о том, что предшествовало наступлению этого состояния и что, вероятнее всего, за ним последует. Эмоции могут выражаться мимикой, голосом, физиологическими реакциями. Эти способы выработаны эволюцией и, следовательно, универсальны и не меняются от культуры к культуре. Нейробиологические механизмы эмоций, т. е. их «локализация» в определенном отделе головного мозга, межкультурно универсальны. П. Экман выделял 6 базовых эмоций: эмоции гнева, страха, отвращения, грусти, радости, удивления [1]. Данные эмоции обладают уникальными физическими и психологическими характеристиками, специфическим нервным субстратом, наличием особых мимических

выразительных комплексов; базовые эмоции способны к объединению, в результате образуя более сложную эмоцию.

С позиций *межкультурной коммуникации* эмоции представляют интерес с точки зрения социальной манифестации (display rules), т. е. того, как их проявляют представители различных культур в тех или иных ситуациях. Для описания национально-культурных особенностей коммуникации Ф. Тромпенаарс выделяет семь измерений, одно из которых делит культуры на нейтральные и эмоциональные. Представители первой группы прилагают большие усилия для контролирования своих эмоций: внешне люди не показывают, что они думают или как они себя чувствуют. Типичные нейтральные культуры включают Великобританию, Швецию, Нидерланды, Финляндию и Германию. В эмоциональных культурах принято проявлять эмоции открыто и даже спонтанно. Типичные эмоциональные культуры включают Италию, Францию, Испанию и страны Латинской Америки [2].

С *этнолингвокультурологических* позиций влияние культуры на человеческие эмоции рассматривается, как минимум, в рамках двух теоретических моделей. Согласно первой, человеческие эмоции универсальны и культура оказывает ограниченное воздействие на них. Другая модель предполагает культурное происхождение и культурную специфику эмоций. А. Вежбицкая в своих работах описывает так называемые универсальные культурные концепты, которые принадлежат идеальному миру и определяются посредством набора семантических примитивов. С их помощью также объясняются эмоциональные концепты, предлагается толкование названий эмоций. По мнению А. Вежбицкой, «врожденные и универсальные понятия должны выявляться в описании многих языков мира (генетически и культурно различных)» [3, с. 333]. Однако В.И. Шаховский подвергает сомнению тезис А. Вежбицкой о тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов и о духовном единстве человечества. По его мнению, в языке есть множество примеров, указывающих на неоспоримое существование психологических различий между национальными культурами, в особенности по шкале эмоционально-оценочной маркированности [4]. «Даже на примере эмоционального восприятия мира и его фактов и событий мы все являемся свидетелями не только параллелей, но и довольно резких контрастов, не позволяющих признать тезис о духовном единстве ни всего человечества, ни отдельно взятой страны» [5, с. 123]. Культурные концепты разных этносов вербализуются не только и не столько в языковых кодах, сколько в памяти об исторической протяженности их существования. А эта память фундаментально различна у разных обществ.

С *когнитивных* позиций эмоции следует рассматривать в одном ряду с сенсорными, перцептивными и интеллектуальными состояниями; на этом фоне выявляется специфика эмоций в данном ряду и их связь с другими ментальными актами. Сознание регулирует психические процессы, воспринимает и эмоционально реагирует на окружающий его мир и регистрирует все это особым образом. Человек не просто переживает, но отдает себе отчет в том, что переживает, и наделяет переживание смыслом, концептуализирует переживание тем или иным образом. Эмоциональный концепт является единицей эмоциональной картины мира, которая представляет собой совокупность эмоциональных понятий, эмоциональных представлений при ментальном освоении мира. Согласно Н.А. Красавскому, эмоциональный концепт – это «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее, помимо понятия, образ и оценку и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [6, с. 412].

Параллели и расхождения в концептуализации эмоций в контрастивных лингвистических исследованиях

Несмотря на универсальный характер нейробиологического проявления эмоций, в разных языках в их концептуализации регистрируются этноспецифические (этномаркированные) моменты, на которых ниже будет сосредоточено особое внимание.

Н.А. Красавский проводит на материале немецкого и русского языка этноспецифическое сопоставление синонимических рядов номинантов эмоций, таких как «Angst – страх», «Freude – радость», «Trauer – печаль» и «Zorn – гнев», что позволило ему обнаружить некоторые специфические характеристики двух сравниваемых культур. Во-первых, национально маркированными являются преимущественно социализированные эмоции (в особенности синонимический ряд печали в русском языке – *грусть-тоска, тоска-печаль, тоска-кручина*). Во-

вторых, концепты эмоций русского языка по сравнению с немецким характеризуются ярко выраженной знаковой (положительной или отрицательной) оценочностью (слова типа *веселое, счастливое, тоскливое, мрачное состояние* и т. п.). Концепты эмоций немецкого языка сравнительно с русскими на уровне их лексикографического описания обнаруживают большую степень каузальности (*hervorgerufen durch, ausgelöst durch* и т. п.) [7].

Анализ концептуализации эмоций в разных культурах представляет собой сложную задачу для исследователя. Пути выявления наличия этноспецифичности в эмоциональных концептах различны. В.Ю. Апресян полагает, что в двух сопоставляемых языках сравнение не отдельных слов, а целых полей «позволяет составить более объективное представление о языковой концептуализации <...> эмоций и избежать отождествления отсутствия и наличия в языке каких-то слов (в частности, точных переводных эквивалентов словам другого языка) с неперенным отсутствием и наличием каких-то ментальных, когнитивных и эмоциональных особенностей у носителей этого языка» [8, с. 27]. Автор предлагает метод кластерного анализа, состоящий в описании и сравнении эмоций в разных языках на основе сравнения семантических полей. В каждом кластере (весь диапазон эмоций внутри каждой группы и вся система эмоциональных концептов в целом) анализируется основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоции, а именно: 1) весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные оттенки эмоции; 2) весь спектр частеречно разнородных средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоции: *каузацию; внутреннее эмоциональное состояние; поведение, мотивированное эмоцией; физиологические реакции* на эмоцию; *поведенческие реакции* на эмоцию.

Благодаря предложенной методике выявлены, в частности, различия в использовании частей речи для выражения эмоций в паре сопоставляемых языков (английский vs русский): например, существительное *pity* встречается в двадцать раз чаще, чем глагол *to pity*, а для передачи смысла типа ‘поведение, мотивированное эмоцией’ или ‘действие, мотивированное эмоцией’ используются аналитические конструкции вида *have + имя эмоции, take + имя эмоции*. В то же время в русском языке глаголы со значением эмоций являются регулярным явлением (ср.: *жалеть, стыдиться, радоваться, ужасаться*) [8, с. 24]. Исследователь приходит к неоднозначному выводу об отсутствии прямолинейности в отношениях между языком и ментальностью, о невозможности делать выводы о национальном менталитете на основе исключительно языковых данных, и, наоборот, «ожидать, что все особенности национального менталитета будут четко и однозначно отражены в языке» [8, с. 24].

И.А. Широкова для выявления национальной специфики этномаркированности эмоциональных концептов обратилась к сопоставлению двух фреймов концепта «любовь» в русском и немецком языках. Исходя из того, что это чувство неизбежно взаимодействует с другими концептами на основе ассоциативной связи, в работе постулируется, что это взаимодействие может быть направлено либо по вектору положительных эмоций, когда любовь приносит субъекту ощущение счастья, либо чувство может быть отрицательно окрашено и взаимодействовать с отрицательными эмоциями. Две стороны чувства представляют собой основные «вершинные уровни фрейма, всегда справедливые по отношению к предполагаемой ситуации» [9, с. 189]: фрейм 1 «любовь-счастье», так условно обозначается положительный вектор чувства, и фрейм 2 «любовь-несчастье», обозначающий его отрицательную направленность. Соответственно, результат сопоставления фреймов «любовь-счастье / Liebe-Glück» и «любовь-печаль / Liebe-Kummer» позволяет автору утверждать следующее: эмоциональный концепт «любовь» относится к числу универсальных концептов, отражающих общую для всех этносов эмоциональную тему, однако это не предполагает полного межкультурного совпадения ни по форме, ни по объему и, по полученным автором результатам, проявляется в периферийных слоях, наполняемых индивидуальными реализациями, признаками с низкой или единичной частотностью [10].

М.Б. Енева и О.Б. Пономарева с целью выявления этнокультурной специфики в концептуализации эмоции «восторг / delight» в английском и русском языках обратились к сопоставлению семантических полей данных концептов на материале английского словаря-тезауруса “Roget’s Thesaurus of English words and phrases” и русского «Словаря-тезауруса синонимов русской речи», а также к эссеистским произведениям К.Г. Паустовского и Д.Б. Пристли. В целом концептуальные карты восторга в сочинениях Д.Б. Пристли и К.Г. Паустовского выявили идентичные подтипы «восторга» *радость, счастье, наслаждение*; был выявлен универсальный стимул, вызывающий «восторг/delight», т. е. природа (пейзажи) во всех своих проявлениях. Авторам удалось распознать некоторые отличительные подтипы данного концепта. При этом, однако, подчеркивается, что полученные данные раскрывают специфику мироощущения и особенности стиля

художественной публицистики того и другого автора. Вероятно, для верификации результатов к контрастивным исследованиям следует привлечь также тексты других авторов [11].

К.О. Погосова сопоставляет вербальное выражение концептов «удивление», «радость», «стыд», «страх», «печаль/горе», «гнев» «презрение/отвращение» в английском и русском языках, используя метод выделения синонимических рядов с определенной доминантой для каждого блока на базе лексикографического материала. Она заключает, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-разному. Сопоставление позволило обнаружить «количественное превосходство концептов эмоций в английской языковой картине мира, разную градуальность, качество, глубину и интенсивность оязыковленных имен эмоций» [12, с. 8]. Русское же языковое сознание, по данным автора, демонстрирует меньшую дифференциацию в лексикализации эмоциональных концептов, меньшую нюансированность в концептуализации эмоций, но ярко выраженную оценочность и интенсивность. Интересно, что указанная особенность не распространяется на эмоциональный концепт *стыд*, который в русском языке имеет большую дифференциацию по сравнению с английским. Данный факт в исследовании объясняется тем, что для русского языкового сознания эмоция *стыда* является отражением особенностей национальной логики мышления, обращенной более к чувствам человека, нежели к его рассудку.

Заключение

Эмоциональные концепты отмечены этнокультурной спецификой, различия не всегда лежат на поверхности, однако они могут быть обнаружены с помощью применения целенаправленных исследовательских процедур. Очевидно, что в контрастивные исследования в области концептуализации эмоций в разных культурах должны вовлекаться разные пары языков, с одной стороны, и различные эмоции и их нюансы, с другой. Очевидно также и то, что получение нового знания в этой сфере не лежит в прямолинейном соотношении проявления эмоций и особенностей менталитета в разных культурах, а в сопоставлении эмотивно-концептуальных полей сравниваемых языков с последующей культурно-верифицируемой интерпретацией выявленных расхождений.

Литература

1. Ekman P. Basic emotions // Ed. by T. Dalgleish, M. Power. Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999.
2. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. London, 2000.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996. С. 122–133.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
6. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
7. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001.
8. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
10. Широкова И.А. Особенности структуры эмоционального концепта и его изучение в аспекте перевода // Актуальные вопросы филологических наук: проблемы и перспективы: Материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.) / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Чита, 2011. С. 162–165.
11. Енева М.В., Пономарева О.Б. Сравнительный анализ эмоционального кластера «восторг» / “delight” в русском и английском языках (на материале эссе Д.Б. Пристли и К.Г. Паустовского) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 3 (3). С. 79–88.
12. Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2007.

Нормы как когнитивные доминанты: кросс-культурная вариативность

Аннотация. Статья посвящена нормам как когнитивным доминантам языкового сознания. Являясь значимыми конститuentами коллективных схем знаний, нормы обуславливают вариативность языковой интерпретации фрагментов действительности в рамках определенного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: культура, когниция, язык, нормы

E.V. Fedyaeva
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk

Norms as cognitive dominants: cross-cultural variety

Abstract. The article deals with norms as cognitive dominants of language consciousness. Being significant constituents of collective knowledge schemas, norms determine the variability of linguistic interpretation of reality fragments within a certain linguistic and cultural community.

Keywords: cognition, culture, language, norms

Одной из отличительных особенностей современной науки о языке является ее междисциплинарный, интегративный характер, подразумевающий расширение границ лингвистики с целью привлечения данных, полученных в смежных науках. Следствием этого становится поиск и формирование новых подходов, принципов и методов анализа, повышающих уровень экспланаторности исследований в области языка. Подтверждением данного тезиса может считаться тот факт, что сегодня анализ реалий языка имеет все более выраженный культурно ориентированный характер.

В этой связи представляется, что когнитивное направление в лингвистике, акцентирующее внимание на антропоцентрическом характере языковых единиц, открывает новые возможности для объяснения вопросов взаимодействия языка и культуры, описания специфики процессов концептуализации и категоризации действительности и последующей их языковой интерпретации в рамках того или иного лингвокультурного сообщества. Отметим и активно развивающуюся культурологическую лингвистику (“cultural linguistics”) как междисциплинарную область исследований, интегрирующую знания из таких областей, как этносемантика, этнография коммуникации и когнитивная лингвистика, основной целью которой является многовекторный анализ отношений между языком и культурой. В рамках культурологической лингвистики принято считать, что когниция (“cultural cognition”) и процесс концептуализации действительности (“cultural conceptualization”) культурно детерминированы. Этим обусловлено обращение к проблеме реконструкции категорий культуры (“cultural category”), метафор культуры (“cultural metaphor”), а также культурно-специфических схем знаний (“cultural schema”) [1–3].

Отмеченная необходимость изучения культурно-специфических схем знаний подразумевает положение о том, что система коллективных знаний предлагает индивиду разнообразные когнитивные схемы в качестве своеобразных ориентиров осмысления и языкового выражения фактов реальности. Накопленные в ходе предшествующего опыта членами определенного коллектива, эти знания представляют собой, по словам У. Найссера, «готовый план для осмысления и структурирования информации об объектах и фактах действительности» [4, с. 74], или, как их определяет Н.Н. Болдырев, «формы языкового сознания, которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира» [5, с. 10].

При этом важно подчеркнуть, что значимым конститuentом когнитивных коллективных схем знаний являются нормы. Не существующие в природе и окружающей человека действительности, нормы формируются и существуют там, где есть человек, использующий их как базис для сосуществования внутри определенного коллектива. В этой связи приведем слова Н.Д. Арутюновой, отмечающей, что термином «норма» человек обозначает «все виды и формы порядка, имея в виду и

естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Первые отрабатываются в стремлении природы к равновесию – необходимому условию ее существования; вторые создаются в ходе целенаправленной деятельности человека» [6, с. 75].

В целом нормы выступают в качестве когнитивных точек референции (в терминологии Э. Рош), или когнитивных доминант, представляющих собой сформированное в определенной сфере, а также в рамках того или иного лингвокультурного сообщества традиционное знание, в соответствии с которым и осуществляется осмысление и языковая репрезентация познавательного опыта.

Таким образом, процесс получения нового выводного знания всегда опирается на выработанные в разных сферах опыта нормы, которые задействуются в ходе мыслительной операции сравнения. Например, представления о нормальном или типичном человеке как некая усредненная норма формируется комплексом значимых признаков, существенная часть из которых содержит различные количественные характеристики, фиксирующие нормальные с точки зрения стереотипных представлений показатели роста, веса, количества и длины волос, количества зубов и т. п. Отклонения (положительные или отрицательные) обнаруживаются в процессе сравнения с существующей нормой.

Подобным образом в роли когнитивных доминант выступают количественные нормы, включающие научно обоснованные числовые стандарты, а также культурно специфические стереотипные представления, порождающие формирование социокультурных норм. Например, температура тела человека в пределах 36,5°– 37,0 °С обуславливает формирование выводного знания и интерпретирующей характеристики «здоровый», а параметрические показатели «90–60–90» принимаются в обществе в качестве определенной нормы и стандарта женской красоты. Таким образом, подобного рода количественные показатели направляют процесс интерпретации в рамках условно выстраиваемой шкалы, являясь индикаторами нормальных, положительных или отрицательных характеристик.

Очевидно, что сфера нормативных представлений является «культурно чувствительной» и отмечена межкультурными различиями. Являясь стабильным компонентом знания любого лингвокультурного коллектива, нормы обеспечивают схожее осмысление свойств и характеристик различных ингредиентов среды и фрагментов действительности в рамках данного коллектива.

Вопрос моделирования норм, существующих в сознании представителей различных лингвокультурных сообществ, представляется довольно сложным и объемным ввиду многообразия областей знания, формируемых в ходе общения человека с действительностью, и присущей им культурной вариативности. Нормы характеризуются устойчивостью и тенденцией к стереотипизации внутри определенного лингвокультурного сообщества, на определенном временном отрезке. Так, не являются в этом смысле исключением, например, представления о стереотипных нормах красоты, определяющие вектор их языковой интерпретации и дальнейшей оценки в терминах «красивый / некрасивый». По словам Г. Фреге, «нечто является для меня прекрасным именно потому, что я считаю его прекрасным. Нет ничего, что было бы прекрасным само по себе – оно таково только для воспринимающего существа, и в случае суждений о прекрасном это существо должно всегда присутствовать в мысли. Однако выносим же мы такие суждения, которые, как кажется, претендуют на объективность. В основе этого лежит всегда – сознаем мы это или нет – предположение о (человеческой) норме...» [7, с. 310]. Г. Фреге также подчеркивает, что свойство «быть нормальным целиком зависит от той среды, которая принимается во внимание. Как можно заставить негра в Центральной Африке отказаться от взгляда, что узкие носы европейцев некрасивы, а широкие негритянские носы, наоборот, красивы?» [7, с. 310]. В этой связи приведем слова Ю.Д. Апресяна, полагающего, что «норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [8, с. 74].

Отметим и тот факт, что нормы, в том числе и красоты, могут меняться с течением времени. Культурная вариативность норм и эталонов красоты мотивирована ценностями, признаваемыми на том или ином этапе исторического развития внутри определенного лингвокультурного сообщества. Продемонстрируем сказанное следующим примером, где количественная оценка в терминах *tiny* сопряжена с идеей 'красивый' и объясняется тем, что примерно тысячу лет назад в китайской культуре изувеченные, но миниатюрные (около 8 сантиметров) стопы женщин, именуемые «лотосовыми ножками», считались не только нормой, но и эталоном красоты:

Yan Chang told me a story about second Wife. She could play several musical instruments, sing ancient tales with heartbreaking clarity, and ... **cross her tiny feet** in just the right manner. ... As you can see, **Third wife is quite ugly. She does not even have small feet.**¹

Известно, что нормы определяют и правила взаимодействия людей в социуме (социальные нормы), являясь индикатором коллективных конвенций. Культурно маркированные нормы выступают в качестве регулятивов поведения для представителей определенного лингвокультурного сообщества (например, нормы скорости, предписанные правилами дорожного движения, а также нормы труда будут различаться в разных социокультурных группах).

Нормы формируют и определенный стиль жизни, и этнокультурный коммуникативный стиль. Так, например, меньшее по сравнению с Россией количество трудовых часов в неделю, принимаемых в качестве нормы во Франции, вполне соотносится с доминантами французской лингвокультуры SAVOIR VIVRE и JOIE DE VIVRE – т. е. легкого отношения к жизни:

(2) Il n'y avait qu'à Paris que les aéroports étaient si sales, songea-t-il. Trente-cinq heures, **famous frenchy désinvolture** ou certitude d'avoir, à portée de taxis ronchons, la plus jolie ville du monde?²

– (Только в Париже аэропорты такие грязные, – подумал он. Что же тому виной?)

Тридцати пятичасовая рабочая неделя, известная всем французская легкость и непринужденность или уверенность в том, что до самого красивого города в мире рукой подать?).

Легкое отношение к жизни, позитивный настрой и противоречивость национального характера обуславливают и достаточно эмоциональный и экспрессивный стиль коммуникации, что, как известно, идет вразрез, например, с культурными нормами британского общества, которые предписывают сдержанность в проявлении эмоций.

Подводя итог сказанному, отметим, что очевидным представляется тот факт, что источником представлений о норме является человеческий опыт – научный или обыденный, теоретический или практический, общечеловеческий или же ограниченный рамками конкретного лингвокультурного сообщества. Понимаемые в самом общем смысле как коллективные стандарты, нормы затрагивают все сферы жизни и деятельности человека, являясь неотъемлемой частью коллективных и индивидуальных когнитивных схем языковой интерпретации. В статье были затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с широкой проблематикой нормативности в контексте культуры. В рамках проблематики эффективного межкультурного взаимодействия многие вопросы, связанные с реконструкцией релевантных для определенной культуры норм, еще ждут своих исследователей.

Литература

1. Palmer Gary B. *Toward a theory of cultural linguistics*. Austin, Texas, 1996.
2. Sharifian F. Schema-based processing in Australian speakers of Aboriginal English // *Language and Intercultural Communication*. 2001. № 1 (2). P. 120–134.
3. Sharifian F., Jamarani M. Cultural schemas in intercultural communication: A study of the Persian cultural schema of *sharmandegi* 'being ashamed' // *Intercultural Pragmatics*. 2011. № 8-2. P. 227–251.
4. Найссер У. *Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии*. М., 1981.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 10–20.
6. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М., 1999.
7. Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. М., 2012.
8. Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды*. Т. 1. М., 1995.

¹ Amy Tan. *The Joy Luck Club*. Lnd.: Vintage Books, 1998.

² Gavalda A. *La consolante*. Paris: Le Dilettante, 2008.

Кросс-культурные и когнитивные аспекты фразеологических единиц

Аннотация. Статья посвящена исследованию кросс-культурных и когнитивных аспектов фразеологических единиц. Целью статьи является проведение сопоставительного анализа лексических и грамматических компонентов в коммуникативном дискурсе разных культур, когда доминируют когнитивные механизмы концептуализации и категоризации знаний.

Ключевые слова: фразеологизмы, вторичные концептуально-категориальные знания, когнитивные аспекты

T.V. Khvesko
O.V. Shatilovich
University of Tyumen
Tyumen

Cross-cultural and cognitive aspects of phraseological units

Abstract. The article describes the cross-cultural and cognitive aspects of phraseological units. The aim of the article is to make a comparative analysis of the cultural differences in lexical and grammatical components in the communicative discourse where the cognitive mechanisms of conceptualization and categorization of knowledge dominate.

Keywords: phraseological units, secondary conceptual categorical knowledge, cognitive aspects

Современная антропоцентрическая научная парадигма рассматривает человека как субъект познания, что приобретает особое значение в связи с проблемой языковой картины мира и ее отражением фразеологическими единицами разных этносов. Сопоставительный анализ кросс-культурных аспектов фразеологических единиц показывает, что осознание уникальности культуры носителей языка, понимание неразрывной связи языка и культуры находит отражение в сознании народа, в частности в широко используемых идиомах, поговорках и пословицах. Сравнительный анализ некоторых фразеологизмов в английском и русском языках показал уникальное сходство в строении, образности и стилистической окраске: *сливки общества – the cream of society; игра стоит свеч – the game is worth the candle; играть с огнем – to play with fire; сжигать мосты – to burn bridges; нет дыма без огня – there is no smoke without fire; трудолюбивый, как пчела – busy as a bee.* Соматизмы, участвующие в образовании фразеологизмов, имеют символический характер, и создаваемые образы понятны для носителей и русского, и английского языков: *to have a good head on the shoulders – иметь голову на плечах; to wash one's head – намылить голову (шею); one's hair stood on end – волосы дыбом встали; to be all eyes – смотреть в оба; not to see beyond the end of a nose – не видеть дальше собственного носа; to look down a nose at somebody – задирать нос; a tooth for a tooth – зуб за зуб; to have lost a tongue – язык проглотить.* Образ как категория сознания связана непосредственно с восприятием мира. Современное понимание образа и образности формируется учеными в области психолингвистики и когнитивной лингвистики [1]. В.Б. Гольдберг интерпретирует образность как способ концептуализации, основанный на восприятии признаков объекта, при котором ведущим является зрительное восприятие. Восстановление недостающего элемента события, т. е. реконструкция события путем восстановления пропозиции – такой прием, как “inferential bridging”, – играет большую роль в осмыслении фразеологизмов [2, с. 431]. Описание вторичных когнитивных механизмов формирования смысла идиом в разных культурах обусловлено культурологическими особенностями этноса [3]. Интерпретация мира в идиомах обусловлена экстралингвистическими факторами: религией, культурой, окружающей действительностью, межэтническими контактами. В идиомах проявляются креативные возможности как коллективного, так и индивидуального опыта носителей языка, происходит осмысление реального события в новой ситуации, осуществляется вторичная интерпретация языковых явлений. Идиомы как результат метафорического и метонимического переосмысления конкретного значения языковых единиц

представляют собой воплощение мыслительного прообраза концептуально-категориальных знаний в процессе восприятия мира носителями языка. В разных культурах часто происходит смена образности. Это интересное явление можно назвать блендингом или концептуальной интеграцией, когда образы в разных культурах имеют общее выводное знание, которое возникает в результате умозаключения [3]. Так, наблюдаемые различия лексем-образов в составе указанных далее фразеологических единиц (*борода/кулак, поросенок/кот, голова/глаз, горошины/капли, ложка/сорочка*) в результате переосмысления приводят к выявлению характерной для обеих ситуаций пропозиции: *to laugh in the beard / смеяться в кулак* (общая пропозиция – насмехаться); *to buy a pig in a poke / купить kota в мешке* (общий смысл – продешевить); *head to head / с глазу на глаз* (общая пропозиция – наедине); *as two peas / как две капли воды* (общая пропозиция – сходство); *to be born with a silver spoon in the mouth / родиться в сорочке* (общая пропозиция – счастливец); *not worth a bean / гроша ломаного не стоит* (общая пропозиция – пустое); *the rotten apple injures its neighbours / паршивая овца все стадо портит* (общая пропозиция – негативное влияние); *as cool as a cucumber / спокоен, как удав* (общая пропозиция – без эмоций). Даже такие разные по лексическому составу фразеологизмы, как *You made your bed, now lie in it* и *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай*, имеют общую пропозицию – ответственность за проступок.

Разработка многоуровневой модели лингвокогнитивного анализа фразеологических единиц позволяет раскрыть процессы смыслообразования, трансформацию лексических и грамматических компонентов в коммуникативном дискурсе, когда доминируют механизмы вторичной концептуализации и категоризации знаний [4]. Вариативность описательного перевода английских фразеологизмов на русский язык наблюдается в текстах художественной литературы. Способ перевода фразеологизма конкретного художественного текста всегда соответствует принятым нормам языка и культуры, эпохи. Переосмысление культурных ценностей часто возникает при наложении фрейма одной культуры на другую. Аксиологическая несовместимость проявляется как на уровне концептуальных и языковых картин мира, так и на уровне отдельных концептов и субъективной инференции [5]. В качестве примера проанализируем возможность перевода фразеологизмов из пьесы Оскара Уайльда “*Lady Windermere’s Fan*”: *Awfully commercial, women nowadays. Our grandmothers threw their caps over the mills, of course, but, by Jove, their granddaughters only throw their caps over mills that can raise the wind for them*. В данном случае автор употребляет сразу два фразеологизма: 1. *throw (fling) one’s cap over the mill* в значении ‘поступать безрассудно, переходить все границы дозволенного’; 2. *raise the wind* – жарг. ‘раздобыть денег’. Рассмотрим вариант перевода данного отрывка переводчиком М.Ф. Лорие: *Ужас, как женщины стали расчетливы. Спору нет, нашим бабушкам тоже случалось пускаться во все тяжкие, но их внучки непременно сначала прикинут, что это им даст*. Для сохранения стиля художественного произведения переводчик пытается подобрать выражения, которые соответствуют культуре героев пьесы, а также исторической эпохе описываемых событий.

Выводы. Взгляд на языковые явления с позиции когнитивной лингвистики предполагает выявление как универсальных, так и специфических факторов их этнической обусловленности. Результаты исследования призваны способствовать дальнейшему развитию изучения языковой концептуализации мира, а также теории кросс-культурной коммуникации. Результаты исследования подтверждают, что, несмотря на различия лексических и грамматических систем в разных культурах, в коммуникативном дискурсе доминируют когнитивные механизмы концептуализации и категоризации знаний.

Литература

1. Гольдберг В.Б. Форматы фонового знания в образном сравнении // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 9. С. 175–183.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М., 2007.
3. Хвесько Т.В., Нагель О.В., Басуева Н.Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода. Язык и культура. 2021. № 53. С.81–93.
4. Болдырев Н.Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. Вып. 4. С. 22–34.
5. Заботкина В.И. Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 27. С. 68–72.

Наши авторы

- Абакумова Ольга Борисовна*, доктор филологических наук, доцент, профессор Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева; abakumova-ob@mail.ru
- Алексеева Лариса Михайловна*, доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет; larissapsu@gmail.com
- Белимова Полина Андреевна*, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; belimova_polina@mail.ru
- Бударина Анна Олеговна*, доктор педагогических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; ABudarina@kantiana.ru
- Виноградов Сергей Николаевич*, доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; vinogradov54@mail.ru
- Вишнякова Ольга Дмитриевна*, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет; ol-vish@mail.ru
- Глазунова Ольга Игоревна*, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; o.i.glazunova@mail.ru
- Голубкова Екатерина Евгеньевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор Московского государственного лингвистического университета; katemg@yandex.ru
- Горностаева Анна Алексеевна*, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета; anngormostaeva@yandex.ru
- Гришаева Людмила Ивановна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета; grischawa@rgph.vsu.ru
- Гурочкина Алла Георгиевна*, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; i.arkhipov@yandex.ru
- Дроздова Татьяна Васильевна*, доктор филологических наук, профессор Астраханского государственного технического университета. E-mail: drozdova_astu@mail.ru
- Дубровская Ольга Георгиевна*, доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; o_dubrovskaya@inbox.ru
- Защиринская Оксана Владимировна*, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Санкт-Петербургского государственного университета; zaoks@mail.ru
- Канашина Светлана Валериевна*, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; svetlanakanashina@yandex.ru
- Козлова Любовь Александровна*, доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета; lyubovkozlova@list.ru
- Короленко Ирина Александровна*, старший преподаватель Балтийского федерального университета им. И. Канта; IKorolenko@kantiana.ru
- Кузнецова Ирина Павловна*, кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета; irena-pav@mail.ru
- Куперин Юрий Александрович*, доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Лаенко Людмила Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, доцент Воронежского государственного университета; lvlaenko@mail.ru
- Левцкий Андрей Эдуардович*, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; andrelev@list.ru
- Лось Александра Львовна*, кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «МИЭТ»; al_los24@mail.ru
- Манерко Лариса Александровна*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики английского языка факультета «Высшая школа перевода» Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; wordfnew@mail.ru

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук профессор, Московский государственный гуманитарный университет; ostvera@mail.ru

Мишланова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; mishlanovas@mail.ru

Мухина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; to_juliam@mail.ru

Ныгметова Бибигуль Джамбуловна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета; bibiguln@mail.ru

Оспанова Жанна Толюбаевна, PhD, доцент Евразийского гуманитарного института; zhanna19@list.ru

Петухова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; t.petuhova@spbu.ru

Письмак Юрий Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; urismak@gmail.com

Пономарева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета; obronomareva@list.ru

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; timur@radbil.ru

Реверчук Игорь Васильевич, доктор медицинских наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; igor7272igor@gmail.com

Сизова Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, учитель-логопед Психолого-педагогического центра по социальной адаптации детей с тяжелыми нарушениями речи; osizova@yandex.ru

Соколова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; n.y.sokolova@spbu.ru

Таймур Мария Павловна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета; mariataymour@gmail.com

Тарабакина Анастасия Анатольевна, студент Новосибирского государственного технического университета; anastasiyalowe@gmail.com

Тимофеев Валерий Германович, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; v.timofeev@spbu.ru

Троценкова Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e.troschenkova@spbu.ru

Тульнова Маргарита Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета; tumargarita@yandex.ru

Тырыгина Валентина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова; paraval@yandex.ru

Федяева Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор Новосибирского государственного технического университета; fedyaeva_lena@mail.ru

Хвесько Тамара Владимировна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета; khvesko@inbox.ru

Черных Герман Анатольевич, кандидат физико-математических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; german.ch@chgerman.com

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН; i.shaposhnickowa@yandex.ru

Шарпкова Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, кафедра английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; wagarpkova@mail.ru

Шатилович Ольга Викторовна, старший преподаватель доцент Тюменского государственного университета; o.v.shatilovich@utmn.ru

Щеглова Нина Александровна, бакалавриат по направлению «Психология», Санкт-Петербургский государственный университет; магистратура по направлению «Лингвистика», Йоркский университет, г. Йорк, Великобритания; ninaschegol@yandex.ru

Щирова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; Schirova@yandex.ru

Юлия Игоревна Щербинина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; y.i.shcherbinina@yandex.ru

Языков Константин Геннадьевич, доктор медицинских наук, профессор Сибирского государственного медицинского университета, профессор Томского государственного университета; yazk@mail.ru

Contents

Chapter I. Developing the integral knowledge of cross-cultural contacts in the humanities, neurosciences and artificial intelligence

<i>Belimova P.A., Zashchirinskaia O.V., Scheglova N.A.</i> How adolescents with mild mental retardation integrate into the cultural and linguistic field by means of alternative communication.....	6
<i>Budarina A.O., Korolenko I.A.</i> Sociopragmatics in professional language education: the anthropological turn.....	11
<i>Glazunova O.I.</i> DNA of thought: the genetic code of language and thinking.....	15
<i>Ponomareva O.B.</i> Cross-cultural linguistic models of substandard anthropological and toponymical derivation in the cognitive aspect.....	19
<i>Troshchenkova E.V.</i> Internet memes as concentrators for axiological aspect of event representations	23
<i>Shaposhnikova I.V.</i> Models of language personality in the search for integrated knowledge about human... ..	26
<i>Chernykh G.A., Pis'mak Yu.M., Kuperin Yu.A.</i> Music of self-organized structures in the study of cognitive processes.....	31

Chapter II. Cross-cultural specifics of interaction between science and art

<i>Vinogradov S.N.</i> Paradigmatics of language as a universal model of the problem situation	35
<i>Gurochkina A.G., Shchirova I.A.</i> Tolerance, comprehension and interpretation in cross-cultural interaction	39
<i>Drozhdova T.V.</i> Verbal representation of knowledge from an innovative interdisciplinary field: cross-cultural perspective	42
<i>Laenko L.V.</i> How linguocreative is the text of painting works fine art commentary?	46
<i>Petukhova T.I.</i> Cognitive mechanism of comparison in the Anglophone art history text on socialist realist painting	50
<i>Timofeev V.G.</i> Narratology as a challenge to cognitive studies: a case of Peter Blum's "The Rock"	54

Chapter III. Cognitive features of verbal representations of the norms and traditions of different societies

<i>Abakumova O.B.</i> Vegetative cultural code in Russian and English proverbs about truth and lie	57
<i>Vishnyakova O.D.</i> Anthroponymic sobriquets: nomination traditions and norm adequacy.....	61
<i>Golubkova E.E., Kanashina S.V.</i> Cognitive framing and reframing (the case of English internet memes)	65
<i>Dubrovskaya O.G.</i> Modeling of sociocultural parameters in discourse	69
<i>Manerko L.A., Sharapkova A.A.</i> Core meaningful points in moral philosophy of John Locke.....	73

Chapter IV. Mechanisms of interaction between the categorization of events and axiological layer of their representation: cross-linguistic studies

<i>Grishaeva L.I.</i> Correlation between axiological cognitive, nominative and discursive strategies in ludic communication.....	75
<i>Levitsky A.E.</i> Correlation of verbal representations in Russian and English worldviews: a case of partial co-incidences.....	81
<i>Los' A.L.</i> Experimental study of differences in cognitive interpretation of meanings of the words representing auditory sensations in English and Russian.....	85
<i>Sokolova N.Yu.</i> Axiogenic Art Event: Cognitive Bases of Cross-Cultural Narrative	90
<i>Tulnova M.A.</i> Axiological transformations in concepts in the period of global crisis	94
<i>Yazykov K.G., Reverchuk I.V.</i> Temporal Binding in the Phenomenology of Psycho-corporeality (Empirical Approach).....	98

Chapter V. Characteristics of emotional concepts: a cross-cultural perspective

<i>Gornostaeva A.A.</i> Ethnostylistic peculiarities of English and Russian ironic discourse	102
<i>Mukhina Yu.N.</i> Sensory support of the emotion in Russian and English	107

<i>Fedyayeva E.V., Tarabakina A.A.</i> Culture-specific conceptualisations of emotions and their linguistic expression	111
<i>Chapter VI. Studies of argumentation, visual perception and social cognition</i>	
<i>Alekseeva L.M., Mishlanova S.L.</i> Modeling of collaborative translation	115
<i>Radbil T.B.</i> Meta-language operators as a means of speaker's manipulative appeals to the cognitive base of the language community	122
<i>Sizova O.B.</i> Culture and cognitive styles: in search an agent of influence.....	126
<i>Chapter VII. Pragmatics of metaphor and the processes of understanding in different cultures</i>	
<i>Min'yar-Beloroucheva A.P.</i> Conceptual metaphor as a tool of reconstructing the historical past in different cultures	130
<i>Nygmetyova B.D., Ospanova Zh.T.</i> Pragmatic aspect of meteorological metaphor.....	134
<i>Taymour M.P.</i> The pragmatic role of metaphor in creative multimodal English discourse.....	138
<i>Shcherbinina Yu.I.</i> Metaphors and demetaphorization in English-language literary fairy tales (based on “Mary Poppins” by P.L. Travers).....	141
<i>Chapter VIII. Review articles</i>	
<i>Kozlova L.A.</i> Ways of representing culture-specific in the lexicon of a language and the problem of translation.....	144
<i>Kuznetsova I.P.</i> Cross-cultural aspects of considering emotional concepts in the process of learning foreign languages	147
<i>Tyryguina V.A.</i> Conceptualization of emotions in different languages	150
<i>Fedyayeva E.V.</i> Norms as cognitive dominants: cross-cultural variety	154
<i>Khvesko T.V., Shatilovich O.V.</i> Cross-cultural and cognitive aspects of phraseological units.....	157
Our authors	159

Научное издание

Интегративные и кросс-культурные подходы
к изучению мышления и языка

Материалы
международной научной конференции

Москва, 5–6 апреля 2022 г.

Компьютерная верстка *С.И. Переверзевой*

*Оригинал-макет подготовлен в Научно-образовательном центре
когнитивных программ и технологий РГГУ*

Уч.-изд. л. 15,5
Заказ № 1558

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6